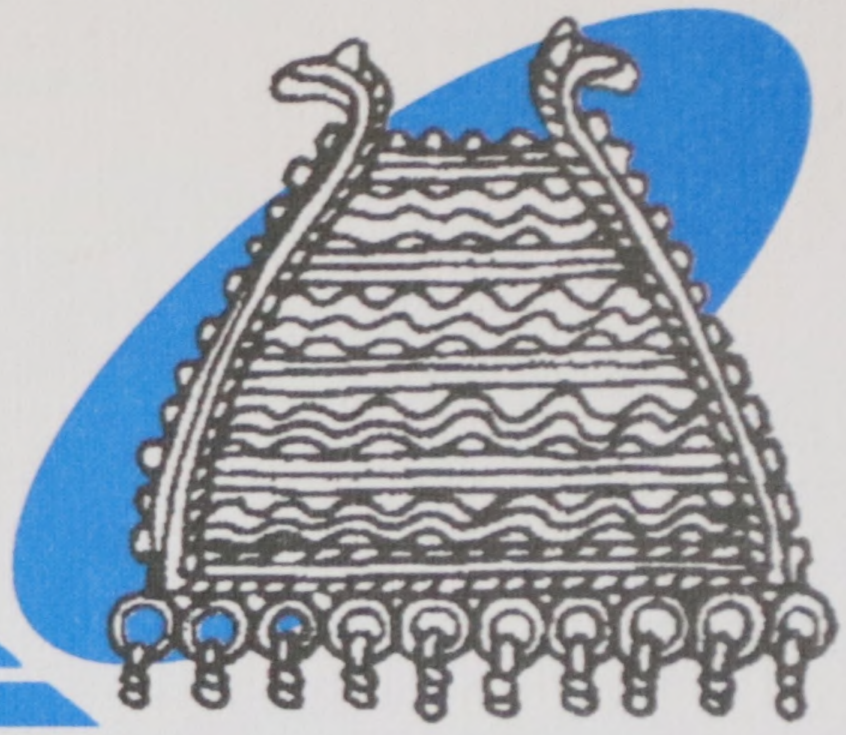
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2.2011

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2011, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (*главный редактор*)
С.С. Сибатрова (*зам. главного редактора*)
Т.Л. Молотова (*отв. секретарь*)
И.Г. Иванов
Л.Е. Кириллова
Н.И. Кульбаева
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
А.Н. Ракин
Л.С. Христолюбова

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
могут не совпадать с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Чикина Н.В. Проблемы становления детской литературы на вепсском языке. 3

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Особенности погребений с орудиями литья на марийских могильниках IX–XII вв. 12

Орлова О.В. Занятость и безработица молодежи в Республике Марий Эл. .. 25

Лаврентьев Г.И. В.А. Богородицкий как видный представитель Казанской лингвистической школы: очерк жизни и научно-педагогической деятельности. ... 36

СООБЩЕНИЯ

Душенкова Т.Р. Новая лексика в работах П.Лебедева. 47

Садиков Р.Р. Об одном эпизоде научной деятельности священника и этнографа Н.Н. Блинова. 66

Малева А.В. Современная женская поэзия коми: переживание любви. 72

ПЕРСОНАЛИИ

Максимов В.Н. К юбилею О.А. Сергеева. 80

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Попов Н.С. Ямурзина Л. Рец.: Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода (на примере восточных мари). – Диссертация на соискание ученой степени доктора философии по специальности этнология. – Тарту. Ülikooli kirjastus, 2011. – 219 с. 83

Молотова Т.Л. Рец.: «Н.В. Никольский. Собрание сочинений в четырех томах». - Чебоксары: Чувашское книжное издательство. – Т. I, 2004. – 527 с.; Т. II, 2007. – 447 с.; Т. III, 2008. – 735 с.; Т. IV, 2009. – 318 с. 89

Цыпанов Е.А. Рец.: Шибанов А.А. Наречия в удмуртском языке. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ижевск, 2011. – 236 с. 93

Миннияхметова Г.Г. Рец.: Anna-Leena Siikala & Oleg Ulyashev. Hidden Rituals and Public Performances. Traditions and Belonging among the Post-Soviet Khanty, Komi and Udmurts. – Helsinki: Finnish Literature Society, 2011. – 368 p., il., maps. 98

ХРОНИКА

Андрианова Е.М. VIII Международный симпозиум «Языковые контакты Поволжья». 100

Цыпанов Е.А., Крашенинникова Ю.А., Кузнецова Т.Л. Всероссийская научная конференция «Филологические исследования на рубеже XX–XXI вв.: традиции, новации, итоги, перспективы». Сыктывкар, 19–21 октября 2011 г. 103

Садовин И.Г. Хроника научной и культурной жизни финно-угорского мира за 2011 год 108

Сведения об авторах 118

«Финно-угроведение», 2011, № 2

СТАТЬИ

Наталья Чикина
Петрозаводск

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ

Венгерский ученый П. Домокош в своей классификации уральских литератур отнес вепсскую литературу, наряду с ингерманландской, к седьмой группе. По его мнению, об этих литературах «можно говорить только в прошедшем времени». К тому же «смысл их литературы и фольклора можно понять только в связях с советской национальной политикой» (1, с. 44–45). Отчасти с этим высказыванием можно согласиться. Когда П. Домокош писал свою работу, он, вероятно, и предположить не мог, что вепсская литература найдет в себе силы и возродится.

Развитие вепсской детской литературы происходило неравномерно. В 1920-е годы основная задача, которую решала литература, заключалась в просветительстве. В связи с территориальным расширением границ Карельской Трудовой Коммуны в 1924 году, в ее состав влилось вепсское население. По всей стране велась ликвидация неграмотности. Как и у карелов, у вепсов была предпринята попытка создать литературный язык. Количество вепсов в первой половине XX века позволяло не считать их меньшинством и даже вести обучение на вепсском языке. Издательства Москвы и Ленинграда активно выпускали учебную литературу для вепсов. Об этом свидетельствуют учебники, изданные в те годы.

Следует отметить, что учебная литература 1930-х годов удовлетворяла теоретическим и методическим нуждам того времени. Для обучения детей вепсов были изданы учебники по следующим дисциплинам: по вепсскому языку, арифметике, географии, естествознанию. Основная часть учебников предназначалась учащимся начальных школ, т.е. для 1–4 классов. Все учебники издавались на латинице, что упростило выбор графики в конце XX века.

В 1940 году в связи с образованием Карело-Финской ССР финскому языку был придан статус государственного. Это означало, что языком администрации, образования и культуры становился финский язык. Во время оккупации Карелии в

1941–1944 годах школьное образование вепсов велось на финском языке. Отражению этих событий посвящен ряд воспоминаний вепсов, живших в то время на оккупированной территории. В начале XXI века об этом написали Раиса Лардо («У чужого порога», 2000), Рюрик Лонин («Детство, опаленное войной», 2004).

За период с 1924 по 1940 гг. литература вепсов сформироваться не успела. Одной из причин такой ситуации было отсутствие интеллигенции у вепсов. С 1940 по 1980-е годы литературными языками Карелии были русский и финский. В 1989 году был утвержден вепсский алфавит, что дало толчок развитию письменности на вепсском языке. С появлением письменности у вепсов открылись новые перспективы перехода от устного народного творчества к собственно литературе. Основной целью литературы конца XX начала XXI века являлось сохранение вепсского языка.

Относительная разобщенность проживания вепсов на территории России (они живут в Республике Карелия, Ленинградской и Вологодской областях) вызывает затруднения в решении ряда вопросов. С другой стороны, вепсы нашли в себе силы и несмотря на существование разных наречий, к началу XXI века разработали вепсский литературный язык, в основу которого положено средневепсское наречие.

Рождение литературы на вепсском языке относится к началу 1990-х годов. Безусловно, эта литература пока не может конкурировать, например, с финноязычной литературой Карелии, но все же у нее уже наметились свои пути становления и развития.

С введением в 1990-е годы преподавания вепсского языка в школах и вузах Карелии, встал вопрос о создании учебников. На рубеже веков центром развития детской литературы станет г. Петрозаводск, где на тот момент будут проживать основные силы творческой интеллигенции. В 1991 году вышел букварь на вепсском языке и книга для чтения для второклассников «Lugem i pagižem vepsäks». Позднее появится и другая учебная литература «Ičemoi lugemišt» (1994), «Meiden sana» (1998) «Vepsän kel': 2 klass» (2009). Среди создателей учебной литературы Н. Зайцева, М. Муллонен, А. Коттина и другие.

С учебной литературой тесно связана и переводная. В учебниках и книгах для чтения мы встречаемся с переводами на вепсский язык произведений карельских (В. Брендоев), советских (Н. Носов, В. Сутеев, Е. Чарушин) и финских (С. Топелиус) писателей. Проанализировать количество переводов детской литературы на вепсский язык, вышедших отдельными изданиями, не представляется возможным из-за их малого количества. Нам удалось обнаружить лишь несколько переводных книг: Н. Григорьев «Полтора разговора» (1937), В. Лукконен «Неудачная рыбалка» (1992), «Калевала» (2003), Н. Силакова «Настоящие друзья» (2006) и «Белая ночь» (2009).

Результатом многолетнего сотрудничества «Общества вепсской культуры» и Международного института перевода Библии (Швеция) и его финно-угорского отделения (Финляндия) стало издание Библии на вепсском языке в 1990-е годы. Первым приступил к переводу библейских текстов Р. Лонин. В 1991 году появились его рассказы для детей о жизни Иисуса «Iisusan elo».

Не обошла вниманием Библию и Н. Зайцева. «Lapsiden Biblii» («Детская Библия») вышла в 1996 году. В ней были представлены сюжеты Старого и Нового Завета. По мнению переводчика, «переводы таких философских текстов, каковым является Библия, позволили поднять со дна памяти и ввести в активный запас весь словарный фонд вепсского языка, помогли вспомнить уже, казалось, совсем забытые слова, дали возможность совершенно другими глазами взглянуть на родной язык» (3, с. 432).

Известную роль в создании детской литературы и детского чтения на вепсском языке сыграла периодика. На страницах газеты «Kodima» («Родная земля»), наряду с произведениями детской тематики, печатались стихи и песни, предназначенные специально для детей.

На страницах периодической печати для детей публиковались переводы произведений советских авторов Е. Чарушина, Н. Носова, В. Бианки, карельских писателей В.Фирсова (сказки), В. Брендоева (стихи). В отличие от карелоязычной и финноязычной литератур, практически нет переводов русской классики. Исключением является перевод седьмой главы поэмы «Евгений Онегин» А. Пушкина, появившийся в 1999 году (перевел Н. Абрамов).

Причиной такой ситуации с переводами детской литературы может служить тот факт, что все силы писателей направлены на создание оригинальных произведений на вепсском языке. По мнению венгерского ученого Л. Керестеша, «самое важное то, чтобы писалось как можно больше произведений на искусственно созданном и отрегулированном литературном языке» (4, с. 169).

Площадкой для вепсов стали и финноязычные журналы «Carelia» («Карелия») и «Kipinä» («Искорка»). Оба журнала предоставляли свои страницы для публикаций произведений на вепсском языке. С 2011 года изменилась ситуация в детском журнале «Искорка». Если до этого в нем существовала только страничка с вепсскими материалами под названием «Vepsläine kibin» («Вепсская искорка»), то теперь четыре номера журнала будут полностью выходить на вепсском языке.

Не менее важным является наличие спроса на художественную литературу, т.е. помимо писателей, нужны и читатели. Проблеме взаимосвязи писателя и читателя был посвящен IX Международный конгресс финно-угорских писателей, который прошел в 2006 году в г. Петрозаводске. Тема конгресса была *Писатель – литература – читатель*. Участники конгресса отмечали, что во всем финно-угорском мире отмечается снижение интереса к книге. Так, к литературе на вепсском языке проявляют интерес специалисты, студенты и школьники, т.е. ограниченный круг читателей. К нему еще добавляются представители других финно-угорских республик и стран, но процент их незначительный.

Поскольку детская литература на вепсском языке стала развиваться параллельно с литературой для взрослых, то сразу же обнаружилась нехватка авторов. Одни и те же писатели стали создавать произведения одновременно для взрослых и детей. Николай Абрамов, Нина Зайцева, Рюрик Лонин – вот имена тех, кто сразу же вошел в литературу. Среди молодых авторов следует назвать Ольгу

Жукову. К сожалению, пополнение рядов вепсов новыми именами и передача эстафеты от старшего писательского поколения к молодежи затруднена. Это вызвано малочисленностью вепсов, незнанием языка и отсутствием интереса к литературе в целом.

На современном этапе в детской литературе превалируют традиционные ценности народа, обращение писателей к фольклорно-художественной традиции. В зависимости от этого определялась тематика произведений. Поскольку вепсоязычная детская литература стала развиваться на рубеже XX–XXI веков, то в ней не нашли места события первой половины XX века, такие как коллективизация, борьба с «кулаками», изображение героя, борющегося за мир и независимость страны, прекрасное будущее, гражданская и Великая Отечественная войны. Все эти события были отражены в других национальных литературах Карелии.

На современном этапе в литературных героях легко отыскать черты современника. Школа, родной край и его природа – вот основные проблемы, над которыми работают писатели. Это лишний раз объясняет, что сюжеты детских произведений были направлены на созидательность, вопросы политической истории не являлись для них основными.

В начале 1990-х годов в литературу пришли люди хорошо знающие вепсский язык. Среди первых авторов-вепсов И.А. Спиридонова называла Н. Абрамова и Р. Лонина (3, с. 393). Рюрик Петрович Лонин (1930–2009) наиболее известен как создатель музея традиционной культуры вепсского народа. Р. Лонин родился в д. Каскесручей Шелтозерского района Карельской АССР. С 1957 года жил в с. Шелтозеро Прионежского района. На протяжении многих лет он собирал фольклор вепсов. Результатом его работы стал выход нескольких книг, в которых он с большой любовью писал о малой Родине. Своими фольклорными книгами он завоевал любовь и признание простых людей Шелтозера – своих читателей.

Большой интерес представляет творчество Р. Лонина для детей. В 1987–1989 гг. он преподавал вепсский язык в Шелтозерской средней школе. В книгу «Minun rahvhan folklor» («Фольклор моего народа», 2000) наряду с фольклорными жанрами для взрослых он включил и произведения для детей. Это сказки, рассказы, стихи, песни, дразнилки, загадки, пословицы и поговорки. Все они были собраны им в разных уголках земли вепсов. Собственно художественные произведения начинают появляться в его творчестве на уровне малых жанров. Первое стихотворение Р. Лонина для детей «Krona» («Ворон») было опубликовано в 1992 году в журнале «Kipinä» («Искорка») и карелоязычной газете «Oma Mua» («Родная земля»).

Вепсским детям он посвятил стихотворение «Miide lapsed» («Наши дети»). Каждое четверостишие стихотворения начинается именно с фразы «наши дети».

Miide lapsed nyguniżed	Наши дети теперешние
Hyvin elgetaze kirdj	Хорошо понимают грамоту
Kāzis kehub opemine	В руках горит учеба
Kaikea nygui om hiil...	Все теперь у них есть...

(Подстрочный перевод Н.В. Чикиной)

Такое внимание к ребятам объясняется тем, что Р. Лонин возлагал большие надежды на будущее поколение, которое продолжит традиции вепсов и не даст забыть им родной вепсский язык.

Первым писателем вепсом, принятым в Союз писателей, стал Николай Абрамов. Он известен в основном как поэт и переводчик литературы для взрослых. Однако его творчество для детей тоже представляет большой интерес. Первые произведения для детей он написал в 1993 году. В своей первой книге «Koume-kümne koume» («Тридцать три», 1994) в разделе «Kaivoine» («Родничок») он опубликовал детские стихи. Тематика этих произведений близка и знакома детям: начало учебного года, животные, природа.

В стихотворении «Školha» («В школу») Н. Абрамов описывает первое школьное утро, естественное нетерпение детворы перед началом учебного года:

Tatam läksi bolha,	Мой папа ушел за брусникой,
Mecha mäni dedam.	В лес ушел мой дед.
Minä astun školha,	Я шагаю в школу,
Minä – äjan tedan...	Я – много знаю…

(Подстрочный перевод Н.В. Чикиной)

Тема детской поэзии – первый день в школе – популярна. Н. Абрамов отходит от сложившейся в русской литературе традиции, где чаще всего стихотворение начинается с пейзажа. По мнению И. Свирской, «пейзаж не связан с настроением ребенка» (5, с. 296). На настроение ребенка-вепса влияет то, что он умеет говорить и читать по-вепсски.

В школьном учебнике по вепсскому языку для 2 класса (6, с. 27) появится еще одно стихотворение Н. Абрамова о школе. Это веселый рассказ о том, чем деревенские школьники занимаются на уроке вепсского языка в сентябре:

Zirkložehe kacub Ol'a,	В зеркало смотрит Оля,
Johor nukkub, pästi pän.	Егор спит, опустив голову.
Saubas sil'mäd ištub Kol'a,	Закрыв глаза сидит Коля,
Keza-aigad muštleb hän...	Летнее время вспоминает он…

(Подстрочный перевод Н.В. Чикиной)

Так же как и Р. Лонин, Н. Абрамов уделяет большое внимание детям. Н. Фомин назвал Н. Абрамова основоположником поэтического вепсского языка (7, с. 156).

В 1994 году вышел сборник песен для детей «Soitoine» («Дудочка»). Он основывается на произведениях народного творчества. В основу сборника легли песни из репертуара вепсского детского хора с. Шелтозеро. Часть песен была записана от Р. Лонина.

В книге представлены излюбленные детьми жанры фольклора: колыбельные, игровые и хороводные песни, считалки, дразнилки. В сборник вошли авторские и народные песни в обработке Л. Мелентьевой.

Главным героем игровых песен сборника «Дудочка» является кошка. Основной прием – это многократное повторение одних и тех же слов. Песни для

самых маленьких включают в себя многократное повторение простых слогов типа: čipa, čipa; kot, kot.

Опираться на вепсский фольклор при создании детской художественной литературы было жизненной необходимостью. Произведения устного народного творчества были легко доступны детям, захватывали воображение юного читателя. С точки зрения языка, формы, педагогической ценности, это был благодатный материал для детского чтения.

В 2003 году в сборнике Алевтины Андреевой «Koivuine» («Березонька») был выделен раздел «Runod lapsile» («Стихи детям»). Главная тема всех стихотворений – природа родного края. Говоря о стихах А. Андреевой для детей, надо сразу же отметить ее верность вепсской народной поэзии.

Поэзия А. Андреевой характеризуется наличием различных народных сравнений и метафор, которые делают детские стихи более интересными и забавными. В стихотворении «Edenoi» («Улитка») она использует различные детские названия моллюска: kiloi-kaloi, čirvoi-karvoi, lizoi-lazoi, rogoi. Все это расширяет словарный запас малыша:

Kiloi-kaloi – lehtisel,
Čirvoi-karvoi – heinäižel,
Lizoi-lazoi – senel,
Rogoi – senel penel...

Килой-калой на листочке,
Чирвой-карвой на травинке,
Лизой-лазой – на грибке,
Рогой – на грибочке…

(Перевод Н. Зайцевой)

В стихотворении-побудке «Nouze, laps» («Вставай, дитя») автор сравнивает ребенка со спящим стогом сена, спящей копной, поросеночком.

Как пишет Н.Г. Зайцева, «А. Андреева как знаток и ценитель фольклора умеет заинтересовать детей рифмованными загадками, считалками, поговорками, которые все шире используются детьми в своих забавах» (3, с. 428). Вот одна из таких считалок:

Jāniš hahkoi, heinäd ratkoi,
Laučale pani, irdale māni.
Ken sen heinän otab,
Se vändon jätab.
Lähte poiš!

Серый зайчик сено рвал,
На лавку клал, на улицу ушел,
Кто-то сено возьмет,
Тот из игры уйдет.
Вон из игры!

(Перевод Н. Зайцевой)

Поэтическое наследие Н. Зайцевой состоит из двух книг: «Izo Lizoi» («Милая Лиза», 2005) и «Vauktan unen süles» («В объятиях бессонницы», 2008). Уже в начале своего творчества Н. Зайцева доказала, что она поэт, пишущий для детей и о детях. Свой первый сборник она полностью посвятила девочке Лизе. Читатель сразу же знакомится с юной героиней и понимает, что она еще очень мала, т.к. даже не умеет говорить. Но время идет и Лиза растет. Первым сложным препятствием для нее являются ступеньки «Pordhaižed»:

Seižun pordhaižel,
Ani korktaižel.

Стою на ступеньках,
На очень высоких.

Kacun ülähän,	Смотрю наверх,
Lugen pordahad...	Считаю ступени…

(Подстрочный перевод Н.В. Чикиной)

В жизни девочки появляются первые игрушки. Стихотворение «Mäčut» («Мяч») по сюжету схоже с известным одноименным стихотворением А. Барто. В стихотворении «Laukas» («В магазине») Лиза выбирает себе зайчика. Н. Зайцева здесь продолжает традиции карелоязычной детской литературы, где почти у каждого поэта есть стихотворение о зайце. Выбор поэтов в данном случае сложно объяснить, т.к. для большинства детей любимой игрушкой является медведь.

Ряд стихотворений описывает детские занятия: игры детей со снегом, рисование, купание в реке. В произведениях мы видим ребенка-современника. Например, плавают дети в очках и ластах. Не забывает поэт познакомить детей и с природой. На ее «лесных» уроках читатель встретится с медведем, лисой, сорокой. Узнает о таких ягодах, как черника, костяника, земляника, брусника.

Очень часто в стихотворениях рифма осуществляется за счет повтора предложений типа minun sizar Lizoi, minun sizar izo. С одной стороны это облегчает детям запоминание стихотворений, с другой – может служить показателем творческой молодости поэта.

Говоря об образности поэтической речи, следует обратить внимание на такие ее компоненты, как сравнение и эпитет. Например, снег у Н. Зайцевой блестящий, как серебряные деньги.

Не обошла вниманием Н. Зайцева и колыбельную, излюбленный жанр вепсов. В стихотворении «Maman kättepajo» («Колыбельная матери») использован типичный для прибалтийско-финских колыбельных припев tuuti, tuuti:

Tutuine-tutoi,	Тутуйне-тутой,
Bajuine-bajoi.	Баюйне-баёй.
Magada, kuldoi,	Спи, золотая,
Pajatan pajoid...	Пою песню…

(Подстрочный перевод Н.В. Чикиной)

Данный зачин начинает песню и в несколько измененном виде заканчивает ее. На этом примере мы видим использование автором деминутивных суффиксов, традиционных ласковых обращений к ребенку.

По мнению Н. Зайцевой, «несмотря на многочисленные предсказания о скорой ассимиляции языков, находящихся под угрозой исчезновения (относительно вепсского языка подобные прогнозы существовали уже в XIX веке), появление его новописьменных традиций и литературы является не мифом, а реальностью начала нового столетия» (2, с. 59).

Вепсские поэты призывают юных читателей любить свой язык, родной край, знать его историю, помогать взрослым и ценить дружбу. За двадцать лет существования детской вепсской литературы у нее сложилась своя традиция, корнями уходящая в устное творчество народа.

По мнению А.Л. Налепина, «обращение литературы к фольклору всегда зависит от конкретных исторических условий. Активное освоение литературой фольклорного наследия происходит обычно в годы наивысшего социально-общественного подъема, на стыке слома общественно-политических систем, когда возникает повышенный интерес общества именно к народной культуре, и народ как ее носитель начинает осознаваться новой творческой силой истории» (8, с. 281). Творчество Р. Лонина, Н. Абрамова, А. Андреевой, Н. Зайцевой стало развиваться именно в один из таких периодов, а именно в 1990-е годы XX века.

Как в тематическом, так и в жанровом отношении вепсская детская литература еще довольно ограничена. Наиболее плодотворно развивается поэзия. Нет исторических и научно-фантастических повестей, нет романов. Нет драматических произведений. Среди жанров выделяются стихотворение и рассказ. Нет изданий, предназначенных для детей в возрасте до 5–6 лет и направленных на развитие навыков чтения и счета, логического мышления, внимания, познания окружающего мира.

Несмотря на то, что вепсская детская литература еще так молода, она является составной частью литератур финно-угорских народов. За два десятилетия писатели-вепсы добились определенных успехов. В Союз писателей были приняты Н. Абрамов, Н. Зайцева. В 2009 году они стали лауреатами Республики Карелия.

Стихи, проза, переводы Библии, публицистика, учебные пособия для школ и вузов, книги для чтения – сегодня это уже совершенно реальные шаги на пути становления вепсской литературы, испытывающей несомненное влияние устного народного творчества (94, с. 27–28).

Вепсская детская литература переживает сейчас период становления, но о ней уже и теперь можно с полной уверенностью сказать, что она вносит вклад в развитие детской литературы Карелии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Домокош П.* Формирование литератур малых уральских народов / Пер. с венг. – Йошкар-Ола, 1993.

2. *Зайцева Н.* Новописьменные языки, диалекты, литературы // Linguistica: Summaria acroasium in sectionibus. Pars II. – Joshkar-Ola, 2005.

3. История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 3. – Петрозаводск, 2000.

4. *Керестеш Л.* Вопросы литературных языков финно-угорских народов в плане новейших переводов Библии // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Orationes plenariae. – Piliscsaba, 2010.

5. *Свирская И.* О школьной теме в поэзии для детей // О литературе для детей. Вып. 2. – Л.: Детгиз, 1957.

6. *Kukojeva N.A., Ginijatullina M.B.* Vepsän kel': 2 klass. – Petroskoi: Periodika, 2009.

7. *Фомин Н.Н.* Роль газеты Kodima в становлении литературного вепсского языка // Современное состояние и перспективы развития карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия. – Петрозаводск: Периодика, 2004.

8. *Налепин А.Л.* Два века русского фольклора: опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX–XX столетиях. – М.: ИМЛИ РАН, 2009.

9. *Карху Э.Г.* Малые народы в потоке истории. – Петрозаводск: ПГУ, 1999.

Nataliya Chikina

PROBLEMS OF FORMATION OF THE CHILDREN'S LITERATURE IN THE VEPSIAN LANGUAGE

The children's literature in vepsian language has started to develop in the end of XX century. Development of vepsian children's literature occurred non-uniformly. An overall objective of the literature of XX–XXI centuries was preservation of the vepsian language. A small population of vepsian has caused that they were included in the list of disappearing nations of the world. Small number of vepsians, native language ignorance has affected in the literature on vepsian language by small quantity of readers and creators. There is a problem with issue of relay-race from the senior generation to more young.

«Финно-угроведение», 2011, № 2

Татьяна Никитина,
Диана Ефремова
Йошкар-Ола

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБЕНИЙ С ОРУДИЯМИ ЛИТЬЯ НА МАРИЙСКИХ МОГИЛЬНИКАХ IX–XII ВВ.*

Особым явлением в средневековой археологии финно-угров являются захоронения с орудиями литья. Впервые на подобные захоронения у мордвы обратил внимание еще в конце XIX в. В.Н.Ястребов (1, с. 10), затем в 30-е годы XX в. П.С. Рыков (2, с. 61). Основываясь на находках льячек и литейных форм в женских захоронениях, Б.А.Рыбаков поднял вопрос об освоении металлообработки цветных металлов финно-угорскими женщинами (3, с. 90-94). Впоследствии М.Ф. Жиганов, В.А. Мальм и А.Е. Алихова также отметили, что большинство аналогичных захоронений принадлежат женщинам, занимающимся обработкой цветного металла (4, с. 69, 91–92; 5, с. 145; 6, с. 33; 7, с. 11). Наиболее полную сводку женских захоронений из финно-угорских средневековых могильников сделала Л.А. Голубева. Исследователь отметила, что наибольшее развитие женское литейное ремесло получило в X в., сохранилось в XI в. и даже иногда встречается в начале XII в. В XII в. металлообработка полностью перешла в руки мужчин (8; 9, с. 106–107; 10, с. 90–91). После работы Л.А. Голубевой термин «женщины-литейщицы» прочно вошел в научный оборот. Все исследователи, рассматривающие захоронения с орудиями литья, отмечали ярко выраженный профессиональный статус погребенных – занятие металлообработкой.

В настоящее время, в связи с появлением дополнительных источников, появилась возможность значительно шире взглянуть на роль и место погребенных с орудиями литья в составе древнего общества. В сводку, сделанную Л.А. Голубевой, вошло 8 захоронений литейщиц из средневековых древнемарийских памятников IX–XI вв. На сегодняшний день известно 24 комплекса с орудиями литья, из них 4 полностью или частично разрушены: 15 объектов относятся к погребениям с ингумацией; в 5 находились кремированные кости; 3 комплекса возможно отнести к разряду жертвенных (жк); 1 погребение не подлежит интерпретации.

* Работа выполнена в рамках проекта 11-11-12001а/В

Из сохранившихся комплексов 17 принадлежало женщинам: пол определен по инвентарю и преимущественно головным и нагрудным украшениям. Кости из 6 захоронений подверглись антропологическому анализу, который подтвердил женскую принадлежность погребенных. Два захоронения (п. 2 Веселовского и п. 8 Русенихинского могильников), судя по инвентарю, принадлежали мужчинам. В п. 2 Веселовского могильника льячка обнаружена в траншее, которая перерезала погребение, поэтому отнесена к погребению условно. Орудие литья из п. 8 Русенихинского могильника отличается от льячек, зафиксированных в женских захоронениях: вместо традиционных керамических льячек для разлива металла здесь лежала железная ложка со следами меди на внутренней поверхности*.

Обнаруженные в женских погребениях льячки (от 1 до 3 штук) (рис. 5 – 3,4) и литейные формы (рис. 4 – 7) располагались в изголовье или в ногах погребенных и входили в дополнительный комплекс вещей (рис. 1). Иногда в составе дополнительных комплексов находились кусочки олова или свинца (Веселовский, п. 12; Черемисское кладбище, п. VI, VII; Нижняя стрелка, п. 5; Выжумский III, п. 24). Спектральный анализ поверхностей льячек из п. 14 и жк 2 могильника Черемисское кладбище выявил наличие олова.

Наиболее ранние комплексы относятся к середине X в. (п. 20 Веселовского могильника, п.п. 2, 6 Русенихинского могильника), наиболее поздние комплексы датируются XI – нач. XII вв. (пп. 5, 11-а, 32 Нижней Стрелки; п. 14 могильника Черемисское кладбище; п. 12 Веселовского могильника; п.п. 11, 13, 24 Выжумского III могильника; п. 7 Починковского могильника).

Корреляция взаимовстречаемости вещей в комплексах позволила выявить, что погребения имеют достаточно стандартный по видовому и типовому составу набор инвентаря.

Судя по костюму, содержащему фактически все категории украшений, данные погребения относятся к числу наиболее богатых захоронений. Головной убор состоит из меховой шапки или покрывала и дополнен медными цепочками, обернутыми в несколько рядов вокруг головы (13 экз.). Его обязательным атрибутом являются браслетообразные проволочные височные кольца (17 экз.) (рис. 2 – *10*). Шейные гривны (рис. 2 – *8*) или ожерелья, браслеты (от 2 до 12 экземпляров в одном погребении) (рис. 2 – *1,6,7*), перстни (рис. 2 – *3,4,5*), наборный пояс с металлическими накладками (рис. 3 – *4, 6 ,7*) отражают богатство костюма, что свидетельствует о высоком социальном статусе носительниц. Нагрудные украшения представлены ажурными круглыми солярными подвесками (рис. 3 – *8*), парными наборными коньковыми (рис. 4 – *6*) или литыми коньковыми (рис. 4 – *4*) и арочными подвесками, которые размещаются по обе стороны груди. Показательны находки шумящих очковидных и умбоновидных подвесок в ногах. Их расположение соответствует месту в обуви, реконструированной по другим марийским захоронениям. Примечательно, что все типы обнаруженных и перечисленных выше украшений являются этническими маркерами марийского костюма.

---

* Анализ металла и льячек произведен д.т.н. С.Я. Алибековым.

Таким образом, ***костюм женщин-литейщиц является этномаркером, а сами они хранительницами этнической традиции.***

К наиболее массовым находкам относятся железные ножи (20 экз.) (рис. 3 – *9*), топоры (17 погребений) (рис. 5 – *2*), шилья (15 экз.) и кресала (16 погребений). Среди кресал половина биметаллических – с фигурной бронзовой рукоятью (рис. 3 – *1*). Ножи, топоры и кресала не найдены лишь в разрушенных погребениях; топоры, кресала и шилья не обнаружены в жертвенных комплексах. Амулеты из костей животных (13 экз.), включающие копоушки (10 комплексов) или когти животных (3 комплекса) (рис. 3 – *3*) – достаточно частая находка для подобного рода комплексов.

В процессе анализа погребального инвентаря из марийских захоронений обратил на себя внимание тот факт, что в погребениях «литейщиц» часто встречаются скопления наконечников стрел от 6 до 12 экземпляров* (пп. 2, 34 Веселовского; п.п. VI, VII, IX–X, XV–XVI, 11 Черемисского кладбища; п. 5 Нижняя стрелка и п. 6 Русенихинского могильников). Отдельные случаи нахождения наконечников стрел в женских захоронениях средневековых мари фиксировались, но были скорее исключением из правил, чем закономерностью. Скопления наконечников обнаружены лишь в погребениях состоятельных женщин (п. 7 Юмского; пп. 58, 71, 79 Дубовского могильников). Кроме того, женские захоронения с наконечниками стрел имели и другие особенности: в п. 79 Дубовского могильника в голове стояла костяная чашечка с пестиком; ноги захороненных в пп. 58, 71 Дубовского могильника, вероятно, стянуты ремнем, о чем свидетельствуют найденные в ногах пряжки. Все эти исключительные черты погребального обряда могут быть расценены как свидетельство особого статуса захороненных в них женщин. У мордвы, например, только в могилах «литейщиц» часто встречаются вещи, характерные для мужских захоронений (7). Очевидно, что ***женщины, похороненные с орудиями литья, также относились к кругу лиц, имеющих особое положение в обществе.*** Возможно, такое положение требовало дополнительной демонстрации своей силы и было связано не только с производственной (и не только с производственной) деятельностью.

Женские захоронения с льячками обнаружены не только в марийских могильниках, но и у других волжскофинских народов. В сводку, сделанную Л.А. Голубевой, помимо 8 марийских погребений, вошли 71 мордовское и 23 муромских захоронения. В настоящее время нам известно более 90 погребений с орудиями литья в мордовских, около 40 в муромских, 24 в марийских могильниках **.

Единичные случаи женских захоронений с орудиями литья обнаружены и на других территориях: в Петровском (1 экз.), Михайловском (1 экз.) (6, с. 33), Березо-

---

* Единичные наконечники (п. 7 Веселовского, п. 3 Черемисского кладбища, п. 28 Нижняя стрелка) могут иметь другое значение, заменять колюще-режущий инструмент (нож, шило и т.д.).

** Цифра не окончательная, так как работа над темой только начата.

вецком (1 экз.) (11, с. 107) древнерусских курганных могильниках, могильниках Владышево (1 экз.) и Минино (1 экз.) на Кубенском озере (12, с. 148; 13, с. 264), захоронениях веси (14, с. 31). В древнерусских курганных могильниках льячки обнаружены в комплексах с украшениями финно-угорского облика (6). У веси и на Кубенском озере захоронения не имеют строго стандартного набора и определенного местоположения в погребении. Среди древностей пермских финнов захоронения с льячками известны только в могильнике Мыдлань-Шай (1 экз.) (15, с. 14) и погребениях 11 и 78 Кичилькосского могильника перми вычегодской (16, с. 91–92). На Кичилькосском могильнике только одно погребение (п. 78) возможно связать с захоронением женщины, второе (п. 11) является мужским.

Таким образом, очевидно преобладание женских захоронений с льячками в комплексах поволжских финнов или в контактных зонах с финно-угорским, преимущественно поволжско-финским населением. Как и в марийских захоронениях, в погребениях финнов Поволжья – мордвы и муромы, обнаружены наиболее яркие этномаркеры. У мордвы в комплексах с льячками находятся головные венчики, височные подвески с грузиком или «пулокери» (Пановский: пп. 25, 33, 50, 94, 99; Елизавет-Михайловский: п. 2, Кельгинский: пп. 189, 196, 228 и т.д.) (7, с. 14–78), у муромы – височные кольца со щитком, головные жгуты и украшения ног в виде обор (Малышевский: пп. 5, 17, 33, 86, 136, 145; Чулковский: пп. 24, 35, 50, 53) (17, с. 322 – 327, 339 – 341, 352 – 356; 18, с. 23 – 25; 19, с. 38 – 40, 50 – 51; 20, с. 5, 18, 21; 21, с. 8).

Обращает на себя внимание тот факт, что в рассматриваемой категории погребений волжских финнов IX–XI вв., кроме льячек и шильев, не обнаружено классического производственного инвентаря, необходимого для обработки изделий из цветного металла в процессе их производства или доработки после литья. Эти погребения существенно отличаются от захоронений ювелиров азелинской (п. 45 Тюм-тюмского могильника, п. 33 Рождественского V могильника, п. 5 Суворовского, п. 10 Нармонского могильников) и ломоватовской (Агафоновский, Редикорский и Плесский могильники) культур, содержащих молоточки, наковаленки, щипцы и другой инвентарь, необходимый для обработки цветного металла (22, с. 17–18; 23, с. 168–171; 24, с. 111; 25, с. 13–14; 26, с. 158). Более того, в азелинских захоронениях обнаружены лом, кусочки и слитки меди, олова, свинца, т.е. все компоненты, необходимые в качестве сырья для производства медно-оловянистых бронз, из которых были изготовлены украшения, обнаруженные в этих же захоронениях (23, с. 168–171). В погребениях волжских финнов эпохи средневековья рядом с льячками находятся олово и свинец. Кусочки меди упоминаются крайне редко, а именно она в большинстве случаев составляет основу сплава, из которого сделаны украшения, олово и свинец занимают незначительный процент. Таким образом, исходный материал, обнаруженный в льячках, не совпадает с составом металла, из которого изготавливались украшения. На основании этого обстоятельства возникает сомнение, занимались ли данные женщины производством украшений и встает вопрос, для какой цели использовались

льячки, олово и свинец? Вероятно, в поисках решения проблемы можно привлечь находки фрагментов вышивки металлической нитью на могильниках Черемисское кладбище, Нижняя стрелка, Русенихинский. Подобная вышивка обнаружена не только в захоронениях с орудиями литья, а также в других погребениях и жертвенных комплексах. Анализ металлической нити показал, что она состоит из сплава с преобладающим содержанием олова и свинца. Отчеты и публикации о раскопках мордовских захоронений пестрят упоминаниями об оловянном бисере, который также применялся в качестве вышивки костюма. Литейные формы, обнаруженные в погребениях как мари, так и мордвы, предназначены для изготовления небольших прямоугольных палочек или шариков. На этом основании мы предполагаем, что женщины, в погребениях которых найдены льячки и кусочки олова, занимались изготовлением металлической нити (у марийцев) или бисера (у мордвы) для вышивки. Этот факт не противоречит тезису о том, что женщины являются носителями этнической традиции.

Возможно, что олово и свинец могли применять не только для производства вышивки и украшений, но и для иных целей. По этнографической литературе известны случаи, когда марийцы использовали олово при совершении жертвоприношений на молениях. Обычай растапливать олово перед жертвоприношением, проверяя, угодна ли жертва богам, у марийцев хорошо известен по этнографическим источникам. «Кладут на сковороду немного коровьего масла и льют растопленное олово, причитывая молитву богам о том, что если жертвуемая скотина приятна богам, и они ее принимают, то олово вылилось бы на масле наподобие жертвуемой скотины. Если с первого раза не выйдет олово наподобие скотины, то льют до трех раз. Если и в третий раз не выйдет какого-либо подходящего изображения, то бросают это олово в огонь и льют снова из другого олова» (27, с. 33; 25, с. 105). В молитвах марийцев, совершаемых при жертвоприношениях, упоминается серебряное олово: «Боже великий и добрый! С друзьями своими посоветовавшись, мы серебряное олово растопивши, ту посуду (корягу) наполнивши, непочатый хлеб взявши, ссучивши большую серебряную свечу, взяли большой дым (головню), да большого с серебряными рогами быка поймавши, с друзьями своими пошли в рощу» (28, с. 36). Практически на всех марийских средневековых святилищах обнаружены продырявленные литые пластинки олова (29, с. 327).

Вера в священную силу олова была характерна также и для других народов Среднего Поволжья. Священная роль олова подтверждается данными погребального обряда муромских погребений эпохи средневековья. В женских погребениях Чулковского и Малышевского могильников В.В. Гришаковым выделены алтари, которые представляли собой специально выкопанную полукруглую яму, отделенную от основного погребения вылепленной из глины перегородкой. На дне алтаря было расчищено круглое углистое пятно, насыщенное оловянным тленом, в центре которого зафиксированы кусочки охры (30, с. 14). Интересно, что в Чулковском могильнике алтарь был устроен в захоронении женщины с орудиями литья (21, с. 15 – 19).

Чуваши, южные соседи марийцев, в культуре которых достаточно сильно прослеживается финно-угорское влияние, также используют свинец в качестве главного дара во время жертвоприношения с целью лечения от ряда болезней, насланных на человека злым духом «усал». Свинец капают на железный предмет или сковороду, чтобы получился «глаз» – отверстие, через которое продевается нитка, а затем отливку свинца вешают на гвоздь в погребе или лачуге (31, с. 43).

Таким образом, есть все основания предполагать, что ***женщины, захороненные в погребениях с льячками, выполняли определенные ритуальные действия, в первую очередь связанные с охранительными функциями.***

Священный страх перед людьми, овладевшими силой металла и общения с потусторонними силами, заставлял членов коллектива, с одной стороны относиться к этим женщинам с особым уважением, а с другой – дистанцироваться от них. Уважение выражалось в богатстве захоронений и в особых дарах, в частности, в принесении в жертву животных. Кости жертвенных животных обнаружены в марийских (п. 12 Веселовского могильника, п. 14 Черемисского кладбища, п. 6 Русенихинского), мордовских (п.п. 50, 99 Пановского; п.п. 196, 156, 228, 569 Кельгинского) и муромских (п. 136 Малышеского) могильниках. В погребении 14 Черемисского могильника зуб животного был подложен под самую крупную льячку.

О страхе перед такими покойниками свидетельствует обряд запирания могил – воткнутые в могилу топоры или положенные в засыпь (п. 11 Выжумского и п. 5 Нижней Стрелки), и следы схожие с чертами ритуальных действий, совершенных с телом умерших. Вероятно, таковые имеет захоронение 53 Чулковского муромского могильника, в котором нарушен анатомический порядок костей: верхняя часть костяка сдвинута от пояса вправо; вещи лежат в беспорядке, часто в перевернутом состоянии или сломаны. Автор раскопок, отметив эти особенности, предположил, что костяк был потревожен в древности грабителями (20, с. 22), хотя следов грабительских вкопов не отмечено. В погребении 93 Малышевского могильника руки положены неестественным образом: кости обеих рук обращены в одну сторону, хотя погребение богатое и следов разграбления не имеет (18, с. 31–32).

Таким образом, на основании анализа материала из марийских захоронений с орудиями литья и их сравнения с аналогичными комплексами соседних народов, можно сделать следующие выводы: 1). Захоронения женщин с орудиями литья в марийских могильниках аналогичны погребениям мордвы и муромы и являются особенностью культуры волжских финнов. 2). Данные женщины не являлись литейщицами в полном смысле этого слова, а занимались изготовлением проволоки/бисера для украшения одежды. Вопрос об изготовлении ими литых украшений остается открытым и пока не подтвержден конкретным материалом. 3). Эти женщины имели особый статус и относились к числу наиболее уважаемых членов коллектива. 4). Изготовление вышивки, выполнение определенных обрядов, направленных на сохранение семьи или рода, делало их носителями этнической традиции, о чем свидетельствует и их костюм, включающий почти все этноопределяющие компоненты.

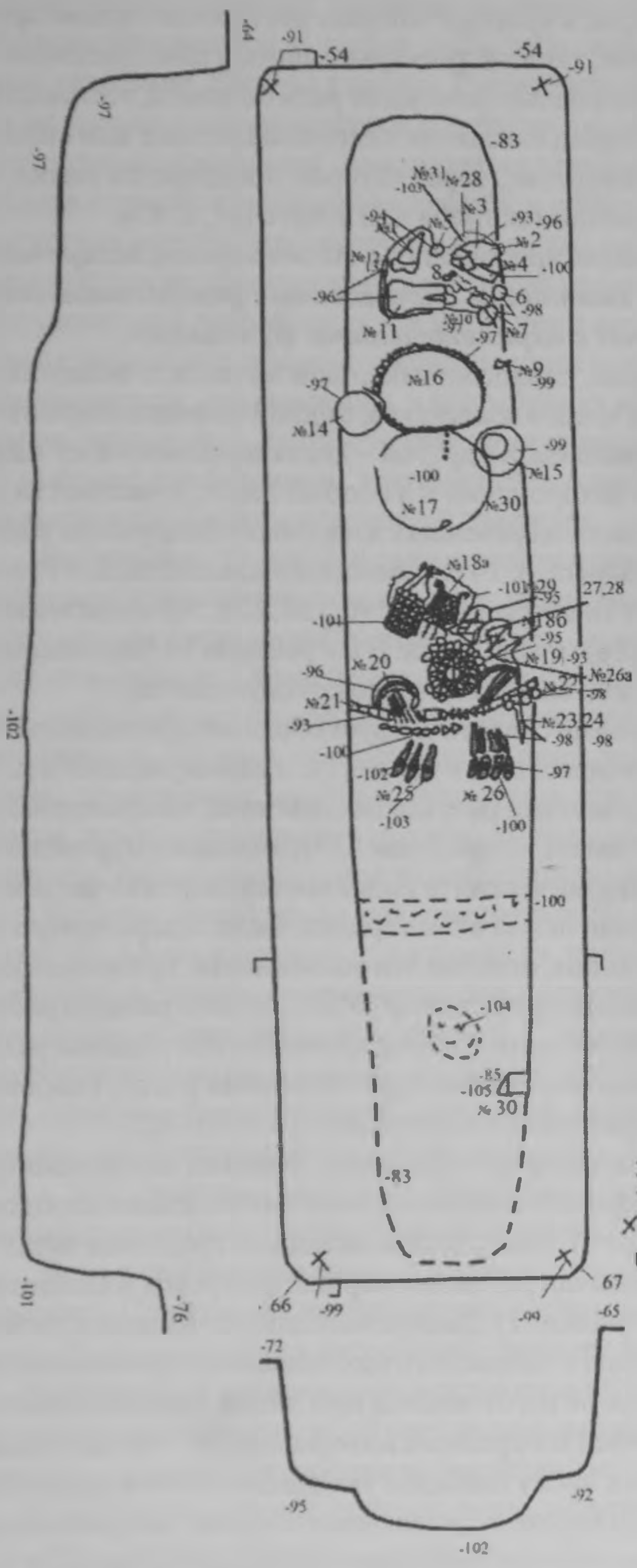

Рис. 1. Русенихинский могильник, погребение № 6.

N – 56°54.046

E – 045°22.297

аз. – 178°

1. Льячка
2. Льячка (фрагменты от 2-х экз.)
3. Оселок
4. Литейная форма
5. Дирхем
6. Пряслице
7. Сюльгама
8. Бусины и бубенчики
9. Коготь
10. Подвески коньковые
11. Пешня
12. Наконечник стрелы
13. Нож
14. Правое височное кольцо
15. Левое височное кольцо
16. Цепочка
17. Гривна
18. Нагрудное украшение
19. Кожа от одежды с браслетами левой руки
20. Браслеты правой руки
21. Ремень с накладками
22. Плетеный ремень
23. Нож
24. Нож
25. Перстни правой руки
26. Перстни левой руки
26а. Фрагменты кошелька, кремень
27. Оселок
28. Кресало
29. Рукавица
30. Топор
31. Дощечки под жертвенным комплексом

– тлен от бронзы

— нивелировка на материке

– фрагменты и тлен костей

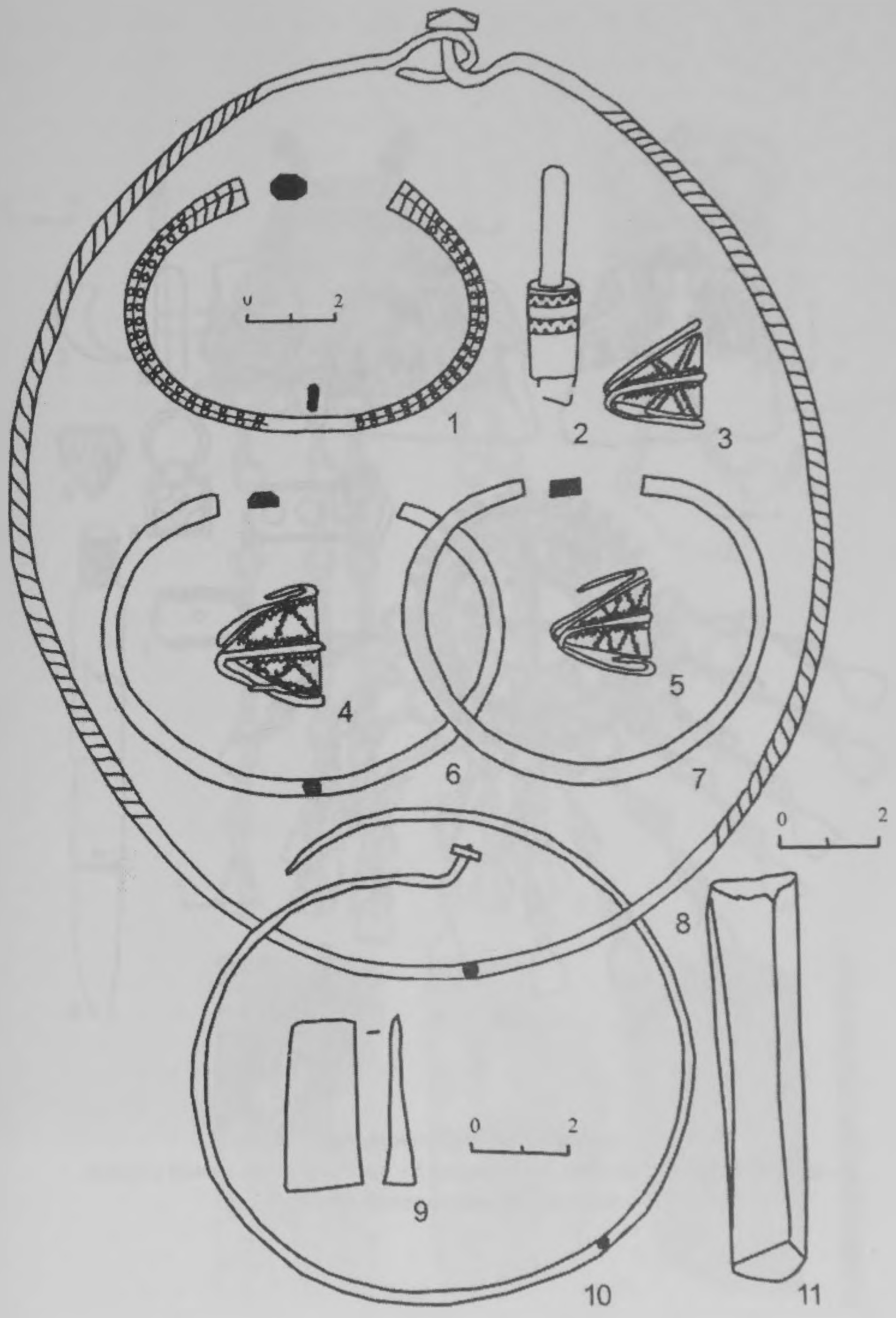

Рис. 2. Русенихинский могильник, погребение 6.
1, 3–8, 11 – цветной металл; 2 – железо, кость; 9, 11 – камень;
10 – железо, дерево, цветной металл

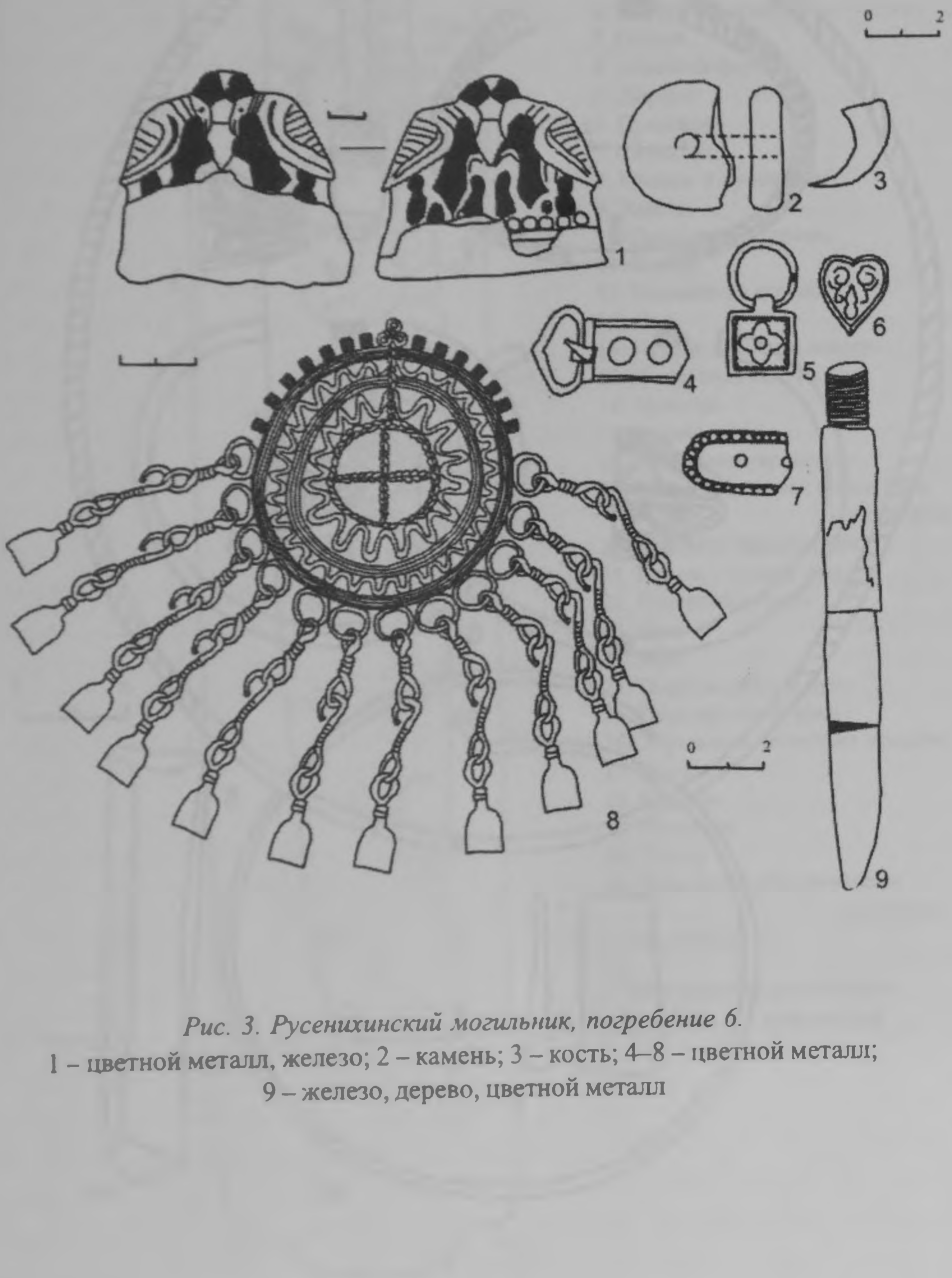

Рис. 3. Русенихинский могильник, погребение 6.

1 – цветной металл, железо; 2 – камень; 3 – кость; 4–8 – цветной металл;
9 – железо, дерево, цветной металл

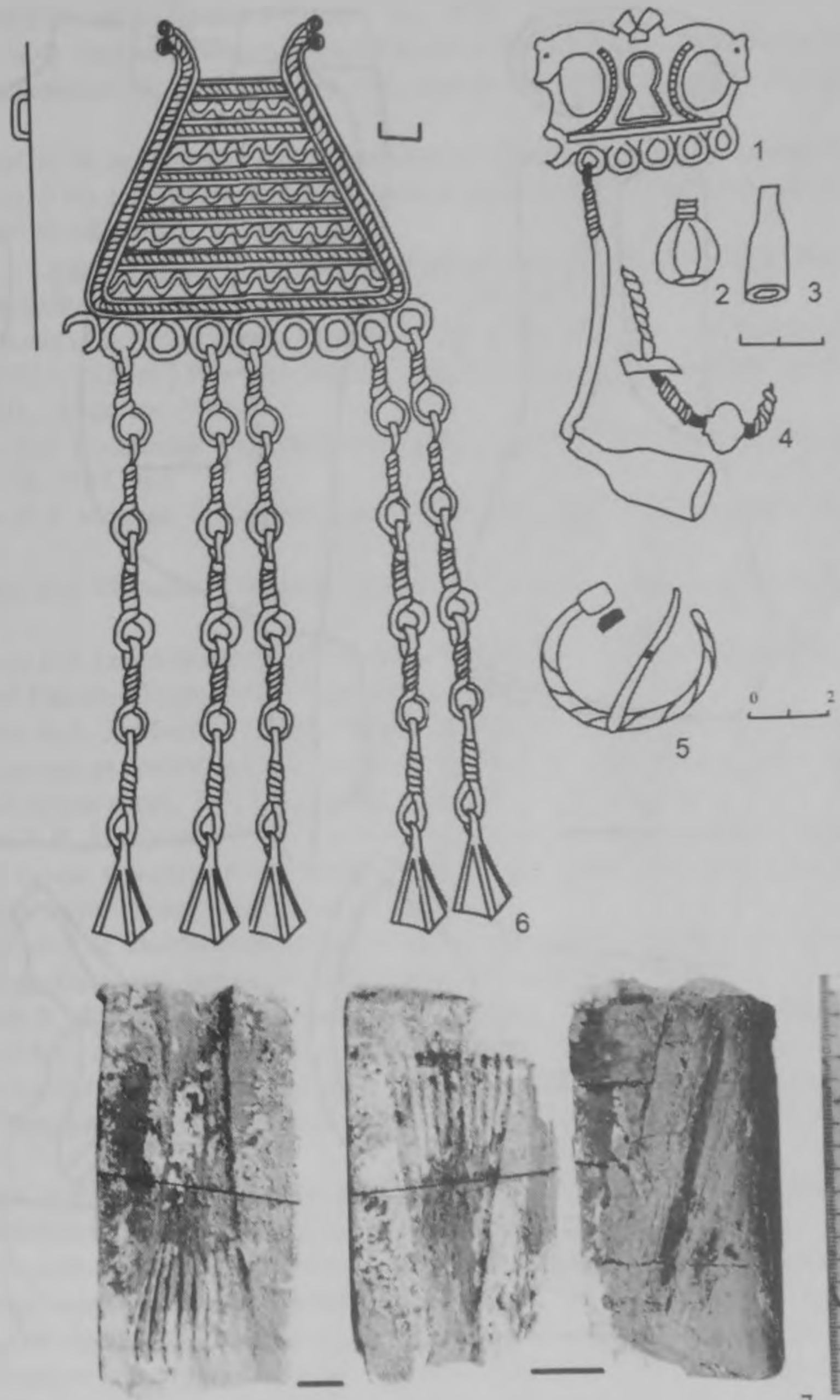

Рис. 4. Русенихинский могильник, погребение 6.
1–6 – цветной металл; 7 – песчаник

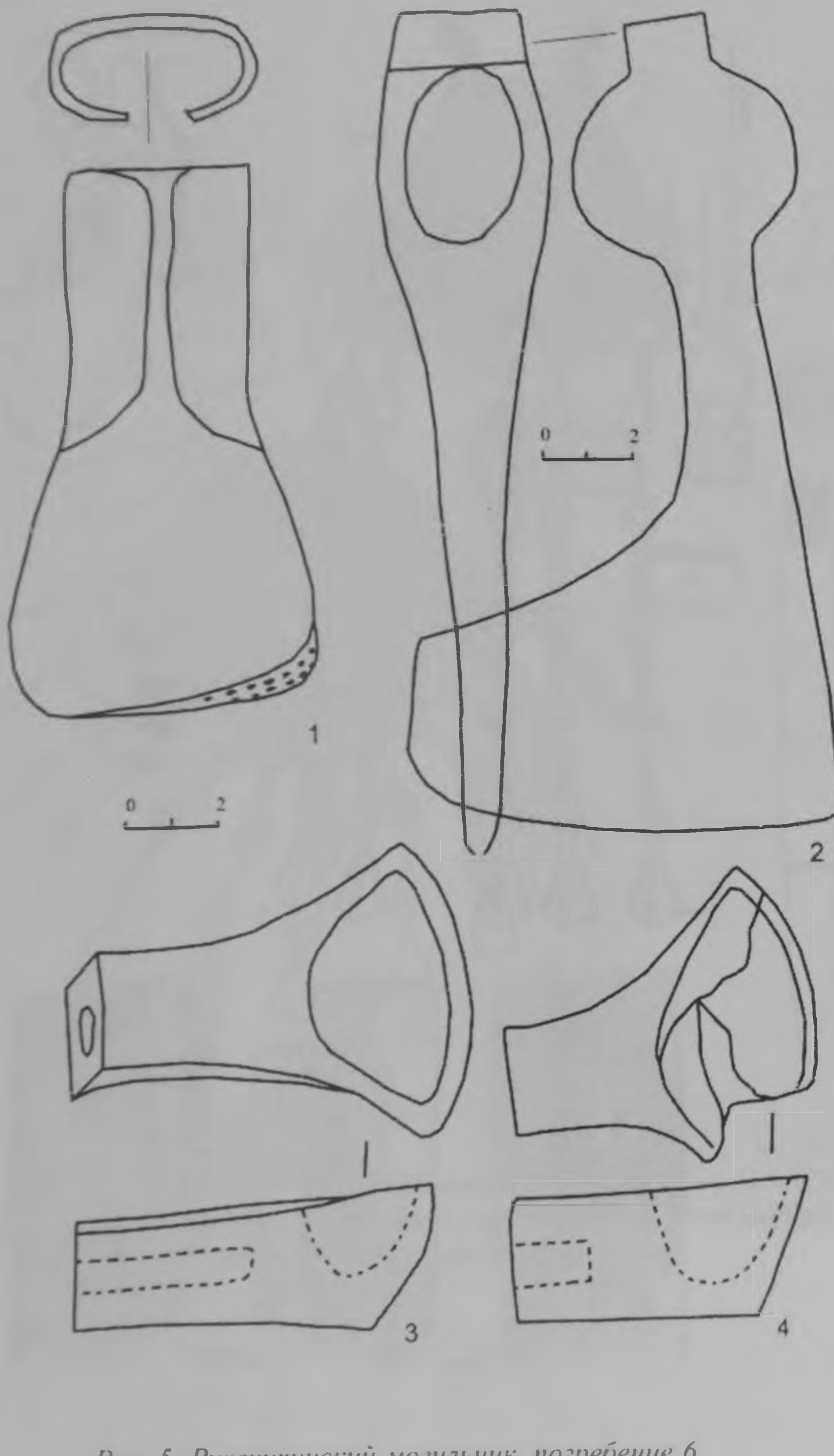

Рис 5 Русетихинский могильник, погребение 6.
1, 2 – железо; 3, 4 – керамика

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Ястребов В.Н.* Лядинский и Томниковский могильники // МАР № 10. – СПб, 1893.

2. *Рыков П.С.* Культура древних финнов в районе р. Узы. – Саратов, 1930.

3. *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. – М., 1948.

4. *Жиганов М.Ф.* Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. Т. II. – Саранск, 1959.

5. *Жиганов М.Ф.* Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей мордвы в XIII–XVI вв. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. Т. II. – Саранск, 1959.

6. *Мальм В.А.* Орудия труда // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимиревского, Михайловского и Петровского могильников. – М., 1963.

7. Материальная культура среднецнинской мордвы VIII–IX вв. (по материалам раскопок П.П.Иванова за 1927–1928 гг.) Научная обработка и введение А.Е.Алиховой. Археологический сборник. Т. III. – Саранск, 1969.

8. *Голубева Л.А.* Женщины – литейщицы (Из истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. 1984. № 4.

9. *Голубева Л.А.* Мордва // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1987.

10. *Голубева Л.А.* Мурома // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1987.

11. *Успенская А.В.* Березовецкий курганный могильник X–XII вв. // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ, вып. 82. – М., 1993.

12. *Макаров Н.А., Зайцева И.Е.* Мининский археологический комплекс: погребальные памятники //Археология северорусской деревни X–XIII вв. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 1. Поселения и могильники – М., 2007.

13. *Зайцева И.Е., Макаров Н.А.* Изделия из камня и глины //Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. Материальная культура и хронология. – М., 2008.

14. *Башенькин А.М.* Восточнофинские компоненты культуры веси в I – начале II тыс. н.э. // Историко-археологическое изучение Поволжья. –Йошкар-Ола, 1994.

15. *Генинг В.Ф.* «Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII – IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. ВАУ, вып. 3. – Свердловск, 1962.

16. *Савельева Э.А.* Кичилькосский могильник // Археологические исследования в бассейне Печоры. Материалы по археологии Европейского северо-востока. Вып. 5. – Сыктывкар, 1973.

17. *Дубынин А.Ф.* Малышевский могильник. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Архив ИА РАН, Р-1, д. № 362.

18. Отчет А. Дубынина об археологических исследованиях в 1947 г. Малышевского могильника Селивановского района Владимирской области. – Архив ИАРАН, Р-1, д. № 135.

19. Отчет А.Ф. Дубынина за 1948 год – Археологические исследования Малышевского могильника Селивановского района Владимирской области. – Архив ИА РАН, Р-1, д. № 238.

20. *Гришаков В.В.* Отчет о работе Нижнеокской археологической экспедиции в Горьковской области и Мордовской АССР в 1988 году – Архив ИА, Р-1, д. № 13681.

21. *Гришаков В.В.* Отчет о работе Нижнеокской археологической экспедиции в Горьковской области в 1986 году – Архив ИА РАН, Р-1, д. № 11476.

22. *Ошибкина С.В.* Вятские древности: могильник Тюм-тюм III–IV вв. Материалы охранных археологических исследований. Том 13. – М., 2010.

23. *Старостин П.Н., Кузьминых С.В.* Погребение литейщицы из пятого Рождественского могильника // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978.

24. *Генинг В.Ф.* Азелинская культура III–V вв. // ВАУ, вып. V. –Свердловск – Ижевск, 1963.

25. *Старостин П.Н.* Нармонский могильник. – Казань, 2002.

26. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в верхнем Прикамье. – Иркутск, 1985.

27. *Яковлев Г.* Религиозные обряды черемис. – Казань, 1887.

28. *Кузнецов С.К.* Четыре дня у черемис во время Сюрема. Этнографический очерк. – СПб, 1879.

29. *Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю.* Святилище на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. IV Халиковские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции. – Йошкар-Ола, 2007.

30. *Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А.* Мурома VII–XI вв.: Учебное пособие. – Йошкар-Ола, 1990.

31. *Никонова Л.И., Кандрина И.А.* Как лечились народы Поволжья и Приуралья. – Саранск, 2005.

Tatyana Nikitina, Diana Yefremova

FEATURES OF BURIALS WITH MOULDING TOOLS ON MARI BURIAL GROUNDS OF IX–XII CENTURIES

Many researchers of medieval archeology of Volga region Finns marked unusual female burial places with lyachka (ladle for pouring of the fused metal) and foundry forms. On the basis of these finds B.A.Rybakov and L.A.Golubeva has brought the question on development of female foundry craft. Since then the term of the woman – «foundary women» was included into a scientific turn.

The detailed analysis of burials with tools of moulding from Mari burial grounds of X–XI centuries and their comparison with similar complexes of the neighbour people have allowed to draw following conclusions. 1). Burial places of women with moulding tools in Mari burial grounds are similar to burials of mordvinians and muromas and are feature of culture of the Volga Finns. 2). The given women were not foundary women in full sense of this word and were engaged in embroidery manufacturing. The question on manufacturing of cast ornaments by them remains opened and is not confirmed yet by a concrete material. 3). These women had the special status and were among the most honourable members of collective. 4). Embroidery manufacturing, performance of the certain ceremonies directed on preservation of a family or a generation did them carriers of ethnic tradition, to what their suit uniting almost all ethnodefining components, testifies also.

«Финно-угроведение», 2011. № 2

Ольга Орлова
Йошкар-Ола

ЗАНЯТОСТЬ И БЕЗРАБОТИЦА МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ

В массовом молодежном сознании одно из основных мест занимает труд как потребность, ценность, мотив поведения. Именно трудовая деятельность молодежи обеспечивает становление ее как субъекта общественных отношений. Включение в сферу занятости играет важную роль в процессе социальной интеграции молодежи. От того насколько успешно завершится процесс получения образования и профессиональной подготовки молодежи зависит в будущем их материальное положение, карьера, стабильность семейной жизни. Кроме того, молодежь является основным источником воспроизводства трудовых ресурсов.

Молодежный аспект в анализе социальных проблем труда занимал заметное место в отечественной социологии (1; 2; 3; 4; 5). Проблемам социальной и профессиональной ориентации молодежи уделяли внимание В.Н. Шубкин, Г.А. Чередниченко, М.Х. Титма, М.И. Тальюкайте, Б.С. Павлов, Ю.П. Петров, Ф.Р. Филиппов, И.М. Слепенков, Б.В. Князев и другие (6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13). Адаптацию молодых работников в трудовом коллективе, профессиональное самоопределение и трудовой путь молодежи, ее профессиональные интересы рассматривали Л.Ананич, Л.Бляхман и другие (14; 15; 16). В нашей республике эти вопросы изучались сотрудниками отдела социологии МарНИИ в первой половине 80-х годов прошлого столетия в рамках программы «Трудовые ресурсы Марийской АССР». Было проведено три социологических опроса: 1) по профориентации учащихся школ; 2) по отношению к избранной профессии учащихся ПТУ, студентов техникумов и вузов; 3) по адаптации на производстве выпускников ПТУ, техникумов, вузов (17; 18; 19). Одним из немаловажных аспектов являлось изучение развития личностного потенциала и культуры труда молодого работника, изменение его мотивации труда. Эти вопросы изучались В.И. Чупровым, М.Ф. Чернышом, Л. Ананичем, Л. Бляхманом, А.А. Погорадзе, Ю.Р. Вишневским и другими (20; 21; 22; 23; 24).

В советской исторической литературе основное внимание уделялось тем сторонам социального облика рабочего класса, которые характеризовали его как главную производительную силу.

В историографии «молодежной» проблематики, как и в целом в отечественной историографии, можно выделить два периода – советский и постсоветский, в рамках которых господствовали различные подходы к освещению тех или иных исто-

рических сюжетов. И если советский период отечественной историографии характеризовался жестко идеологизированным подходом к освещению всех аспектов истории советского общества, то в постсоветском утвердился и сохраняет свои позиции до настоящего времени так называемый цивилизационный подход.

В советской историографии молодежи посвящена историческая, социологическая и публицистическая литература. Но при этом недостаточно раскрыты аспекты ее культурного облика, особенно во взаимосвязи с социальной характеристикой молодежи, взятой в исторической динамике. В работах социологов, как правило, исследуются отдельные аспекты социальной характеристики этой общественной группы, такие как отношение к труду, жизненные планы, ценностные ориентации, культурный уровень и т.д.

В постсоветский период изучение рабочей молодежи было продолжено, хотя и в меньших, чем в советское время, масштабах. В рассматриваемый период молодые рабочие были объектом исследования в трудах историков, социологов, педагогов, экономистов. Интерес к подобным исследованиям был обусловлен тем, что в условиях рыночной экономики, когда моральные стимулы практически потеряли свои позиции, а материальные не могли одни обеспечить формирование кадрового потенциала российской экономики, вопрос грамотной молодежной политики из абстрактно-теоретической плоскости неизбежно переместился в плоскость практическую. И в этой связи поиск приемлемых решений стал насущной потребностью общества. Кроме того, экономические и политические реформы 90-х годов прошлого столетия не могли коренным образом не сказаться на социальном положении и ценностных ориентациях молодежи. В связи с частичной или полной остановкой промышленных предприятий страны потребность в рабочих кадрах была не столь высока, как в советский период. Многие квалифицированные работники остались без работы, что же можно говорить о молодежи, которая вошла во взрослую жизнь и оказалась не востребована на рынке труда и столкнулась с таким до того им не ведомым понятием как безработица.

Важнейшими индикаторами ситуации на рынке труда являются показатели уровня экономической активности населения, его занятости и безработицы, для чего необходим систематический анализ и оценка перемен на рынке труда.

Если в 1989 году численность молодежи 16–29 лет составляла 161 520 человек, из них были заняты в различных отраслях народного хозяйства 92 863 человека (25, с. 12, 57). Таким образом, по данным статистики в этот период из общей численности молодежи в возрасте 16–29 лет трудились в различных отраслях народного хозяйства 57,5% молодых людей. Учащаяся молодежь составляла: 4 710 человек – учащиеся выпускных классов общеобразовательных школ, 11569 человек – учащиеся ПТУ, 7270 – студенты техникумов, 15485 – студенты вузов (25, с. 89, 92, 93–94, 95–96).

В 1995 году численность молодежи 15–29 лет составляла 164,9 тыс. человек, экономически активное население в этих возрастных группах составляло 93,6 тыс. человек (мужчины – 46,2 тыс. человек, женщины – 47,4 тыс. человек), из них были

заняты в экономике 76,1 тыс. человек (мужчины – 37,5 тыс., женщины – 38,6 тыс.), а 17,5 тыс. человек были безработными (мужчины – 8,7 тыс., женщины – 8,8 тыс.) (28, с. 33–34).

В 1999 году численность молодежи в этих возрастных группах составляла 172444 человека, численность экономически активного населения составляла 96,9 тыс. человек (мужчины – 53,4 тыс., женщины – 43,5 тыс.) из них заняты в экономике 83,1 тыс. человек (мужчины – 46,9 тыс., женщины – 36,2 тыс.). Следовательно, в экономике было занято 48,2% молодежи от общей численности молодежи в возрасте 15–29 лет (таблица 1), (26, с. 7, 17, 19).

Таблица 1

ЧИСЛЕННОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОГО НАСЕЛЕНИЯ
(в возрасте 15–29 лет) (на конец октября 1999 г., тысяч человек)

	Все население			В том числе:					
				мужчины			женщины		
	1999	2000	2001	1999	2000	2001	1999	2000	2001
Экономически активное население – всего	**96,9**	**97,6**	**96,7**	**53,4**	**54,0**	**51,3**	**43,5**	**43,6**	**45,4**
в том числе:									
Занятые	83,1	77,8	79,1	46,9	42,1	43,9	36,2	35,7	35,2
Безработные	13,8	19,8	17,6	6,5	11,9	7,4	7,3	7,9	10,2

В числе занятой в экономике молодежи в 1999 году 14,2% имели высшее профессиональное, 24,4% среднее профессиональное образование, 10,5% начальное профессиональное образование (таблица 2), (26 , с. 19).

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ЗАНЯТЫХ В ЭКОНОМИКЕ
(в возрасте 15–29 лет) ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ
(на конец октября 1999 г.)

	1999	2000	2001
Занято в экономике – всего, тысяч человек:	**83,1**	**77,8**	**79,1**
в том числе имеют образование:			
высшее профессиональное	14,2	8,0	14,9
неполное высшее профессиональное	1,8	1,4	4,2
среднее профессиональное	24,4	25,0	23,1
начальное профессиональное	10,5	11,0	8,2
среднее (полное) общее	26,1	22,3	21,5
основное общее	5,9	9,4	5,3
начальное и не имеют начального	0,2	0,7	1,9

Как показывают данные статистики, численность молодежи трудоспособного возраста к концу 90-х годов по сравнению с концом 80-х годов увеличилась, но при этом численность молодежи, занятой в экономике, уменьшилась. Это связано, по-нашему мнению, с высокой рождаемостью в 80-е годы и кризисными явлениями в экономике в 90-е годы.

Экономически активное население в возрасте 15–29 лет в 2001 году составило 96,7 тыс. человек, или 25,9% в общей численности экономически активного населения. Среди них 81,8% составляли лица, имевшие оплачиваемую работу или доходное занятие. По сравнению с 2000 годом их численность увеличилась на 1,3 тыс. человек, или на 1,7%. В структуре занятой молодежи наиболее многочисленной является группа лиц в возрасте от 25 до 29 лет, на долю которых приходится чуть более половины (50,6%) от общего числа занятой молодежи. Средний возраст занятой молодежи в 2001 году составил 24,1 года. Численность женщин в возрасте 15–29 лет, занятых в экономике, составила в 2001 году 45,4 тыс. человек, или 46,9% общей численности занятых в этом возрасте. Примерно половина занятой молодежи сосредоточена в промышленности, сельском хозяйстве и торговле, 12,6% работают в органах управления, 12,4% – в образовании (27, с. 4–5).

Как показывают данные статистики, численность экономически активного населения среди молодежи в возрастной группе 15–29 лет, начиная с 2005 года до 2008 года, была относительно стабильной, большинство среди экономически активного населения составляли мужчины, численность занятого населения в данных возрастных группах также сохраняла определенную стабильность (таблица 3), (28, с. 33–34). По уровню образования экономически активное население распределялось следующим образом: высшее профессиональное в 2005 году имели 18,4%

Таблица 3

ЧИСЛЕННОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОГО НАСЕЛЕНИЯ
(в возрасте 15–29 лет) (тыс. человек)

	2005	2006	2007	2008
Экономически активное население – всего	101,7	95,3	104,1	102,5
мужчины	55,8	50,3	54,9	55,3
женщины	45,9	45,0	49,2	47,2
из общей численности экономически активного населения:				
Занятые – всего	87,5	78,9	88,8	90,1
мужчины	46,3	41,7	46,3	49,9
женщины	41,2	37,2	42,5	40,2
Безработные - всего	14,2	16,4	15,3	12,4
мужчины	9,5	8,6	8,6	5,4
женщины	4,7	7,8	6,7	7,0

(мужчины – 15,1%, женщины – 22,2%), среднее профессиональное – 22,2% (мужчины – 18,7%, женщины – 26,3%), начальное профессиональное – 18,8% (мужчины – 17,4%, женщины – 20,5%), среднее (полное) образование – 31,8% (мужчины – 36,6%, женщины – 26,1%). В 2008 году высшее профессиональное образование имели 23,2% (мужчины – 12,6%, женщины – 35,6%), среднее профессиональное – 21,4%(мужчины – 20,6%, женщины – 22,5%), начальное профессиональное – 27,9% (мужчины – 30,4%, женщины – 25,0%), среднее (полное) образование – 17,8% (мужчины – 24,1%, женщины – 10,3%) (28, с. 35–36). Мы можем наблюдать интересную картину в области образования экономически активного населения: произошел рост численности молодежи, имеющей высшее профессиональное образование на 4,8%, причем этот рост произошел за счет роста численности имеющих высшее образование женщин на 13,4%, а среди мужчин, наоборот, произошел спад на 2,5%. Снизилась численность женщин , имеющих среднее специальное образование. На 9,1% выросла доля молодежи среди экономически активного населения, которая имела начальное профессиональное образование. На 14% снизилась доля лиц, имеющих среднее (полное) образование, причем сокращение численности произошло в основном за счет женщин, имеющих среднее (полное) образование на 15,8%. Основная часть экономически активной молодежи в возрасте 15–29 лет была занята в обрабатывающем производстве в 2005 году – мужчины 11,3%, женщины 6,3%, в 2008 году – 13,7% и 7,2% соответственно; оптовой розничной торговле, ремонте автотранспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования в 2005 году – мужчины 5,7%, женщины 10,8%, 2008 году – 5,2% и 10,8% соответственно; строительстве в 2005 году – мужчины 6,7%, женщины 3,6%, в 2008 году – 9,9% и 2,2% соответственно; государственном управлении и обеспечении военной безопасности, обязательном социальном обеспечении в 2005 году – мужчины 6,9%, женщины 1,6%, в 2008 году 9,0% и 2,5% соответственно; сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве в 2005 году – мужчины 5,5%, женщины 2,8%, в 2008 году – 3,3% и 1,8% соответственно. Значительно меньше молодежи в данных возрастных группах было занято на транспорте и связи, в гостиничном и ресторанном бизнесе, сфере финансовой деятельности и других. Обращает на себя внимание тот факт, что в таких сферах деятельности, как образование и здравоохранение, практически в три раза занято больше женщин, чем мужчин (28, с. 39–40).

Чем же занималась молодежь, не занятая в экономике в 90-е годы? Пристальное внимание к проблеме безработицы объясняется еще и тем, что массовая безработица является одним из наиболее сильных социальных дестабилизаторов. Отвлекая ресурсы на выплату пособий и других видов социальной помощи лицам, не имеющим работы, она превращается в фактор, серьезно сдерживающий рост и снижающий уровень экономической безопасности как республики, так и страны в целом. Кроме того, люди, не имеющие постоянного места работы и достаточных средств к существованию, часто совершают противоправные поступки и пополняют ряды преступного мира.

В 90-е годы прошлого столетия в нашей стране крепко укоренилось понятие «безработица», многие столкнулись с этим явлением или сами, или через близких. Если в 1992 году 17,6 тыс. человек были безработными, то в 1997 году уровень безработицы достиг 60 тыс. человек. В последующие годы уровень безработицы, оставаясь достаточно высоким, стал снижаться (таблица 4), (26, с. 22).

Таблица 4

ЧИСЛЕННОСТЬ БЕЗРАБОТНЫХ И УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ ПО РЕСПУБЛИКЕ (за 1992–2001 гг.)

	Численность безработных, тыс. человек			Уровень безработицы, процентов		
	всего	в том числе:		всего	в том числе:	
		мужчины	женщины		мужчины	женщины
1992	17,6	8,7	8,9	4,7	4,5	5,0
1993	17,9	10,4	7,5	4,8	5,4	4,2
1994	34,2	17,5	16,7	9,4	9,3	9,5
1995	41,6	18,3	23,3	11,8	10,5	13,0
1996	36,8	20,0	16,8	11,3	12,7	10,0
1997	60,0	34,7	25,4	18,0	20,7	15,2
1998	42,2	21,7	20,5	13,1	13,3	12,8
1999	38,9	21,6	17,3	10,8	11,4	10,1
2000	42,0	25,4	16,6	11,8	13,6	9,8
2001	35,1	18,8	16,3	9,4	9,8	9,0

В 1995 году в республике насчитывалось безработных 40,6 тыс. человек, из них молодежь составляла 17,5 тыс. человек: в возрасте 15–19 лет – 3,1 тыс. человек (мужчины – 1,1 тыс., женщины – 2,0 тыс.), 20–24 года – 9,4 тыс. человек (мужчины – 5,2 тыс., женщины – 4,2 тыс.), 25–29 лет – 5,0 тыс. человек (мужчины – 2,4 тыс., женщины – 2,6 тыс.) (28, с. 44–45).

В 1999 году 13,8 тыс. человек, в 2001 году – 17,6 тысяч человек были безработными в возрасте 15–29 лет (таблица 5), (26, с. 22). Численность экономически неактивного населения в возрасте 15–29 лет в 1999 году составляла 69,8 тыс. человек, из них 73,4% составляли учащиеся и студенты дневной формы обучения, 1,5% пенсионеры по инвалидности, 9,3% лица, ведущие домашнее хозяйство, 15,8% – другие. В 2001 году численность экономически неактивного населения в возрасте 15–29 лет составляла 78,0 тыс. человек, из них 80,3% – студенты дневной формы обучения, 1,3% – пенсионеры по инвалидности, 3,8% – лица, ведущие домашнее хозяйство, 14,6% – другие (26, с. 17–18).

По данным проведенного в 2001 году статистического обследования населения по проблемам занятости, численность лиц в возрасте 15–29 лет, не имеющих

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БЕЗРАБОТНЫХ ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ (на конец октября)

	Все население, тыс. чел.			в том числе:					
				мужчины, тыс. чел.			женщины, тыс. чел.		
	1999	2000	2001	1999	2000	2001	1999	2000	2001
Безработные – всего	38,9	42,0	35,1	21,6	25,4	18,8	17,3	16,6	16,3
в том числе в возрасте, лет:									
до 20	**1,3**	**4,4**	**3,6**	**0,4**	**2,6**	**1,3**	**0,9**	**1,7**	**2,3**
20–24	**9,8**	**9,4**	**10,4**	**4,9**	**6,0**	**5,1**	**4,9**	**3,4**	**5,3**
25–29	**2,7**	**6,1**	**3,6**	**1,2**	**3,3**	**1,0**	**1,5**	**2,8**	**2,6**
30–39	10,2	12,2	7,7	6,8	7,2	4,7	3,4	5.0	3,0
40–49	13,5	6,8	8,2	7,9	4,1	5,9	5,6	2,7	2,3
50–59	0,6	3,1	1,2	0,4	2,2	0,8	0,2	1,0	0,4
60–64	0,8	-	0,4	-	-	-	0,8	-	0,4
средний возраст	**34,4**	**31,8**	**31,4**	**34,7**	**31,9**	**33,2**	**34,0**	**31,6**	**29,4**

работы или доходного занятия и активно его ищущих, и готовых приступить к работе, составила 17,6 тыс. человек. Это на 2,2 тыс. человек, или на 11,1% меньше, чем в 2000 году (27, с. 4–5).

В 2001 году в органах государственной службы занятости численность зарегистрированной молодежи в возрасте 16–29 лет составила 3 728 человек, в том числе 2888 женщин (77,5%). Несмотря на снижение за год общего числа безработной молодежи, удельный вес безработных молодых женщин вырос с 39,4% в 2000 году до 58,0% в 2001 году. Наиболее высокий уровень безработных женщин наблюдался в возрасте 25–29 лет (72,2%). Около 45% безработной молодежи имеют среднее (полное) общее образование (среди женщин – 50,0%, среди мужчин – 39,2%) (24, с. 4–5).

Изменения в составе безработной молодежи характеризуются также и снижением группы лиц, не имеющих опыта трудовой деятельности. По данным обследования населения по проблемам занятости в 2001 году их численность составила 8,8 тыс. человек, или 50,0% от общей численности безработных против 10,9 тыс. человек или 55,1% в 2000 году. Данная группа безработных на 76,1% формируется из числа лиц в возрасте 20–24 лет (27, с. 4–5).

Среднее время поиска работы значительно дифференцировано по возрастным группам безработных – от 6,9 месяца в группе моложе 20 лет до 10,1 месяца в группе 20–24 лет. При этом 9,7% безработных моложе 20 лет занимались поиском работы не более трех месяцев. В среднем на 0,7 месяца больше ищут работу мужчины по сравнению с женщинами. Наиболее значителен разрыв (5,9 месяца) среднего времени поиска работы между мужчинами и женщинами в возрастной группе от 25 до 29 лет.

В 2001 году длительный стаж пребывания в состоянии безработных имели 4,6 тыс. человек, или 26,1 % безработных (в 2000 г. 8,6 тыс. человек, или 43,4%). Среди мужчин доля безработных, ищущих работу год и более, составила – 25,7%, среди женщин – 26,5% (27, с. 4–5).

При этом, как показывают данные статистического обследования населения по проблемам занятости, значительная часть безработных не обращается в службы занятости. Кроме того, по-прежнему велики размеры скрытой безработицы, к которой следует отнести лиц, не зарегистрированных в центрах занятости и занятых неполное рабочее время, и лиц, находящихся в вынужденных отпусках по инициативе администрации, которые в ближайшее время могут пополнить ряды безработных.

Как показали материалы статистического обследования населения 33,0% безработной молодежи (31,1% среди мужчин и 34,3% среди женщин) использовали в качестве способа поиска работы обращение в органы государственной службы занятости, и только 5,4% из них были зарегистрированы в качестве безработного (27, с. 4–5).

В последние годы наиболее предпочтительным способом поиска работы среди молодежи является обращение к друзьям, родственникам и знакомым. Его использовали 79,6% опрошенных, в том числе 88,0% мужчин и 73,5% женщин. По результатам опроса шире стало применяться обращение к средствам массовой информации – подача объявлений, отклик на объявления. Этот способ используют 27,7% безработных.

Среди населения в возрасте 15–72 лет 195,7 тыс. человек или 34,4%, составляют лица, отнесенные к экономически неактивному населению, в том числе 77,9 тыс. человек или 39,8% молодые люди в возрасте 15–29 лет, из них 80,3% – студенты (учащиеся) дневной формы обучения (27, с. 4–5).

В 2005 году всего безработных было зарегистрировано 37,6 тыс. человек, из них молодежь составляла 14,2 тыс. человек (мужчины – 9,5 тыс., женщины – 4,7 тыс.). В 2008 году всего безработных было зарегистрировано 34,4 тыс. человек, из них молодежи – 12,4 тыс. человек (мужчины – 5,4 тыс., женщины – 7,0 тыс.) (28, с. 44–45).

По уровню образования безработной молодежи наблюдается следующая картина: в 2005 году высокая численность зарегистрированных безработных наблюдалась среди возрастной группы молодежи 15–19 лет, имеющих среднее профессиональное образование 55,5% (мужчины – 20,5%, женщины – 100%), 20–24 года, имеющих среднее (общее) полное образование 39,6% (мужчины – 39,3%, женщины – 40,5%), 25–29 лет, имеющих среднее (общее) полное образование 36,7% (мужчины – 33,2%, женщины – 45,8%). В 2008 году высокая численность зарегистрированных безработных наблюдалась среди возрастной группы молодежи 15–19 лет, имеющих среднее (общее) полное образование 72,1% (мужчины – 66,2%, женщины – 77,4%), 25–29 лет, имеющих высшее профессиональное образование 35,6% (мужчины – 14,6%, женщины – 52,8%) и имеющих начальное профессиональное образование 33,8% (мужчины – 31,8%, женщины – 35,4%) (28, с. 46–48).

По обстоятельствам незанятости молодежь в возрастной группе 15–19 лет зарегистрирована в 2005 году как безработная, в основном это молодые люди. которые ранее не имели работу 74,4% (мужчины – 62,0%, женщины – 88,6%), по той же причине и в возрастной группе 20–24 года 74,6% (мужчины – 28,7%, женщины – 59,5%), в возрастной группе 25–29 лет остались без работы 100% – 34,4% с высвобождением по причине сокращения штатов или ликвидации организации, собственного дела и 43,8% с увольнением по собственному желанию, остальные по другим причинам (мужчины – с высвобождением по причине сокращения штатов или ликвидации организации, собственного дела – 46.8%. с увольнением по собственному желанию – 21,6%; женщины – 100% с увольнением по собственному желанию). В 2008 году зарегистрированы как безработные в возрастной группе 15–19 лет молодые люди, которые ранее не имели работу 55,8% (мужчины – 49,2%, женщины – 60,7%), в возрастной группе 20–24 года зарегистрировались безработные, которые ранее имели работу – 56,9%. но оставили ее в связи с увольнением по собственному желанию – 30,6%, в связи с высвобождением по причине сокращения штатов или ликвидации организации, собственного дела 4% (мужчины – соответственно 71,3% , 40,9%, 8,5%, женщины – 44,2%, 21,4%), а 43,1% ранее не имели работы. В возрастной группе 25–29 лет 68,9% зарегистрированных как безработные ранее имели работу (мужчины – 100%, женщины – 73,3%) и 31,1% (женщины – 26,7%) ранее не имели работу (28, с. 48–51).

Безработные используют различные способы поиска работы. По данным статистики молодежь в возрасте 15–19 лет при поиске работы предпочитала в 2005 году обращаться к друзьям, родственникам, знакомым – 85,7%, 22,9% обращались в государственную службу занятости; в возрасте 20–24 года также больше предпочитали обращаться к друзьям, родственникам, знакомым – 75,8%, 50,2% обращались в государственную службу занятости, 33,1% обращались непосредственно к работодателю; в возрасте 25–29 лет также больше предпочитали обращаться к друзьям, родственникам, знакомым – 74,9%, 49,3% обращались в государственную службу занятости, 35,1% обращались непосредственно к работодателю. Следует отметить, что не очень популярно при поиске работы было обращение в коммерческую службу занятости и подача объявлений в печать. В 2008 году 84,1% молодежи в возрасте 15–19 лет искали работу при помощи обращения к друзьям, родственникам, знакомым, подачи объявлений в печать – 52,1%, 11,7% обращались непосредственно к работодателю; в возрасте 20–24 года по-прежнему больше предпочитали обращаться к друзьям, родственникам, знакомым – 73,3%, подавали объявления в печать – 27,2%, 24,6% обращались в государственную службу занятости, 22,5% непосредственно к работодателю и 11,5% обращались в коммерческую службу занятости; в возрасте 25–29 лет при поиске работы больше обращались в государственную службу занятости – 52,7% и обращались к друзьям, родственникам, знакомым – 46,8% (28, с. 51–53).

Среднее время поиска работы для молодежи в возрасте 15–19 лет 4,3 – 5,9 месяцев, 20–24 года – 6,6–7,9 месяцев, 25–29 лет – 9,9–10,4 месяца (28, с. 54–56).

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что наиболее высокая вероятность для трудоустройства имели молодые люди, имеющие высшее или среднее профессиональное образование, а так же молодежь в возрасте до 20 лет. Самый популярный поиск работы среди молодых людей – обращение к друзьям, родственникам, знакомым и в государственную службу занятости.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Алексеева В.Г.* Молодой рабочий. – М., 1983.
2. *Иконникова С.Н., Лисовский В.Т.* На пороге гражданской зрелости. – М., 1982.
3. *Титма М.Х.* Социально-профессиональная ориентация молодежи. – Таллин, 1982.
4. *Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н.* Молодежь вступает в жизнь. – М., 1985.
5. *Титма М.Х., Саар Э.А.* Молодое поколение. – М., 1986.
6. *Шубкин В.Н.* Социологические опыты. – М., 1970.
7. *Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н.* Молодежь вступает в жизнь. – М., 1985.
8. *Титма М.Х., Тальюкайте М.И.* Престиж профессии (социологический анализ). – Вильнюс, 1984.
9. *Титма М.Х.* Выбор профессии как социологическая проблема. – М., 1975.
10. *Павлов Б.С.* Из школьного в рабочий класс. – М., 1989.
11. *Петров Ю.П., Филиппов Ф.Р.* Как становятся рабочими. – Свердловск, 1973.
12. *Слепенков И.М., Князев Б.В.* Молодежь села сегодня. – М., 1972.
13. *Слепенков И.М.* Сельская молодежь // Социс. 1993. №3.
14. *Ананич Л., Бляхман Л.* Заводская молодежь: профессиональные интересы. – М., 1971.
15. Сознание и трудовая деятельность. – Киев-Одесса, 1985.
16. Молодежь и труд. – М., 1970.
17. Трудовые ресурсы Марийской АССР. Проблемы формирования и использования. – Йошкар-Ола, 1982.
18. Проблемы профессиональной ориентации выпускников общеобразовательных школ Марийской АССР. – Йошкар-Ола, 1984.
19. Проблемы подготовки кадров в Марийской АССР. - Йошкар-Ола, 1986.
20. *Чупров В.И., Черныш М.Ф.* Мотивационная сфера сознания молодежи: состояние и тенденции развития. – М., 1993.
21. Профессиональное самоопределение и трудовой путь молодежи. – Киев, 1987.
22. Личностный потенциал работника в условиях интенсивного производства. – Свердловск, 1986.
23. *Погорадзе А.А.* Культура производства. – Новосибирск, 1994.
24. *Вишневский Ю.Р.* Ради чего мы работаем. – Свердловск, 1988.
25. Молодежь Марийской АССР. Статистический сборник. Материал для народных депутатов Марийской АССР: отдел по делам молодежи Управления делами Совета Министров Марийской АССР, социологическая лаборатория при Марийском рескоме ЛКСМ РСФСР. – Йошкар-Ола, 1990.
26. Молодежь в Республике Марий Эл. Статистический сборник: Госкомстат Российской Федерации, Госкомстат Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2002.
27. Доклад «О положении молодежи в Республике Марий Эл» // Госкомстат Российской Федерации, Госкомстат Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2002.

28. Молодежь Республики Марий Эл. Статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2009.

Olga Orlova

EMPLOYMENT AND UNEMPLOYMENT YOUTH IN REPUBLIC OF MARI EL

The youth is the basic source of reproduction of a manpower. Inclusion in employment sphere plays the important role in the course of social integration of youth. From that, how successfully the process of reception of formation and youth vocational training will come to the end, their financial position, career, stability of home life depends in the future. The youth aspect in the analysis of social problems of work took an appreciable place in researches of the Soviet and Russian sociologists and historians. In a historiography of a «youth» problematics, as well as as a whole in domestic historiography in which frameworks various approaches to illumination of those or other historical plots dominated. In given article problems of employment and unemployment of youth of Republic of Mari El on boundary of XX–XXI centuries on statistical materials are considered. The number analysis on a genital, age, an educational level of the occupied youth and jobless youth is given, and also circumstances of unemployment and search ways of work are considered.

«Финно-угроведение», 2011, № 2

Гурий Лаврентьев
Йошкар-Ола

В.А. БОГОРОДИЦКИЙ КАК ВИДНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КАЗАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ: ОЧЕРК ЖИЗНИ И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

(к семидесятилетию со дня смерти)

Богородицкий В.А. Казань, конец XIX в.

Прошло семьдесят лет со дня смерти члена-корреспондента Петербургской Академии наук (1915 г., после 1917 г. – АН СССР), пожизненного члена Парижского лингвистического общества (1905), профессора Казанского государственного университета и Казанского педагогического института Василия Алексеевича Богородицкого (1857–1941). Но память о нем жива, многие научные положения его сохраняют и в настоящее время большую научную ценность и, естественно, развиваются новыми поколениями филологов.

Талантливый представитель «казанской школы» В.А. Богородицкий был крупным специалистом по общей, индоевропейской, в том числе русской и тюркской лингвистике. Он разрабатывал немало вопросов описательной, исторической и сравнительной фонетики и грамматики, а также экспериментальной фонетики.

Василий Алексеевич Богородицкий родился 7 апреля 1857 года в Царевококшайске Казанской губернии (ныне Йошкар-Ола, столица Республики Марий Эл) в семье священника. Здесь прошли его детские годы, учеба в уездном мужском училище (1864–1868). Затем семья переехала в Казань, где учился В.Богородицкий 8 лет в 1-й Казанской гимназии, которую в 1876 г. окончил с золотой медалью, одновременно получил серебряную медаль Академии художеств «за успехи в рисовании». В том же году он поступил на историко-филологический факультет императорского Казанского университета. Будучи студентом, слушал лекции крупного специалиста в области русской словесности профессора Н.Н. Булича, большого

---

* На мысль написать очерк о нашем земляке, замечательном человеке и выдающемся ученом, профессоре В.А. Богородицком натолкнул меня друг и коллега профессор МарГУ Е.Н. Мустаев, за что ему выражаю глубокую и искреннюю признательность.

знатока греческой филологии Д.Ф. Беляева, известного славяноведа М.П. Петровского, специалиста в области русской словесности профессора М.Н. Красина и др. Особенно благотворное влияние на него оказал недавно прибывший в Казань молодой профессор Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845–1929), который читал лекции по сравнительной грамматике индоевропейских языков, санскриту, сравнительной фонетике латинского языка, немецкому языку и др. Около него образовался лингвистический кружок. Он собирался по субботам вечером в квартире профессора. Здесь В.Богородицкий сделал 9 сообщений по самым различным лингвистическим вопросам.

По окончании учебы в университете В.А. Богородицкий по рекомендации Бодуэна де Куртенэ был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков. В 1881 г. он был утвержден в звании приват-доцента. Как один из активнейших членов лингвистического кружка продолжал посещать бодуэновские «субботники», где в 1880–1881 учебном году выступал с 18 сообщениями главным образом на фонетические темы.

В 1884 г. В. Богородицкий защитил магистерскую диссертацию на тему «Гласные без ударения в общерусском языке». В диссертации на степень доктора сравнительного языковедения на тему «Курс грамматики русского языка. Часть 1. Фонетика» (1887) был разработан также звуковой строй русского языка. Эта работа легла в основу «Общего курса русской грамматики», выдержавшего 5 изданий (1904, 1907, 1911, 1913, 1935). Данная книга является по существу первым вузовским учебником современного русского языка. В ней рассматриваются, наряду с фонетикой, морфология и синтаксис.

Кроме русской грамматики, профессор В.А. Богородицкий вел занятия по таким дисциплинам, как общее языкознание, или введение в языкознание, экспериментальная фонетика, сравнительно-историческая фонетика и грамматика индоевропейских языков, санскрит (древнеиндийский литературный язык), сравнительная грамматика греческого языка, греческая и латинская эпиграфика, сравнительная грамматика русского языка, сравнительно-историческая фонетика русского языка.

В начале 80-х годов XIX в. В.А. Богородицкий приступил к решению новых, довольно сложных задач. При университете он создал первую в России лабораторию экспериментальной фонетики. По инициативе ученого экспериментальная фонетика была введена в число учебных дисциплин, читаемых на историко-филологическом факультете Казанского университета. На рубеже двух веков он опубликовал немало статей, в которых рассматриваются проблемы экспериментального исследования звукового строя. В 1914 г. В.А. Богородицкий выступил с докладом на тему «Резонансовые тона полости рта при русских гласных» на экспериментально-фонетическом конгрессе в Гамбурге.

Важно заметить и то, что В.А. Богородицкий систематически оказывал помощь профессору С.К. Буличу, создавшему лабораторию экспериментальной фонетики в 1899 г. в Петербургском университете.

В 1917–1922 гг. ученый опубликовал в Казани три выпуска «Курса экспериментальной фонетики». В 1930 г. была издана «Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных», в которой систематизированно излагаются особенности русского языка сравнительно с западноевропейскими языками, выявленные с помощью пневматической методики.

В 1927 г. в связи с семидесятилетием со дня рождения и большими заслугами профессора В.А. Богородицкого в разработке экспериментальной фонетики Наркомпрос РСФСР присвоил Казанскому кабинету экспериментальной фонетики имя его создателя и бессменного руководителя и дал разрешение поместить его портрет.

Как преподаватель общих и специальных курсов В.А. Богородицкий издал ряд исследований: «Из чтений по сравнительной грамматике ариоевропейских (индоевропейских) языков» (1892), «Сравнительную грамматику ариоевропейских языков» (1914), «Краткий очерк сравнительной грамматики ариоевропейских языков» (1916), «К хронологии и диалектологии фонетических процессов в ариоевропейском семействе языков» (1900), где впервые был применен им метод относительной хронологии. Общелингвистические вопросы освещаются им в «Очерках по языковедению и русскому языку» (1901, 1909, 1910,1939) и «Лекциях по общему языковедению» (1913, 1915), посмертном «Введении в изучение современных романских и германских языков» (1953, 1959). Все они при переиздании исправлялись и значительно дополнялись ученым.

В лингвистическом наследии ученого видное место занимают исследования диалектов русского языка. Они не теряют научного, практического значения и в наши дни. Еще будучи студентом IV курса, В.А. Богородицкий вел наблюдения над говором деревни Белая Казанской губернии, что в 30 верстах от Казани. Эта работа продолжалась уже зрелым ученым и в последующие годы. Данному говору посвящен ряд опубликованных статей: «Исследования говора дер. Белой», «Говор дер. Белой», «Некоторые явления ассимиляции согласных в говоре дер. Белой»; опубликована часть текстов малограмотных носителей этого русского говора. Есть у В.А. Богородицкого увидевшие свет изыскания по говору с. Лады Пензенской губернии, с. Сушки Золотоношского уезда Полтавской губернии и др. В работах «Московское наречие 200 лет назад» и «Краткий очерк диалектологии и истории русского языка» затронут исторический аспект диалектологии.

Еще в студенческие годы В. Богородицкого заинтересовали тюркские языки. На субботних лингвистических вечерах он слушал выступления тогдашнего инспектора татарских училищ (позднее академика) В.В. Радлова, позднее посещал его лекции по алтайскому языку. Важно заметить в этой связи, что Казанский университет в XIX в. был одним из крупнейших центров востоковедения, в нем было открыто 6 кафедр ориентального направления. Особенно усердно В.А. Богородицкий изучал татарский язык, быстро усвоил разговорную татарскую речь; на это его натолкнула работа преподавателем русского языка (1881–1884) открывшейся в Казани в сентябре 1876 г. Татарской учительской школы, которая готовила прež-

де всего учителей русского языка для татарских учебных заведений. Приглашенный на эту работу В.В. Радловым приват-доцент Казанского университета В.А. Богородицкий сотрудничал в тесном научном контакте с ним. Ученый имел возможность наблюдать за казанско-татарским языком, а в 1885 г., отдыхая летом в Алуште, за крымско-татарским наречием.

В процессе преподавания русского языка татарским детям В.А. Богородицкий опирался прежде всего на сопоставление фактов русского и татарского языков. Он охотно делился своим опытом обучения русскому языку татарских детей в младших классах. Так, он в сентябре–октябре 1883 г. на съезде учителей при татарской учительской школе ознакомил присутствовавших со своим методом преподавания русского языка. Много интересного и полезного в плане обучения русскому языку нерусских учащихся содержат работы «О преподавании русского языка в татарской учительской школе» (1884, 1885, 1899) и «О преподавании русской грамматики в татарской школе» (1935, 1951).

В 1923 г. было образовано Научное общество татароведения. Являясь его почетным членом, В.А. Богородицкий выступал с докладами на заседаниях этого общества и печатался в «Вестнике научного общества татароведения». Так, с 1926 г. по 1929 г. им были прочитаны следующие доклады и опубликованы статьи: «Фонетика татарского языка», «Из фонетики татарских наречий», «Законы сингармонизма в тюркских языках», «Эволюция окончаний родительного падежа в тюркских диалектах», «Движение тона в татарском языке по экспериментальным данным», «О корневом вокализме и его изменении в казанско-татарском диалекте». В последующее время выходят в свет обобщающие «Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию» (1933), куда вошли статьи о казанско-татарском и крымско-татарском диалектах, неправильностях в русской речи чуваш и др., «Введение в татарское языковедение в связи с другими тюркскими языками» (1934, 1953), которое, по словам самого автора, «представляет собой род сравнительной грамматики тюрко-татарских языков», причем сравнения во всех случаях начинаются примерами из казанско-татарского языка. Этот труд, как отзывается о нем сам автор, является «заключительным даром Татарской республике, где – в Казани – без перерыва протекала его свышеполувековая научная и просветительная деятельность».

В 1935 г. увидела свет и последняя татароведческая работа В.А. Богородицкого «О научных задачах татарского языкознания», брошюра, посвященная двадцатипятилетию ТАССР, в которой он определил задачи методологического характера татарской лингвистики.

Труды В.А. Богородицкого по тюркским языкам, в особенности по татарскому языку, представляют собой очень большую ценность и заслуженно пользуются широкой известностью не только среди тюркологов, но и финно-угроведов.

Профессор В.А. Богородицкий положил начало экспериментальному изучению фонетики татарского языка. В этом деле ему помогал ассистент, а затем доцент Галимджан Шараф, успешно работавший над палатограммами звуков татарского языка сравнительно с русскими, сонорной длительностью татарских гласных, ста-

тистической характеристикой татарского языка. Важно заметить в этой связи, что кабинет экспериментальной фонетики привлекал к себе внимание широкого круга интеллигентов. Здесь под руководством В.А. Богородицкого записывались посредством фонографа татарские и башкирские песни, которые затем с валиков фонографа перекладывались на ноты ассистентом М.И. Берг. В этом кабинете неоднократно бывал один из разносторонне образованных марийцев В.М. Васильев, в то время работавший в области музыкальной этнографии, составитель первого сборника марийских народных песен. Здесь он в 1913–1919 гг. записал с помощью М.И. Берг 50 марийских народных песен, собранных им самим и К. Митаевым.

Профессор В.А. Богородицкий и доцент Г. Шараф проводили большую исследовательскую работу в области экспериментальной фонетики. Так, в плане кабинета на 1930 г., кроме экспериментального изучения фонетики татарского языка, значатся «подготовительные работы по экспериментальному изучению фонетики чувашского и марийского языков». Реализуя, по-видимому, намеченный план работы, В.А. Богородицкий посвятил одну статью изучению фонетического строя марийского языка. Над этой небольшой статьей он работал, как можно предполагать, в порядке «подготовительной работы» в начале 30-х гг. прошлого столетия. Посмертная статья «Характеристика звуковой системы марийского (черемисского) языка» была опубликована в «Известиях АН СССР» (ОЛЯ) (1944. Т. III, вып. 4. Всего 12 с.).

В статье впервые в истории марийского языкознания сделана попытка проанализировать фонетическую систему марийского языка, правда, пока еще без оперирования понятием «фонема». Ниже перескажем содержание статьи В.А. Богородицкого.

На начальных страницах работы представлены сведения о двух наречиях (горном и луговом) марийского языка, отмечены территории, где испокон веков живут марийцы. Здесь же сделана оговорка: «В своем исследовании я опираюсь на луговое или восточное наречие, преимущественно района Йошкар-Ола, но вместе с тем постараюсь охарактеризовать соотношение его звуковой системы с западным (горным) наречием».

Затем перечисляются труды, на которые опирается профессор В.А. Богородицкий в своих рассуждениях. Это «Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии» протоиерея Ф. Васильева (Казань, 1887), «Исследования о наречиях черемисского языка» доктора Михкеля Веске (Казань, 1889, ч. 1.), которые, как заметил В.А. Богородицкий, представляют собой фонетико-морфологический обзор марийских наречий (смерть М. Веске прервала возможность появления II части), «Горномарийские языковые исследования» Г. Рамстедта (Хельсинки, 1902; дается попутное пояснение: «Книга содержит краткую характеристику звуковой системы, словарь и тексты с немецким переводом. Если исследование Веске имеет экстенсивный характер, охватывая восточные и западные марийские говоры, то исследования Рамстедта имеют интенсивный характер, предлагая обширный материал для говора одной деревни»), «Песни черемис Ветлужского уезда» П. Зори-

на (1917), «Чувашские заимствования в марийском языке» М. Рясянена (Хельсинки, 1920), «Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис» А.М. Селищева (1927), «Русско-марийский словарь» (1928).

Профессор В.А. Богородицкий изучал речь ассистента Татарского педагогического института В.И. Сергеева, «коренного марийца-луговика»*.

Фонетический анализ начинается с характеристики системы ударных и безударных гласных. Отмечается, что в луговом наречии имеется 8 гласных, в горном – 10, что кроме общих с русским языком гласных *(а, э, и, о, у)* в луговом наречии есть *ӧ, ӱ, ы,* в горном – *ӧ, ӱ, ы, ӹ, ӓ (пӧрт* 'дом', *ӱп* 'волосы', луг. *пыштэ* горн, *пӹштӹ* 'положи'). Представлена схема артикуляционных положений в полости рта в сагиттальном разрезе.

По мнению В.А. Богородицкого, марийский «гласный э несколько уступает по открытости русскому открытому э в слове *это*». Попутно обращается внимание на то, что в марийских словах предшествующий согласный, в отличие от русского языка, не смягчается *(нэр* 'нос', *сэр* 'берег', *кэм* 'сапог'). Дополняем: согласный не смягчается не только перед э, но и перед другими гласными переднего образования *(тӧр* 'ровный', *пирэ* 'волк', *пӱрӧ* 'брага').

Не ускользнуло от внимания В.А. Богородицкого своеобразное произношение марийского гласного *ы:* он отличается от всех прочих гласных марийской звуковой системы сверхкраткостью. Кстати говоря, в некоторых говорах имеется четыре сверхкратких гласных: *ы, ӹ, ʌ* и *ʌ̈*; количество гласных фонем в них доходит до двенадцати, они могут употребляться в ударной и безударной позициях.

Сомнительно, на наш взгляд, утверждение В.А. Богородицкого, согласно которому в конечном открытом слоге узкие ударные гласные *у, ӱ. и* характеризуются большей длительностью *(изи* 'маленький', *пу* 'дрова', *ру* 'дрожжи', *кӱ* 'камень').

Переходя к рассмотрению неударяемых гласных, В.А. Богородицкий попутно остановился на особенностях словесного ударения: оно в марийском языке разноместное, подвижное *(кол* 'рыба', *ко́лын* 'рыбы', *колэм* 'моя рыба').

По наблюдениям В.А. Богородицкого, предударное положение представлено в луговом наречии всеми восемью гласными *(паша* 'работа', *ломаш* 'жердь', *лудаш* 'читать', *печем* 'горожу', *пидам* 'вяжу', *шӧрем* 'мое молоко', *ӱпет* 'твои волосы', *мыжер* 'кафтан'), заударное же «оказывается сравнительно ограниченным, причем в том и другом случаях нужно отличать положение в открытых и закрытых слогах». Важно заметить в этой связи, что в марийском языке нет качественно-количественной редукции гласных, есть только редукция количественная. ударный гласный всегда звучит длительнее, чем безударный. Новейшие экспериментальные исследования звукового строя марийского языка в основном подтверждают сонорную длительность гласных в словах *пытарэм* «кончаю» (½ – 2 – 2 ½), *пэтырем* «запираю» (2 – ½ – 2 ½) и др., выведенную В.А. Богородицким.

---

* Вследствие ликвидации в университете кафедры общественных наук профессор В.А. Богородицкий с 1922 г. по 1941 г. преподавал в Восточном педагогическом институте, ныне Казанский государственный педагогический институт, и одновременно продолжал работать в кабинете экспериментальной фонетики в университете (по 1938 г.).

Интересны наблюдения профессора В.А. Богородицкого, касающиеся заударной части слова, при этом сравниваются материалы двух луговых говоров – йошкаролинского (*кочо* 'горький') и уржумского (*кочы*), взятые из вышеназванной работы М. Веске. Вслед за сослуживцем М.Веске В.А. Богородицкий описал палатально-лабиальную гармонию гласных, присущую основной части лугового наречия и отсутствующую в уржумском говоре. В этой связи он рассуждал так: «Решение вопроса о том, каким путем создалось это диалектное различие, т. е. нужно ли видеть в йошкаролинском говоре отражение древнего сингармонизма, сгладившегося в уржумском, или же новое зарождение из состояния, подобного уржумскому, относится уже к сравнительно-историческому изучению, а не к статике языка». Этот вопрос В.А. Богородицкого остается по существу белым пятном в марийской лингвистике; нет, насколько мы осведомлены, ясного, убедительно аргументированного ответа в опубликованных работах по исторической фонетике марийского языка. (Полагаясь на своё ощущение, восприятие, мы считаем, что прогрессивная дистактная ассимиляция гласных в луговом наречии, легшем в основу марийского литературного языка, нивелируется в наше время. Это связано с тем, что марийцы – выходцы из разных районов оказывают влияние друг на друга относительно выговора конечных гласных и произносят, как в уржумско-сернурских и моркинских говорах, нейтральный к сингармонизму сверхкраткий гласный *ы*).

В анализируемой статье представлены также междиалектные корреляции гласных, касающихся особенностей лугового и горного наречий.

Есть в работе скудные сведения о согласных *д, г, в*. В словах, например, *кинде* «хлеб», *пойгго* 'гриб', *комво* (орфогр. *комбо)* «гусь» согласные *д, г, в*, находящиеся после гоморганных носовых, характеризуются как взрывные, а в словах *ава* 'мать', *кидым* 'руку', *погаш* 'собирать' – как придувные, щелевые. В современных исследованиях согласные *в* и *г* по способу образования характеризуются как щелевые, а *д* – как слабосмычный.

Исследуя употребление конечных согласных, профессор В.А. Богородицкий писал, что из звонких согласных на конце слов (помимо сонорно-носовых *м, н, н'*, *нг*, плавных *л, л', р*, щелевого *й)* встречается *ж (кож* 'ель'). Скажем в дополнение: и согласный *з (кагаз* 'бумага', *теигыз* 'море').

Отмечена прогрессивная ассимиляция согласных по звонкости-глухости *(пӧрттымӧ* «бездомный», ср. *пӧрт* 'дом'; *йолдымо* 'безногий', ср. *йол* 'нога'; *колжо* 'его рыба', ср. *кол* 'рыба'; *ракше* 'его рак', ср. *рак*; *кыркалаш* 'постукивать', *возгалаш* 'пописывать', *пужгалаш* 'портить'). Скажем в дополнение: есть и регрессивная ассимиляция согласных: *йоктараш* «лить», ср. *йогаш* 'литься, течь'; *вургыштараш* 'волновать', ср. *вургыжаш* 'волноваться'.

Важно заметить и то, что звуки марийского языка рассматриваются на широком фоне фонетических исследований по индоевропейским и другим языкам.

По-видимому, статья не была закончена.

Дело, начатое В.А. Богородицким, продолжают и развивают нынешние молодые ученые, опираясь на экспериментальную или инструментальную фонетику.

В.А. Богородицкий занимался и психологией речи. Этому вопросу посвящена работа «Психология поэтического творчества» (1909). Сюда же примыкает разбор структуры трех охотничьих рассказов И.С. Тургенева («Хорь и Калиныч», «Ермолай и Мельничиха», «Бежин луг» (1885, 1899, 1920) и статья «По вопросу о технике стихосложения» (1930).

В статьях «Очерки физиологии произношения французского, английского и немецкого сравнительно с русским» (1903) и «Ошибки немца в русской речи и русского в немецкой» (1928) В.А. Богородицкий представил характеристику звуковых систем этих языков в соотношении с звуковой системой литературного русского языка, причем показал, в чем нужно изменить артикуляцию русских звуков и вообще изменить русское произношение, чтобы перейти к звуковым системам других языков.

Обратим теперь внимание на некоторые общелингвистические теоретические взгляды В.А. Богородицкого. Ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ В.А. Богородицкий считал очень важным разграничение современного и историко-этимологического членения слова на морфемы. Исторические изменения в морфологической структуре слова ученый разрабатывал в вышеупомянутых учебных пособиях для университета: «Очерках по языковедению и русскому языку» (1901, 1909, 1910, 1939) и «Лекциях по общему языкознанию» (1907, 1915), а также в статьях «Этюды по психологии речи» (1882), «Введение в этимологию» (1885), «О морфологической абсорбции» (1888), «Об основных факторах морфологического развития языка» (1895).

Основные положения В.А. Богородицкого по данной проблеме, представляющие собой несомненный вклад в теорию языка, заключаются в следующем:

1. Морфологическая структура слова имеет исторически изменчивый характер. На определенном этапе языкового развития может наблюдаться «процесс, когда слово перестаёт в живой речи чувствоваться в своём морфологическом составе, становясь простым символом представления» (с. 193; здесь и ниже цитаты приводятся по переработанным в 1939 г. «Очеркам по языковедению и русскому языку»). Это явление, называемое В.А. Богородицким тяжеловесным словосочетанием «морфолого-семасиологическая абсорбция», несколько позднее просто «опрощением», происходит в тех случаях, когда реальное значение слова изменяется настолько, что становится не согласным с генетическим значением, «с значением морфологических частей» (с. 171, 193).

2. Кроме опрощения в слове наблюдается также процесс переразложения основы (термин предложен также В.А. Богородицким), состоящий в том, что «слова в умах индивидуумов известного времени ... ассоциируются не теми сходными частями, которыми они ассоциировались в умах индивидуумов прежнего времени» (с. 154). Впрочем, наши современники (В.А. Виноградов и др.) характеризуют переразложение так: это «морфологическое явление, состоящее в смещении морфологических границ в слове, в результате чего возникают новые (вторичные) формо- и словообразовательные аффиксы и основы, которые могут утрачивать пря-

мую морфолого-этимологическую связь с первичными формами» (Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 370). Проще говоря, при переразложении слова сохраняют морфемную членимость, но начинают делиться по-другому, не так, как делились раньше.

3. И как следствие этих процессов «необходимо рассматривать морфологический состав слов, как он чувствуется в современном языке, т.е. статически», «отграничивая это от исследования морфологических элементов тех же слов с точки зрения исторической» (с. 173).

4. Роль аналогии В.А. Богородицким оценивается следующим образом: «... если фактор фонетический вызывает внешнее разнообразие морфем, то фактор аналогии, наоборот, водворяет вторично однообразие, устраняя лишние разновидности морфем и служа, таким образом, к удобству памяти и облегчению речевой мысли и тем содействуя, как и фактор опрощения, прогрессу умственной деятельности» (с. 183–184).

5. Опрощение как процесс, по мнению В.А. Богородицкого, имеет три ступени. Первая ступень это «слова с прозрачным морфологическим составом, от которого, однако, реальное значение более или менее удалилось, например, *забыть, намерение, голик* и т. д.» (с. 193). Вторая ступень опрощения усматривается в таких словах, где к выделяемому аффиксу «примыкает корень, который не ясен и не выделяется» (с. 193) (*захолустье, обуть, разуть, облако*). Эти две ступени относятся, как считает В.А. Богородицкий, к неполному опрощению. Третью ступень, (совершенное, или полное, опрощение) представляют, например, слова *сутки, сын,* когда слово не членится на бывшие в прошлом части, разложить слово на морфологические части можно лишь с помощью использования сравнительно-исторического метода (с. 194). В результате опрощения морфологического состава слова возникают новые корни на почве прежних префикса и корня *(подвиг, окорок, завтра, воздух, запах, обязанность, супруг),* корня и суффикса *(знамя, басня, хитрый, добрый, важный, смазливый),* префикса, корня и суффикса *(затхлый, опенок, подушка, закадычный),* корня и окончания *(долой, хотя, пусть, ведь, чуть* и др.).

6. В.А. Богородицкий выявил и то, чем обусловливается процесс опрощения. Первая, основная причина «вытеснение значения по составляющим частям слова реальным значением слова, отвечающим непосредственно предмету или понятию» (с. 171) (мы сказали бы сейчас – изменение значения слов). Вторая причина опрощения фонетические изменения, разрушающие связь однокоренных слов. «Благодаря звуковым изменениям слово может так разойтись с родственными словами, что будучи воспринято, не интегрируется с ними» (с.153). Третья причина, которая упоминается В.А. Богородицким вскользь, – это исчезновение из языка слов, родственных данному слову. «Существенную роль в процессе опрощения, – рассуждает В.А. Богородицкий, – играет фактор смены поколений ... так что многие слова, еще сознававшиеся в уме индивидуумов прежнего времени в своём морфологическом составе, в уме индивидуу-

мов позднейшего поколения могут уже не разлагаться, становясь простыми» (с. 171–172), то есть непроизводными.

7. По мнению В.А. Богородицкого, процесс опрощения, как и аналогия, «благоприятствует прогрессу умственной деятельности и служит к экономии духовных сил как фактор природно-экономический...» (с. 171).

8. Причину, вызывающую переразложение, В.А. Богородицкий усматривает «в большей повторяемости в речи формальных элементов по сравнению с материальной частью слова» (с. 196). Данное суждение, на наш взгляд, вызывает сомнение. В этой связи важно заметить, что отказавшись от своих первоначальных взглядов. В.А. Богородицкий стал придерживаться мнения о том, что фонетические изменения для переразложения «не имеют значения причины» (с. 197). Однако общепринятое бодуэновское положение о сокращении основ в пользу окончаний в славянских языках было вызвано именно фонетическими изменениями на стыке основы и флексии. Так, в ранний период праславянского языка в дательном и винительном падежах единственного числа в формах **gena-i* и **gena-m* конечные дифтонги и дифтонгические сочетания **ai* и **am* по общеславянской тенденции к открытости слога монофтонгизировались (**ai* > **e* открытое, **am* > **o* носовое, оно обозначалось юсом большим), задненебное g по первой палатализации перешло в *ж* (**gena-i* > ст.-слав. *жен-е*, рус. *жен-е*, **gena-m* > ст.-слав. *жен-о* (*о* носовое), рус. *жен-у*). По аналогии с данными формами тематический гласный ***а***, принадлежавший древней основе, отошел к окончанию *(жен-амъ, жен-ахъ* вместо *жена-мъ, жена-хъ)*. Аналогическим воздействием объясняется также перемещение морфологической границы между основой и окончанием в других типах склонения *(раб-амъ* вместо *рабо-мъ* и др.). По крайней мере смещение границ между основой и окончанием обусловлено, как видно, фонетическими изменениями. Что касается причин, вызывающих переразложение на стыке производящей основы и суффикса или производящей основы и префикса, то следует заметить, что В.А. Богородицкий обошел их молчанием.

Опрощение, переразложение, аналогия свойственны не только индоевропейским языкам, в том числе и русскому. Эти явления имеют место в тюркских языках: тат. *аккош* «лебедь» (от *ак* 'белый' и *кош* 'птица') – опрощение, *нын* вм. *ын* переразложение. Они присущи и финно-угорским языкам, в частности марийскому. Сведения о рассматриваемых морфологических процессах марийского языка можно получить в наших статьях: «Исторические изменения в морфемной структуре марийского слова» // СФУ. – 1973. – №4 – С. 247–255; «Переразложение в марийском языке» // СФУ. – 1974. – №1. – С. 25–30; «Некоторые вопросы образования и опрощения композит в марийском языке» // СФУ. – 1975. – №4. – С. 244–252; «Из истории глагольного словоизменения в марийском языке» // СФУ. – 1978. – №3. – С. 178–188; «К вопросу об историческом развитии глагольной формы 3-го лица настояще-будущего времени в марийском языке» // СФУ. – 1972. – №3 – С. 187–191; «Именные признаки неспрягаемых форм глагола в марийском языке» // Вопросы теории и методики русского и удмуртского языков. – Ижевск, 1972. – С. 147–162. При исследовании проблем словоизменительной и словообразовательной морфемики современного марийского литературного языка мы базировались на

краеугольных положениях отечественного языкознания, в том числе на вышеприведенных основополагающих взглядах профессора В.А. Богородицкого.

Исследования изменений морфемного состава и словообразовательной структуры слова в процессе развития языка, начатые крупным ученым В.А. Богородицким и ставшие достоянием современного языкознания, продолжаются лингвистами нашего времени.

В.А. Богородицкий занимался не только изучением языков. Он интересовался другими науками. Им написаны и опубликованы работы «Об изучении художественно-литературных произведений» (1899), «Основы арифметического счета» (1908) и др. Он работал над книгой «Введение в элементы наук» (для народного образования и самообразования), оставшейся незавершенной. 23 декабря 1941 г. В.А. Богородицкого не стало.

Правительство высоко оценило многостороннюю деятельность В.А. Богородицкого, наградив его в 1940 г. в связи с 20-летием ТАССР орденом Трудового Красного Знамени.

Заключая краткий очерк о более чем полувековой деятельности выдающегося лингвиста, следует сказать, что Василий Алексеевич Богородицкий, беззаветно преданный филологической науке, был достойным представителем Казанской лингвистической школы. С большим усердием он продолжил дело замечательных отечественных лингвистов-теоретиков А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, И.А. Бодуэна де Куртенэ и др. Сам великий труженик, В.А. Богородицкий хотел, чтобы и другие трудились честно и добросовестно, служили разумному, доброму, вечному. С особым благоговением произносят имя В.А. Богородицкого на его малой родине в Йошкар-Оле, преображенной столице земли марийской.

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

горн. – горное наречие марийского языка
луг. – луговое наречие марийского языка
рус. – русский язык
ст-слав. – старо-славянский язык
тат. – татарский язык

Guriy Lavrentyev

V.A.BOGORODITSKIY AS THE PROMINENT REPRESENTATIVE OF THE KAZAN LINGUISTIC SCHOOL: ESSAY OF THE LIFE, SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL ACTIVITY

In given article the most important stages of the life and many-sided scientific research activity of the prominent scientist, member-correspondent of Academy of Science of the USSR V.A. Bogoroditskiy, the native of Tsarevokokshaisk (nowadays Yoshkar-Ola) are shined. In the work his posthumous article about a sound system of Mari language is analyzed, are stated his common linguistic sights at historical changes in morphemic and word-formation structure of a word. V.A. Bogoroditskiy has based the first in Russia laboratory of experimental phonetics at the Kazan university.

«Финно-угроведение», 2011, № 2

СООБЩЕНИЯ

Татьяна Душенкова
Ижевск

НОВАЯ ЛЕКСИКА В РАБОТАХ П. ЛЕБЕДЕВА

Проблема искусственной номинации в последнее время очень актуальна. Все, кто ею занимается, стремятся создавать мотивированные неологизмы. Сегодня понимание неологизма как слова с абсолютно новой формой плохо соотносится с тем, что подавляющее большинство новых слов (русского или удмуртского языков) являются производными, т.е. связанными отношениями формально-семантического сходства с другими словами. При этом в удмуртском языке преобладающую часть неологизмов (при традиционном выделении этой группы слов), несмотря на значительное количество заимствований, составляют производные слова, образованные с помощью средств удмуртского словообразования – с помощью уже известных языку деривационных морфем и мотиваторов. Структурно уникальные слова-неологизмы предстают в этом случае как что-то редкое, нетипичное для системы языка, находящееся на периферии.

В настоящей статье рассматривается новая лексика, представленная в переводных работах П. Лебедева из санскритского языка. Приводятся отрывки из переписки с К.И. Куликовым, раскрывающие трудности перевода религиозно-философской терминологии. Особое внимание уделяется лексическому и словообразовательному своеобразию творчества автора. Прилагается большой список новых слов из работ П. Лебедева.

1. К вопросу о новой лексике. Возрождение удмуртской культуры, начавшееся в начале 90-х годов XX столетия, создало условия для пересмотра имеющегося на сегодняшний день фонда удмуртской лексики. При председателе Госсовета Удмуртской Республики была образована термино-орфографическая комиссия (1995), основной целью деятельности которой стала разработка новых слов на базе исконно удмуртских словообразовательных моделей. Многие из неологизмов, своими корнями уходящие в диалектную и архаичную лексику, обрели новую жизнь благодаря своей востребованности. Они широко используются в СМИ, литературе и науке. Появился целый пласт окказионализмов, перешедших в активную лексику.

Теоретически рассматриваемую нами лексику необходимо бы отнести к окказиональной. Это индивидуально-авторские слова. Авторские новообразования изучаются прежде всего в описательном и теоретическом аспектах и значительно в меньшей степени подвергаются лексикографированию.

Неологизм – слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия. После того, как слово входит в широкое употребление, оно перестает быть неологизмом (1). При определении сущности неологизмов неизбежно встает проблема отграничения их от смежных явлений, прежде всего от потенциальных и окказиональных слов.

Потенциальные слова – это слова, созданные по продуктивным моделям словообразования без нарушения его законов. Они потенциально уже существуют в языке, и нужен лишь внешний стимул, обусловленный речевой ситуацией (достаточно вспомнить детское словотворчество, опирающееся в значительной степени на принцип аналогии). Потенциальные слова впоследствии легко входят в язык.

Окказионализм – слово, образованное по непродуктивной модели, используемое только в условиях данного контекста (ср. неологизм стилистический) (1). Окказиональное словообразование представляет собой естественное явление любого живого языка, более того, наша речь, устная и письменная, пестрит многочисленными окказиональными словами, не отличающимися общеупотребительностью, но созданными все же по имеющимся в языке моделям, образцам и потому понятными, особенно в определенной языковой ситуации или определенном языковом контексте.

Причины появления неологизмов, потенциальных и окказиональных слов разнообразны. Их можно сгруппировать следующим образом: а) необходимость точно выразить мысль (узуальных слов для этого может быть недостаточно); б) стремление кратко выразить мысль (новообразование может заменить словосочетание и даже предложение); в) потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку; г) стремление своеобразным обликом слова обратить внимание на семантику, дезавтоматизировать восприятие; д) потребность избежать тавтологии; е) в поэтической речи – необходимость сохранить ритм стиха, обеспечить рифму, добиться нужной инструментовки.

Среди новых слов выделяются относительные неологизмы:

1) «вернувшаяся лексика». Это малоупотребительные и устаревшие слова, которые в последние годы (или на определенном временном отрезке) «актуализировались, сохраняя в своей «новой жизни» прежнее смысловое и функционально-стилистическое содержание» (2, с. 90). Как правило, это религиозная лексика, архаизированные слова, обозначающие ранее государственные органы, образовательные учреждения, людей, работающих в них, а также имена реалий, заимствованных из социального устройства зарубежных стран и используемых в настоящее время для обозначения собственных явлений;

2) актуализированная лексика – слова, прежде существовавшие, но на современном этапе выступающие в ином осмыслении, претерпевшие семантические, стилистические, сочетаемостные, оценочные и другие изменения;

3) внутренние заимствования – новые слова и фразеологизмы, появление которых обусловлено перераспределением языковых средств в видах и жанрах речи. Они проникают в литературный язык из разговорной речи, просторечия, диалектов, жаргонов и арго, профессиональной лексики, разных областей знания (терминосистем).

2. О переводах и трудностях переводческой деятельности П. Лебедева. В данной работе хотелось бы обратить внимание на интереснейший лексический материал, который в силу ряда причин, субъективных и объективных, не в полном объеме был включен в состав нового «Удмуртско-русского словаря» (2008). Автором рассматриваемой лексики является Павел Лебедев, химик по образованию, переводчик «Бхагавад-Гиты», «Вед» и других санскритских книг на удмуртский язык, член Ижевского филиала центра «Харе Кришна».

Работы П. Лебедева поступали в фонд Научно-отраслевого архива УИИЯЛ УрО РАН в 1994–2004 гг.: *Лебедев П.* Ӟуч-удмурт кыллюкам. 1994. 42 с. (рукопись); *Лебедев П.* Руч-удмурт кыллюкам. Веда гожъямъёсты удмурт кылэ берыктонын кутэм кылъёс. 1996. 7 с. (рукопись); *Лебедев П.* Инвукылшыкыс. Можга, 2004. 116 с.

В ходе работы по переводу духовно-философской и религиозной литературы автор столкнулся с множеством трудностей и проблем, о чем писал К.И. Куликову, директору УИИЯЛ УрО РАН. Вот выдержка из его письма: «*Берло дыре мон шугъяськыны кутски. Мар луоз, одйг кыллы ик пӧртэм пумо берыктонъёс лузы ке? ...ЛУЛО МАКЕ. Та кылэз мон кемалась кутйсько вал ини, «живое существо» шуыса. Берло мон адзи «живое существо» кыллы «лулос» кыл шедьтйллям шуыса. Табере со мыкам «лулос» («дух») кылыным сураськe*» (3).

П. Лебедев обращался за консультацией к кандидатам филологических наук преподавателям УдГУ В.Г. Пантелеевой и П.И. Воронцову, что видно из письма, датированного 20.01.1996 г.: «*...МУРТ (Personality). Берлогес мон адзи, та кылэз «асмурт» берыктйллям шуыса. Нош «ас» люкетэз, мон малпамъя, мултэс луэ, валантэмгес каре мукет кылъёсты но, кудъёсыз со кыл бордысь кылдо. «Мурт» кыллэн «чужой» валанэз, мон сямен, уг люкеты «мурт» кылэз «личность» шуыса берыктонлы. Вань, кылсярысь, тайе кылъёс: кышномурт, пиосмурт, удмурт, вумурт. ...Озьы ик мон кутйсько на «васькем мурт» («avatara» – «тот, кто нисходит») но «вӧлмытскем-мурт» («expansion») кылъёсты. Зэмзэ вераса, мон та кылъёсты «васькемчи» но «вӧлмытскемчи» шуыса берыктйсько вал, нош В.Г. Пантелеева но, П.И. Воронцов но «чи» кылйтэтэз татын кутыны уг луы шуо*» (3).

При переводе весьма сложных текстов было трудно найти и подобрать соответствующие удмуртские слова. За неимением в удмуртском языке научной лексики духовно-религиозного и философского плана автор на время стал лексикографом. Ему самому пришлось заняться словотворчеством. Что самое удивительное, у него оказалось очень хорошее чувство слова, чутье законов языка и интуиция. (Надо сказать, некоторые слова появлялись параллельно, их создавали независимо друг от друга П. Лебедев, лексико-орфографическая комиссия и М. Атаманов, который в это же время работал над переводом Библии).

Многие из слов, созданных П. Лебедевым, совершенно не кажутся оторванными от жизни, или искусственными. Они смогли бы органично влиться в язык художественной литературы, науки, публицистики. Но не все работы П. Лебедева опубликованы, его рукописи хранятся в архиве, и поэтому они не доступны широкому читателю. Боюсь, на сегодняшний день время уже упущено. И результаты труда переводчика теперь не так актуальны (новый словарь уже вышел).

3. О лексическом и словообразовательном своеобразии работ П. Лебедева. Бóльшая часть лексики П. Лебедева по своей тематике относится к религиозно-философской: **асат** 'материальный, бездуховный', **асатмугор** 'физическое тело', **асатмыл** 'материальное желание', **асвалантодос** 'наука самосознания', **весьдунне** 'духовный, вечный мир', **визьвалтос** 'ум как инструмент, орудие в духовном совершенствовании'; **визьмугор** 'тонкое, ментальное тело', *ср.* **инмугор, мылмугор**; **возиськись** 'аскетичный', **возьматскытэм** 'непроявленный', **выльдышетскись** 'неофит', **гожтэмкыл** 'заповедь', **дуннепу** 'Мировое дерево', **дуннечерс** 'ось мира', **дуркынар** 'пограничная энергия', **ингуртодзон** 'медитация', **инкуазьвыл** 'мистический', **вылдунне** 'рай'.

Между тем можно выделить лексику: а) «потенциально-общеупотребительную»: **дйньпус** 'адрес', **ошмесдйнь** 'сайт', **ыстонпус** 'обратный адрес', **электроннпочта, визьлюкам** 'эрудированный', **выльсям** 'мода';

б) научную: **эскерчи** 'эмпирик' (у В.К. Кельмакова – 'исследователь'), **эскеронни** 'лаборатория', **визьмылкыд, визьмылкыдтодос** 'психология', **визьрад** 'логика', **визьужась** 'интеллигент', **воршудвыжы** 'тотем', **шордунне, улдунне** 'адские планеты', **выль-усьтон** 'открытие', **дунневалантодос** 'философия', **инмартодон** 'теология', **инмартодосчи** 'богослов', **инмартэмдышетон** 'атеизм';

в) административно-политическую: **эльчи, улосчи** 'гражданин', **эльвозёс** 'государство', **эльвалтос-ужась** 'государственный, правительственный чиновник'; **эльвалтос** 'правительство', *ср.* **кивалтос, кунвалтос, мервалтос**; **адямимер** 'социум', **волмеммурт** 'экспансия', **вужкатчаклан** 'юридический', **вужкатсётйсь** 'законодательный', **вужсямъем** 'ортодоксальный' и т. д.

Можно отметить следующие способы образования существительных в работах П. Лебедева:

1. Аффиксальное образование:

-он (-ён), -н – (у П. Лебедева встречается редко) продуктивный и регулярный аффикс, образующий от любого глагола имя существительное с отвлечённым значением (действия, состояния, реже субъекта, орудия действия или объекта); например: **бугырскон** революция (ср. у М. Атаманова **бугыръяськон** 'забастовка, бунт, восстание, возмущение');

-лык – продуктивный и регулярный аффикс, образующий от существительных и адъективных или адъективно-наречных слов существительные со значениями собирательности, совокупности, отвлечённого качества-свойства; например: **ачимлык** 'эго' < ачим 'сам'; **нимазлык** 'отдельность, суверенитет' < **нимаз** 'отдельно';

-чи – продуктивный и регулярный аффикс, образующий от существительных существительные со значением лица по роду его деятельности или соучастию; например: **азьвылчи** ‘предшественник’ < **азьвыл** ‘прошлое’; **бугырчи** ‘революционер, мятежник’ < **бугыр** ‘взволнованно, тревожно’ (ср. у М. Атаманова **бугыръяськись**); **асмылкыдчи** ‘доброволец’ < **ас** ‘свой, своё’ + **мылкыд** ‘желание’; **эльчи** ‘гражданин’ < **эль** ‘край, сторона; страна; мир’; **визьмочи** ‘волхв; эрудит, знаток, интеллектуал’ < **визьмо** ‘умный’; **вужкатчи** ‘юрист’ < **вуж** ‘старый’ + **кат** ‘закон’; **вашкалачи** ‘предок’; **инкуазьвылчи** ‘мистик’;

-эт (-ет) – (П. Лебедев очень редко использует) продуктивный и регулярный аффикс, образующий от глаголов существительные со значением орудия действия, предмета, имеющего определенное назначение, результата и объекта действия; например: **ёзнэт** ‘элемент’;

-эм (-ем), -м – продуктивный и регулярный аффикс образования существительных от глаголов со значением отвлечённого действия, состояния, результата или объекта действия; например: **инкуазьем** ‘естественный’;

-ан (-ян) – продуктивный, но нерегулярный аффикс, образующий от глаголов существительные со значением процесса; например: **астэвизьсазьян** ‘самосознание’, **дырлыдъян** ‘летоисчисление’, **ёзвиян** ‘анализ’;

-сь (-ись) – продуктивный, регулярный аффикс, образующий причастия от основ глаголов. При субстантивации такие причастия употребляются как существительные со значением лица по роду его деятельности или соучастию; например: **аспиштйсь** ‘самосветящийся’, **ассэтырмытйсь** ‘самодостаточный’, **ачизвордскись** ‘саморожденнный’, **зечлэсьтйсь** ‘благотворитель, благотворительный’, **зечмылкыдкарись** ‘доброжелатель’, **инмалпась** ‘мистик’.

В число продуктивных словообразовательных аффиксов входят также *-ни, -тй*, характерные лишь для северных говоров удмуртского языка; они очень удобны для образования новых слов: **ыстонни** ‘почта’, **аслобетпуксённи** ‘аэропорт’.

2. Словосложение. С его помошью образована бо́льшая часть слов из рассматриваемых работ:

а) сочинительное словосложение: **ошмесдйнь** ‘сайт’ < **ошмес** ‘родник’ + **дйнь** ‘основа, основание’; **пусшуккет** ‘печать’ < **пус** ‘знак’ + **шуккет** ‘всё то, чем можно ударить’;

б) подчинительное словосложение (самая продуктивная группа у П. Лебедева): **адямивыжы** ‘человечество’ < **адями** ‘человек, человеческий’ + **выжы** ‘род’; **зэмверос** ‘очерк’ < **зэм** ‘правда, правдивый’ + **верос** ‘рассказ’; **шундыемыш** ‘фрукты’ < **шунды** ‘солнце, солнечный’ + **емыш** ‘плод’; **дунневаланто́дос** ‘философия’ < **дунне** ‘мир’ + **валан** ‘знание’ + **тодос** ‘наука’; **ыстонпус** ‘адрес, обратный адрес’ < **ыстыны** ‘послать’ + **пус** ‘знак’; **пичидыр** ‘детство’ < **пичи** ‘маленький’ + **дыр** ‘время’; **нӧйтус** ‘мираж’ < **нӧй** ‘обманный’ + **тус** ‘образ’; **пушдунне** ‘внутренний мир’ < **пуш** ‘внутренний’ + **дунне** ‘мир’; **дырпус** ‘календарь’ < **дыр** ‘время’ + **пус** ‘знак’.

Достаточно много слов, образованных из нескольких (3 и более) корней, что не характерно для удмуртского словообразования. Например: **аймескуанон, айымескуанон** 'сексуальное наслаждение', **асвалануж** 'самосовершенствование', **аспушказучкись** 'смотрящий внутрь себя', **астэ-ачид-утён** 'самосохранение'; **астэ-одйг-карон,** *см.* **астэ-пусъён** 'самоотождествление'; **будьым-инмар-мурт** 'верховная личность бога', **ваньзэ-бордаз-кыскись** 'всепривлекающий', **ваньмыз-пыр-потйсь, ваньмыз-пыр-пычась** 'всепроникающий'; **вужкалапитран,** *см. тж.* **вашкалапитран, даурпитран** 'колесо времени'; **ӟечмылкыдкарись** 'доброжелатель' и т.д.

Видно, что особые трудности у П. Лебедева вызывало написание слов. В одном случае сложный термин оформлен слитно, в другом – через дефис, а в некоторых – раздельно. Но это не только проблема П. Лебедева (см. неугасающую полемику вокруг удмуртского орфографического словаря, вышедшего в 2002 г. (4): работы В.К. Кельмакова (5), многочисленные дебаты в СМИ, совещания в редакциях газет и журналов, в Министерстве национальной политики Удмуртской Республики и др.).

Несомненно, работа П. Лебедева по переводу санскритской литературы стала большим вкладом в развитие удмуртской лексики. Возможно, это даже прорыв в создании религиозно-философского пласта научной лексики. Однако большим минусом является то, что работа малоизвестна. Она еще ждет своего исследователя.

В приложении дана лишь маленькая толика (532 слова) из того, что создал П. Лебедев (в качестве источников послужили переводы: *Лебедев П.* Ӟуч-удмурт кыллюкам. 1994. 42 с. – рукопись; *Лебедев П.* Инвукылшыкыс. Можга, 2004. 116 с.).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: ООО «Изд. Астрель», ООО «Изд. АСТ», 2001.

2. *Поповцева Т.Н. и др.* Относительные неологизмы // Новые слова и словари новых слов. – Л., 1990.

3. Материалы Научно-отраслевого архива УИИЯЛ УрО РАН. Д. № 1198.

4. Удмурт кылын шонер гожъяськон кыллюкам (Шонер гожъяськон но пусъёс пуктылон правилоосын). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002.

5. *Кельмаков В.К.* «Шонересь-а гожъяськонысьтымы шонертэтъёс?»: Лекциослы но семинаръёслы материалъёс. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2008.

ПРИЛОЖЕНИЕ

адямивыжы человечество (2004, с. 5).

адямикыл человеческий язык, язык человека; *ср.* **пӧйшуркыл, тылобурдокыл** (2004, с. 5).

адямимер человеческое общество, социум (2004, с. 5).

азьвераны предсказать, предсказывать (2004, с. 27).

азьвылчи предшественник (2004, с. 27).

азьвераны предсказать, предсказывать (2004, с. 27).

айывыжы сильный, мужской пол; *см. тж.* **пиосмуртвыжы** (2004, с. 5).

айымес, аймес 1. половой, сексуальный, эротический; **2.** секс (2004, с. 5).
аймескуанон, айымескуанон сексуальное наслаждение (2004, с. 5).
аймесужъёс половые отношения, секс (2004, с. 5).
акшанвакыт сумерки (2004, с. 5).
амалъем практичный (2004, с. 26).
амалъяськон *сущ. от* **амальяськыны** лицемерие; *см. тж.* **мынчыкъяськон** (1994, с. 17).
амалъем практичный (2004, с. 26).
анткыл 1. присяга, клятва; **2.** заключение; *см. тж.* **йылсанкыл** (2004, с. 6).
арамадунне рай (верхний, божественный) горный мир (2004, с. 6).
арамаемыш фрукты; *см. тж.* **шундыемыш** (2004, с. 6).
араматэль райская планета (2004, с. 6).
аркалык *см. тж.* **удмуртказлык** (2004, с. 18).
Арча воршуд (2004, с. 6).
арчакарыны, арчанакарыны молиться воршуду (2004, с. 6).
асат II 1. материальный, бездуховный; **2.** ветреный, несерьёзный; **3.** безнравственный (2004, с. 7).
асатачер материальная болезнь души – желание наслаждаться материальной энергией (2004, с. 7).
асатдунне *филос.* материальный мир (2004, с. 7).
асаткуазь *филос.* материальная природа (2004, с. 7).
асаткуанон материальное наслаждение (2004, с. 7).
асаткынар материя (2004, с. 7).
асатмугор *рел.-филос.* физическое тело (2004, с. 7).
асатмурт материалист (2004, с. 7).
асатмыл материальное желание (2004, с. 7).
асвалантодос наука самосознания (2004, с. 7).
асвалануж самосовершенствование (2004, с. 7).
асветлэт, ветлэт автомобиль (2004, с. 3).
аскуанонмыл вожделение (2004, с. 7).
аслобет, лобет самолёт; **аслобетэн лобыны** лететь на самолёте (2004, с. 7).
аслобетпуксённи аэропорт (2004, с. 5).
асмылкыдчи доброволец (2004, с. 11).
аспиштйсь самосветящийся (2004, с. 31).
аспушказучкись *филос.-психол.* смотрящий внутрь себя (2004, с. 7).
ассэ-тырмытйсь самодостаточный (2004, с. 31).
асту да будет так (2004, с. 7); ср. с удм. **Остэ!**.
астэ-ачид-утён самосохранение (1994, с. 31).
астэвизьсазьян самосознание; **астэвизьсазьян тодон** наука самосознания (1994, с. 31).
астэвозёнжикыт этикет; *см. тж.* **улонжикыт** (1994, с. 42).
астэ-одйг-карон, астэ-пусъён самоотождествление (1994, с. 31).
асулонсюрес автобиография (1994, с. 31).
асэрказ *см. тж.* **куазьэркын** естественно (2004, с. 7).
ачизвордскись саморожденный (1994, с. 31).
ачимлык эго; **эрекчам, эрекчась ачимлык** ложное эго (1994, с. 17); *см. тж.* **монкарись**.
бадзымлыдзет *см.* **куарлыдзет** газета (1994, с. 9).
бакчаемыш, толэзьемыш овощи (2004, с. 8).
бервылчи 1. предшественник; **2.** преемник, последователь (2004, с. 26).
беркыл 1. послесловие; **2.** вывод (2004, с. 9).

берланес-азинэс, азинэс-берланес развитый, продвинутый, но в неправильном направлении (2004, с. 8).

бугырскон революция, мятеж; *см. тж.* **ожвыльдйськон, выльдйськон** (1994, с. 31).

бугырчи революционер, мятежник; *см. тж.* **выльдйсь** (1994, с. 31).

будӟым *рел.* **1.** верховный, божественный; верховный (только по отношению к Верховному Господу); **будӟым Луло** Верховное Существо (2004, с. 7); **2.** святой (2004, с. 8).

будӟымингур верховная божественная музыка (2004, с. 8).

будбӟыминмар, быдӟыминмар, будӟымтӧро Господь Всевышний (2004, с. 8)

будӟым-инмар-мурт верховная личность бога (2004, с. 9).

будӟымкуанон наслаждение самое высшее, божественное, экстаз, блаженство (2004, с. 9).

будӟыммурт верховная личность (2004, с. 9).

будӟымним святое имя (Бога) (2004, с. 9).

будӟымингур верховная божественная музыка (2004, с. 8).

будбӟыминмар, быдӟыминмар, будӟымтӧро Господь Всевышний (2004, с. 8).

будӟым-инмар-мурт верховная личность бога (2004, с. 9).

будӟымкуанон наслаждение самое высшее, божественное, экстаз, блаженство (2004, с. 9).

буро II *рел.* праведный, правильный (2004, с. 3).

буромурт, бурмурт *рел.* праведник (2004, с. 3).

быдӟыммозмон *филос.* великое освобождение (2004, с. 9).

быдтыр 3. абсолют (2004, с. 9).

быдтыро: быдтыро быдэс полное, целое; **быдтыро чын** абсолютная истина (2004, с. 9).

бытмись бренное; **бытмись дунне** бренный мир (2004, с. 7).

вазёнпус адрес; *см. тж.* **интыпус, дйньпус** (2004, с 9).

вазиськем отражение (2004, с. 23).

валан-малпан идея (1994, с. 14).

валанпадӟа 1. философская платформа, миропонимание; **2.** уровень понимания (2004, с. 9).

валаншӧм оттенок значения, слова (2004, с. 9).

валатскон *сущ. от* **валатскыны** догадка (1994, с. 11).

валчеяськон 1. объединение, соединение, присоединение, присовокупление, **2.** спаривание, секс; **валчеяськонлэсь возиськон** *рел.* обет целомудрия; **3.** женитьба (1994, с. 32, 21).

валэктонгожъясь комментатор (1994, с. 16).

вамыш 2. этап (2004, с. 42).

ваньзэ-бордаз-кыскись всепривлекающий (1994, с. 9).

ваньзэбыгась всемогущий (1994, с. 9).

ваньзэвормись всесильный (1994, с. 9).

ваньзэньылйсь всепожирающий (1994, с. 9).

ваньмыз-пыр-потйсь, ваньмыз-пыр-пычась всепроникающий (1994, с. 9).

ватсась положительный (1994, с. 24).

вашкалаос предки (1994, с. 27).

вашкалапитран *см. тж.* **даурпитран, вужкалапитран** колесо времени (2004, с. 14).

вашкалачи предок (1994, с. 27).

ведйнтодон, убиртодон демоническое знание, использование знания в демонических целях; магия (2004, с. 11).

векчи: ~мутор *психол. см.* **пушмутор, малпанмутор** тонкое тело (астральное) (2004, с. 11).

верамкыл высказывание (1994, с. 9).

верет 2. мысль (2004, с. 4).

весьдунне *рел.-филос.* духовный, вечный мир (2004, с. 11).

веськыт-жикыт гармоничный (1994, с. 10).

весьмугор *рел.-филос.* постоянное, вечное тело (духовное) (2004, с. 34).

весьсузьет чётки (1994, с. 40).

визьвалтос *рел.-филос.* ум как инструмент, орудие в духовном совершенствовании (2004, с. 12).

визьет *рел.* завет; **Вуж но Выль Визьетъёс** Старый и Новый Завет (1994, с. 13).

визьлюкам эрудированный; **визьлюкам тодосчи** эрудированный ученый (1994).

визьмочи 1. волхв; **2.** эрудит, знаток, интеллектуал (1994).

визьмугор *рел.-филос.* тонкое (ментальное) тело (2004, с. 12).

визьмылкыд, визьмылкыдтодос психология (1994, с. 30).

визьмылкыдтодосчи психолог (1994, с. 30).

визьпӧран умствование; *см. тж.* **мудронтыны** (2004, с. 12).

визьрад логика; *см. тж.* **кылрад** (1994, с. 17).

визьсазь сознание, мышление; **жӧмыт визьсазь** подсознательное; **неймыт визьсазь** бессознательное; *см. тж.* **сазь** (2004, с. 12).

визьсазьян осознание; реализация (2004, с. 23)

визьсазьяны сознавать (2004, с. 12).

визьужась интеллигент; **визьужасьёс** интеллигенция (1994, с. 15).

виркисьтон кровопролитие (2004, с. 18).

возеттэм 1. несдержанный: **2.** неудержимый, **3.** беспринципный, безнравственный; *см.* **возьыттэм** (2004, с. 12).

возиськись аскетичный (1994, с. 4).

возьматскытэм непроявленный (2004, с. 13).

возьматскытэмлык проявление (1994, с. 29).

возьытскон аскеза (1994, с. 4), *см. тж.* **чидан 3, чидатскон.**

вордсконвыжы происхождение; *см.* **выжы 5** (1994, с. 29).

ворекъян-пӧртмаськон видение; *см.* **адскон** (2004, с. 8).

воршудвыжы тотем (2004, с. 18)

вӧлмеммурт экспансия (2004, с. 13).

вӧсьтыл *рел.* огонь жертвоприношения (2004, с. 14).

вӧсяськись 1. *рел.* молящийся, набожный, верующий || молельщик, молельшица; **2.** монах (1994, с. 19).

вӧсясконни-улонни монастырь (1994, с. 19).

вужкалапитран *см. тж.* **вашкалапитран, даурпитран** колесо времени (2004, с. 14).

вужкатчаклан юридический (1994, с. 42).

вужкатсётӥсь законодательный; **вужкатсётӥсь норед** законодательный орган (1994, с. 23).

вужкатчи юрист; *см. тж.* **бур(ет)чи** (1994, с. 42).

вужсямъем ортодоксальный (1994, с. 23).

выжытыны II наследовать (1994, с. 20).

выжычур 1. *см.* **выжы**; **2.** династия (1994, с. 11).

вылдунне *мифол.* рай; *ср.* **шордунне, улдунне** (2004, с. 15).

вылӥын 1. вверху, наверху; **вылӥынгес** чуть повыше **2.** выше; **вылӥын верам** вышесказанное; **вылӥын тодматэм** вышеназванный (1994, с. 9).

вылӥынверам вышеназванное, вышесказанное (2004, с. 1).

выльдышетскись новичок, неофит (2004, с. 15).

выльсям мода (1994, с. 19).

выль-усьтон открытие (научное) (1994, с. 3).

гожтӥсь, кылдытӥсь автор (1994, с. 4).

гожтӥсьмурт пишущий (2004, с. 4).

гожтэмкыл *рел.* заповедь (1994, с. 12).

гожтэмуж долг, обязанность (2004, с. 32); **гожтэмужъёс** предписанные обязанности (2004, с. 15).

гожтэтнуллйсь почтальон (1994, с. 26).

гожъяськонвозетъёс нормы, правила грамматики, правописания; *см. тж.* **кылвозетъёс** (2004, с. 15).

данбур II достояние (2004, с. 15).

дангур, нимгур гимн (1994, с. 10).

даурпитран *см. тж.* **вашкалапитран, вужкалапитран** колесо времени (2004, с. 14).

дйн 1. внутренний стержень, фундамент человека; сущность человека; миропонимание человека; 2. религия, вера, вероисповедание (1994, с. 30); *см.* **дын**.

дйнвозет(ъёс), дйнькат(ъёс) 1. законы нравственности; 2. религиозные законы (2004, с. 16).

дйнкат 1. священное писание; 2. законы религии (2004, с. 16).

дйнмурт *см.* **дйнчи** религиозный человек, верующий (2004, с. 16).

дйно, дйнъем религиозный (1994, с. 31).

дйнтэм безбожный (2004, с. 16).

дйнчи религиозный деятель; **пӧето дйнчиос** псевдорелигиозные деятели (1994, с. 31).

дйнь-атай прародитель, предок; *см. тж.* **вашкала дйньвордйсь, вашкала анай-атаймы, вашкала чыжы-выжы, вашкалачи** (1994, с. 26).

дйньвордйсь: вашкала дйньвордйсь прародитель (1994, с. 26).

дйнь-ош *мифол.* бык, на котором стоит земля, вселенная, мир (2004, с. 16).

дйньпус адрес (2004, с.).

дйнэштос секта (1994, с. 32).

дйсьтон-оскалтон рисковать; риск (1994, с. 31).

дорпӧйшуръёс домашние животные (2004, с. 41).

дуннебытмон апокалипсис (2004, с. 18).

дунневалан, дуннеучкон *см. тж.* **валан, улонвалан** миропонимание (2004, с. 18).

дунневалантодос философия (2004, с. 18).

дунневалантодосчи философ (2004, с. 18).

дунневалась мудрец; философ (2004, с. 18).

дуннекотыр кругосветный; **дуннекотыр уян** кругосветное плавание (1994, с. 16).

дуннекуанон, дуннешуд *рел.-филос.* наслаждение вселенское, охватывающее весь мир (2004, с. 18).

дуннекузё Бог (2004, с. 18); *см. тж.* **Инмар**

дуннеошмес *рел.-филос.* вселенский родник (2004, с. 18).

Дуннепу *мифол.* Мировое древо (2004, с. 1); *ср.* **мудор кыз** (2004, с. 18).

дуннепуз *рел.-филос., мифол.* Мировое яйцо, материальный мир в виде яйца (2004, с. 19).

дуннепыдэс ад (2004, с. 20).

дуннетӧро владыка мира (2004, с. 20).

дуннетубат *рел.-филос., мифол.* материальный мир как лестница; понятие, указывающее на многоуровневость мироздания (2004, с. 20).

дуннетылсиян *рел.-филос.* великий, мировой свет (2004, с. 20).

дуннешуд *см.* **дуннекуанон**

дуннечерс *мифол.* ось мира; *см. тж.* **мудор кыз** (2004, с. 20).

дунним, дунчылкыт ним Святое Имя (2004, с. 20).

дуратэм ограниченный *чем-л.* (2004, с. 20).

дурбасьтйсь *прич. от* **дурбасьтыны** 1. заступник; защитник; 2. адвокат (1994, с. 4).

Дургамумы, Инкуазь Анай богиня материального мира (2004, с. 36).

дуркынар *рел.-филос.* пограничная энергия (2004, с. 20); *см.* **пушкынар**.

дырлыдъян летоисчисление (1994, с. 17).

дырпусйыны датировать (1994, с. 10).

дэменлык община; *см. тж.* **эль II, эштос** (1994, с. 22).

емышатонтэм: емышатонтэм арбериос противозачаточные средства (1994, с. 29).

ёзвиян 1. *сущ. от* **ёзвияны 2.** анализ; **ёзвиян быгатонлыкъёс** аналитические способности (1994, с. 4).

ёзнэт, ёз элемент (2004, с. 22).

жалянкузьым милостыня (1994, с. 18).

жужыткорка небоскрёб (1994, с. 20).

зэмбур *см. тж.* **чынбур** (2004, с. 22); **Быдтыро Зэмбур** абсолютная истина (1994, с. 3).

зэмверос очерк (1994, с. 24); *см. тж.* **улонверос.**

ӟан *рел.-филос.* **1.** душа; *см. тж.* **ӟанмурт, лул: 2.** дух; *см. тж.* **инар** (2004, с. 22).

ӟанмурт *рел.-филос. см.* **ӟан** личность духовная, истинная (2004, с. 22).

ӟечбур 3. совершенство (2004, с. 23).

ӟечлэсьтйсь благотворитель || благотворительный (1994, с. 11).

ӟечмылкыдкарись доброжелатель (1994, с. 11).

ивортон-удыс пресса (1994, с. 27).

инву 1. *диал.* роса; **2.** *диал.* дождевая вода; **3.** *рел.* святая вода; *см. тж.* **дунву**; **4.** *поэт.* дух, духовный (2004, с. 24).

инвутодзон 1. *см.* **ингуртодзон; 2.** *см.* **инвуэз, ингурез, инарез, инмарез тодон**; **3.** медитация на изначальный источник вселенной (2004, с. 25).

ингуртодзон *рел.- филос.* медитация на звуковую вибрацию святого имени (2004, с. 26).

ингуру индышетйсь, инардышетйсь учитель (2004, с. 26).

ингурулон *рел.-филос.* жизнь в высшей гармонии (2004, с. 26).

индрикуанон, мугоркуанон чувственное наслаждение (2004, с. 27).

индышетйсь, ингуру небесный учитель (2004, с. 27).

инйаратон *рел.- филос.* высшая любовь; *ср.* **аратон** (2004, с. 27).

инкуазьвыл мистический (силы); *см. тж.* **паймымон-валангэм, нёртмаськись** (1994, с. 12).

инкуазьвылчи мистик (1994, с. 19).

инкуазьем, инкуазылы-тупась, инкуазья сямъя, пушкуазья ик, асэрказ. инкуазьэркын естественный (1994, с. 12).

инмалпась романтик (1994, с. 31).

инмаркариськон обожествление, богоподобность? (2004, с. 39).

инмармурт *рел.- филос.* верховная личность бога (2004, с. 29).

инмартодон теология (2004, с. 29).

инмартодосчиос богословы? (2004, с. 57).

Инмартэмдышемтон атеизм (1994, с. 5).

инмӧль *мифол.* небесный нектар, амброзия (2004, с. 29).

инмугор *рел.-филос.* **1. мылмугор** тело желаний; **2. иньясьмугор,** т.е. тело, являющееся основой, сущностью личности, истинным, изначальным телом; **3. инармугор, ӟанмугор** (2004, с. 29).

Инмумы богиня (2004, с. 1).

инпурты *сущ.* небосвод (1994, с. 20).

инпыры 1. молекула; **2.** атом; **3.** элементарная частица (2004, с. 20)

инпырыӟан дух; *см.* **ньан, лул** (2004, с. 30).

инпырылул *рел.-мифол.* Верховная Душа; *ср.* **выльлул, лулпыры,** *см.* **инпырыӟан** (2004, с. 15).

инскал *рел.-мифол.* Небесная корова (2004, с. 30).

инсьӧрмукусыпо межпланетный (1994, с. 18).

инсьӧрмусӧзнэт *астр.* планетная система (2004, с. 31).

Интодон *см.* **инартодон** духовное знание (2004, с. 31).

Интӧро *рел.* Господь, **Интӧролэн ӟечъёсыз, узыръёсыз** достояния Господа (1994, с. 10, 12).

инты 1. место; местность; адрес (1994, с. 4); 3. эфир, пространство, один из 5 первоэлементов (2004 , с. 31).

интыл (*букв.* небесный огонь) 1. небесная, высшая, абсолютная любовь, желание; 2. *см. тж.* **инмартылсӥян, дуннетылсӥян** (2004, с. 31).

интыпус адрес, адрес места жительства, адрес сайта в Интернете и др. (2004, с. 31); *см. тж.* **вазёнпус, дӥньпус**

иньет основа (2004, с. 31).

иньет-сям принцип (1994, с. 28).

иньет-малпан принцип (1994, с. 28).

иньетась основной, принципиальный, главный, основополагающий, важный (2004, с. 31).

йӧньёс достоинства (1994, с. 12).

йӧтсконтэмчи неприкасаемый (1994, с. 21).

йуга *рел.-филос.* юга; *см. тж.* **кӧльым** промежуток времени (2004, с. 33).

йыгыр, йыгыри осязание (Вер); **вить шӧдоньёс:** зрение – **адзон,** слух – **кылон,** вкус – **шӧм,** обоняние – **зыньян,** осязание – **йыгыри** (1994, с. 40).

йыртэмась 1. озорник, баловник, проказник; 2. вор; **йыртэмасез дышетыны** проучить вора; 3. преступник (1994, с. 27).

кабыллык благочестие, благо (2004, с. 33).

кабыло благочестивый || благочестиво (1994, с. 6).

кабыломурт благочестивый человек (2004, с. 33).

кеерем, тауна пожалуйста (1994, с. 25).

кем V степень (2004, с. 35).

кемаылам долгожданный (2004, с. 35).

кивалтос II правительство; *см. тж.* **кунвалтос, мервалтос, эльвалтос** (1994, с. 26).

кизилипус звёздочка (знак) (2004, с. 3).

кизилитодйсь астролог (1994, с. 4).

киул 2. власть, **быдэсо** ~ полная власть (1994, с. 8, 25).

киулмурт подвластный, подчинённый (1994, с. 25).

киулскыны зависеть (2004, с. 35).

коркапуштӥрлык мебель (1994, с. 18).

котырчи приближенный (1994, с. 28).

куазьвакыт время года, сезон (2004, с. 36).

куазьвылмурт мистик (2004, с. 36).

куазьвылтодос мистика (2004, с. 36).

куазьсӧрись *см. тж.* **эсэпсӧрись** загрязняющий природу, нарушающий гармонию, равновесие (2004, с. 36).

куазьэркын *см. тж.* **асэрказ, дуннеэркын** естественно (2004, с. 7).

куандырон 1. *сущ. от* **куандырыны**; 2. наслаждение; **шӧдон куандырон** чувственные наслаждения (2004, с. 62).

куанон *сущ. от* **куаныны** высшее удовлетворение, блаженство, экстаз, наслаждение (1994, с. 20).

куаныны 3. наслаждаться (1994, с. 20).

куарлыдӟет, балӟымлыдӟет газета (1994, с. 9).

куаралырекъян вибрация (1994, с. 8).

куарапуссӧзнэт алфавит, система обозначения звуков, фонем речи (2004, с. 37).

куаратулкым *физ.* звуковая вибрация, волна (2004, с. 37).

куасьтос засуха (1994, с. 14).
кугӧет *грам.* запятая (1994, с. 14).
кужмыськарон насилие (2004, с. 37).
кужмыськаронтэм ненасилие (2004, с. 37).
кужмысьмалпам неестественный (2004, с. 37).
кужымкыл, туконкыл аргумент, довод (1994, с. 4).
кузьдала 3. расстояние (1994, с. 30).
кулонтэм бессмертие, **кулонтэмлык** (1994, с. 5).
култытйсь, агуло ядовитый (1994, с. 42).
кунвалтос II правительство; *см. тж.* **кивалтос, мервалтос, эльвалтос** (1994, с. 26).
кункусыпо международный (1994, с. 180).
курбонсётон *рел.* жертвоприношение (2004, с. 38).
курдунне *рел.-филос.* материальный мир, в котором неизбежны страдания, боль, гнев и т. п. (2004, с. 38).
курмурт, кырмурт материалист (2004, с. 38).
курпотыны *см.* **вожпотыны** (2004, с. 38).
куспетйлуисьтэм непрерывный (1994, с. 21).
кусыпвозьыны общаться (2004, с. 38).
кусып-тодос политика (1994, с. 25).
кусып-удыс политика (1994, с. 25).
кусып-удысчи политик (1994, с. 25).
кусып-ужъёс политика (1994, с. 25).
кутычипи пастушок (1994, с. 24).
кыкпалъяськон двойственность (1994, с. 10).
кылвозет *букв.* словохранение (2004, с. 3); **кылвозетъёс 1.** нормы, правила грамматики, правописания; *см. тж.* **гожъяськонвозетъёс** (2004, с. 15); **2.** *филос.* нравственное качество: сдержанность в речи (2004, с. 38).
кылгожтон, кылсётон интервью (1994, с. 15).
кылгожъянвозет правила правописания (1994, с. 38).
кылдытйсь автор (1994, с. 4).
кылкутыны нести/ брать ответственность (2004, с. 38).
кылсётон, кылгожтон интервью (1994, с. 15).
кылшыкыс энциклопедия, тезаурус (2004, с. 39).
кынар 2. энергия; **синпӧет кынар** иллюзорная энергия; **3.** внешняя, материальная энергия; **4.** стихия; первоэлемент природы (му, ву, тыл, омыр, ин) (1994, с. 14).
кынарошмес источник энергии (2004, с. 39).
кырдунне внешний мир (2004, с. 40).
кырешокчон выдох (2004, с. 40).
кыркынар *рел.-филос.* внешняя энергия (2004, с. 40).
кырмугор *рел.-филос.* грубое, физическое тело, состоящее из грубых первоэлементов (2004, с. 12); *см. тж.* **сӧльвирмугор**.
кырмурт, курмурт материалист (2004, с. 40).
кырпӧйшуръёс дикие животные (2004, с. 41).
лулбудос, ӟанбудос *рел.-филос.* душа как растение (2004, с. 41).
лулкӧчон *рел.-филос.* реинкарнация; **луллэн кӧчонэз** переселение души (1994, с. 24).
лулмугор плоть; тело **1.** одушевлённый; **2.** душа как тело; *ср.* **нимугор, ӟанмугор** (2004, с. 42).
луломаке *см. тж.* **улэнмаке, лулмугор** живое существо (2004, с. 60).
луос *филос.* бытие (1994, с. 7).

лушкемвизь, лушкем секрет (1994, с. 32).

лыд-вӧз, чотан-тодос математика (1994, с. 17).

лыдзетпоттонни издательство, типография (2004, с .43).

лыдсульдэр, лыдсуред 1. схема, диаграмма; **2.** цифровое изображение (2004, с. 43).

лыдтодос математика; арифметика; любая другая наука о числах (2004, с. 43).

лыдъянтыр, лыдйантыр вычислительная машинка, счётное устройство, компьютер (2004, с. 43).

лэсьтйськонни, ужанни завод (2004, с. 43).

лэсьтэт прибор (1994, с. 28).

люгезь 3. пожертвование; **коньдон люгезь** денежное пожертвование (2004).

малпандунне *рел.-филос.* тонкий, эфирный мир; мир мыслей (манас) (2004, с. 43).

малпанмугор *рел.-филос.* тонкое тело; *см.* **визьмугор, пушмугор** (2004, с. 43).

малпаськон-сям мышление (1994, с. 19).

меркалык нация (1994, с. 20).

мерсӧзиэт, мермугор (калыкмугор) общественный организм, социальная структура общества, общественная система (2004, с. 34, 44).

мертодос социология (2004, с. 44).

мозмонкуара мантра (освобождения) (2004, с. 44).

монкарись *филос., психол.* эго, ложное эго (2004, с. 7); *см. тж.* **ачимлык.**

монмугор *рел.-филос.* тело эго, т.е. тело, состоящее из эго, ложного эго; «я» человека (2004, с. 44–45).

муг-бервыл: муг-бервыл герзетъёс причинно-следственные связи (1994, с. 8).

мугзарезь *рел.-филос.* причинный океан (2004, с. 14).

мугоратэм воплощённый (2004, с. 45).

мугорвоштон *рел.-филос.* перевоплощение, реинкарнация (2004, с. 45).

мугоркуанон чувственное наслаждение: **аймескуанон, сиськон, вераськон,** но мс. (2004, с. 45).

мугорпу *рел.-филос.* тело живого существа как дерево (2004, с. 46).

мугоршӧдон *рел.-филос.*: **мугоршӧдоньёс** *см. тж.* **индриос** органы чувств (2004, с. 46).

мугоршӧдон-дунне, мугоркуанон-дунне *рел.-филос.* цивилизация чувств (2004, с. 46).

мудрон мудрёный; **мудрон кылъёс** мудрёные слова; перемудренный, странный, уродливый (2004, с. 46).

мудроитыны мудрствовать (2004, с. 12).

музъемвозёс аграрный, сельскохозяйственный (1994, с. 15).

музъемвозись землевладелец, земледелец (2004, с. 33); **музъемвозисьёс** землевладельцы.

Музъемэль планета Земля (2004, с. 46).

муош *мифол.* бык, держащий на рогах землю (2004, с. 46).

мупыдлосьпотйсь *физ.* низкочастотный (утробный) звук, издаваемый быком, громом (2004, с. 46).

мупыдэс: мупыдэс дунне ад, *см. тж.* **гамык** (1994, с. 4).

мурватэм скрытые, спрятанные (2004, с. 25).

мурсюлэм сокровенный (1994, с. 33).

мурто личностный (2004, с. 47).

мурттэм безличный (2004, с. 47).

мурттэмчи имперсоналист (1994, с. 14).

мурт-эльем, мурт-кунъем иностранный (1994, с. 15).

мурт-эльчи иностранец (1994, с. 15).

мыдланес-азинэс, берланес-азинэс развитый, продвинутый, разумный, цивилизованный, прогрессивный и т.п., но в неверном направлении (2004, с. 47).

мыл *ср.* **ӟан, будӟан** желание (2004, с. 29); *см.* **ин, мылпотон** (2004, с. 47).
начак точно (2004, с. 49).
начтодосъёс точные науки (2004, с. 49).
нерге IV словообр. частица, указывающая на сравнение (**тодоснерге, губатнерге**) (2004, с. 50).
нимазлул индивидуальная душа (2004, с. 50).
нимазмурт индивидуальность, личность (2004, с. 50).
нимгур, дангур гимн (1994, с. 10).
нимчур перечень (1994, с. 24).
нодлык II мудрость (2004, с. 50).
нодъясь наставник (1994, с. 20).
норед II 1) орган тела; 2) административный орган; **вужкатсётйсь норед** орган законодательный (1994, с. 23).
нуналкӧльым *рел.-филос.* продолжительность дня как период (2004, с. 12).
някыргож наклонные, косые линии (//) (2004, с. 4).
огбасьтэм определенный (1994, с. 22).
огбур, оглык гармония (2004, с. 50).
огвозьскон (шоро-куспо) равновесие (2004, с. 50).
огтупатэм определенный (1994, с. 22).
огъябасьтйсь *рел.-филос.* всеобъемлющий (1994, с. 9).
ожгарвӧсь военное моление/молитва (2004, с. 50).
ождан героизм (1994, с. 10).
ожлуд, ожбусы поле битвы, сражения (1994, с. 25).
омкуара *см.* **мозмонкуара** (2004, с. 50).
омыртулкым *физ.* звуковая волна (2004, с. 37).
оскемчи, оскем мурт представитель (1994, с. 27).
оскондышетон вероучение (1994, с. 19).
осконмурт *рел.* верный, преданный (человек) (2004); *см. тж.* **дасьмурт**.
оскымонлык авторитет (1994, с. 4).
оскымонмурт авторитетный человек (1994, с. 4).
оскытскеммурт, оскытскемын преданный (2004, с. 50).
оскытскемчи *рел.* преданный Господа (человек) (1994, с. 26).
оскытскон преданность (1994, с. 26).
ошкужым тягловая сила быков, волов (2004, с. 50).
ошмесдйнь сайт (2004).
ошмескирос символическое обозначение родника в виде двухцветного креста (2004, с. 51).
ӧбкелён *рел.* покаяние (1994, с. 25).
ӧдбур, ӧд первоисток (2004, с. 51).
ӧнеро опытный (1994, с. 22).
падмасяська лотос (2004, с. 52).
паймымон 1. удивительный, изумительный, прекрасный (1994, с. 27).
паймымон-валантэм мистический; *см. тж.* **инкуазьвыл, пӧртмаськись** (1994, с. 12).
паймымон-чебер великолепный (1994, с. 7).
палэнскон 2. отречение (1994, с. 23).
палэнсконвӧсь 1. отшельничество; **2.** *рел.-филос.* отречение (2004); *см.* **палэнскон**.
пиналдыр отрочество (1994, с. 24).
пичидыр детство (1994, с. 24).
покчиинмар малое божество, божок, низшее божество (2004, с. 36).
поттонуж производство (1994, с. 29).

пöйдунне, кырдунне иллюзорный мир, майа (2004, с. 52).
пöйкынар, синпöйкынар иллюзорная энергия (2004, с. 53).
пöйтус, пöйву мираж в пустыне (2004, с. 54).
пöйшуд иллюзорное счастье (2004, с. 54).
пöл III процент (1994, с. 29).
пумитъяськись непокорный (нрав) (1994, с. 21).
пусшуккет печать (1994, с. 24)
пушдунне 1. внутренний мир (2004).
пушкешокчон вдох (2004, с. 40).
пушкуазь 1. внутренняя, высшая энергия; высшая природа, духовная; *см.* **пушкынар**; **2.** внутренняя природа, сущность чего-либо (2004, с. 54).
пушкынар, дуркынар внутренняя, пограничная энергия (2004, с. 40).
пушмугор *см.* **малпанмугор** тонкое тело (2004, с. 54).
пуштодон сокровенное, внутреннее знание (2004, с. 54).
пыжвозьман пристань (1994, с. 28).
пыждугдон пристань (1994, с. 28).
сазь сознание (2004, с. 12).
саптаськон *сущ. от* **саптаськыны 2.** *рел.* осквернение (1994, с. 23)
сарым суть, сущность (2004, с. 55).
сат 1. духовный; *см. тж.* **весьлуись**; *ср.* **асат** материальный; **2.** чистый, непорочный (2004, с. 56); *см. тж.* **сайкыт**.
сатдунне духовный, вечный мир (2004, с. 56).
ситян *см.* **вужон** *анат.* анус, (2004, с. 14).
сйдан 1. совершенство; *см. тж.* **чынбур**; **2.** слава (2004, с. 56).
сйдано, чынбуро совершенный (2004, с. 56).
сйзён 2. *рел.* посвящение, инициация (1994, с. 26); **3.** *рел.* причастие; **инар сйзён** святое причастие (1994, с. 28).
сйлыкарыны почитать, славить (2004, с. 56).
сйльвирсиисьтэм вегитарианец (1994, с. 7).
сйлькорась мясник (1994, с. 19).
сьöлыкберыктон *рел.* искупление грехов (1994, с. 15).
сьöмня *см.* **улы**, семья (2004, с. 56).
сям-дышетон воспитание (1994, с. 8).
тамык 1. ад (мупыдэс дунне) (1994, с. 4); **2.** невежество (2004, с. 56).
тамыкъем адский (1994, с. 4).
тапалдунне *см.* **тапалкуазь**.
тапалкынар *см.* **тапалкуазь**.
тапалкуазь, тапалдунне, тапалкынар материальная природа, материальный мир, материальная энергия (2004, с. 57).
тапалчи мирянин, обыватель (1994, с. 18, 22).
тапал мирской; **тапал улон, огшоры, дышем сямен улон** мирская жизнь (1994, с. 18).
тодонбасьтон образование (1994, с. 21).
тодонбасьтэм образованный; **тодонбасьтэм адями** образованный человек (1994, с. 21).
тодонлюкан *см.* **тодонбасьтон**.
тодонудыс предмет (1994, с. 27).
тодослюкет дисциплина, предмет, отрасль науки (1994, с. 11); *см.* **тодонудыс**.
тодосмурт учёный; *см.* **тодосчи** (2004, с. 57).
тодосчишуоньёс лжеученые (2004, с. 57).

тодытйсь проповедник (1994, с. 29).
толэзьлыдзёт журнал (1994, с. 13).
толэзьемыш, бакчаемыш овощи (2004, с. 8).
толэзькыл *см.* **толэзьлыдзёт.**
толэзьлыдзёт журнал (1994, с. 13).
тупалдунне *рел.-филос.* трансцендентный, запредельный мир (2004, с. 58)
тупалдышетон метафизика (1994, с. 18).
тупалкуанон, тупалшуд *рел.-филос.* трансцендентное счастье, наслаждение (2004, с. 58).
тупалмурт трансценденталист (2004, с. 58).
тупалпадзя уровень трансцендентный (2004, с. 58).
тупалтодос наука о трансцендентном (2004, с. 58).
тупатсконуж сделка (1994, с. 32).
тускотыр очертание, контур (1994, с. 24).
тырдуно полноценный (1994, с. 25).
удыскыл термин (2004, с. 59).
удыстёро министр (2004, с. 59).
уждэмен коллектив (1994, с. 16).
ужемыш, ужбервыл плоды, результаты деятельности (2004, с. 59).
узыркуа *см. тж.* **эксэйкуа** дворец (1994, с. 10).
уйбыртон 2. галлюцинация (1994, с. 9).
уйнунал сутки (2004, с. 59).
уксё-уж бизнес (1994, с. 5).
улдунне, дуннепыдэс Нижний Мир; адские планеты (2004, с. 59).
улзытэм: улзытэм кылъёс «возрождённые» слова (2004, с. 1).
улймылпотон похоть (1994, с. 26).
улонаратйсь: улонаратйсь тыл *см.* **кынар** (2004, с. 22).
улонбугор жизнь как запутанный клубок (2004, с. 22).
улонверос, зэмберос очерк (1994, с. 24).
улонжикыт этикет; *см. тж.* **астэвозёнжикыт** (1994, с. 42).
улонкотыр, улонпёл окружающая среда (2004, с. 59).
улонкёлыым *рел.-филос.* продолжительность жизни как период (*в процессе реинкарнации*) (2004, с. 59).
улонсюрес биография (1994, с. 5).
улоншур *рел.-филос.* жизнь как река, как нечто постоянно обновляющееся, идущее вперёд (2004, с. 60).
улосчи гражданин; *см. тж.* **эльчи** (1994, с. 10).
усьтэмкыл *рел.* откровение (1994, с. 23).
усьтэмсюлэмо простодушный (1994, с. 29).
утет III: лул-сюлэм утет нравственность (1994, с. 21).
утён-уж профилактика (1994, с. 29).
учконо: учконо маке достопримечательности (1994, с. 12).
учыркаб вариант (1994, с. 7).
чаклэт 2. правило (1994, с. 26).
чалькуазь *рел.-филос.* временная, внешняя, низшая, материальная природа; *см. тж.* **кыркуазь, куркуазь** (2004, с. 61).
чалькуанон *рел.-филос.* временное наслаждение (2004, с. 10).
чальлуись временный, преходящий (2004, с. 61).
чальмугор *рел.-филос.* преходящее, материальное тело (2004, с. 61).

чебертодос эстетика (1994, с. 42).

чебертодосчи эстет (1994, с. 42).

чидан-сйзён *рел.* Епитимья (1994, с. 12); *см.* **чидатскон 3.**

чидатскон 2. аскеза (1994, с. 4); *см. тж* **возьытскон, чидан; 3.** *рел.* Епитимья (1994, с. 12); *см.* **чидан-сйзён.**

чурытмугор *см.* **кырмугор** (2004, с. 62).

ӟошмынон марш (1994, с. 18).

шоканомыр воздух (1994, с. 9).

шонерулйсь *рел.* праведник (1994, с. 26).

шӧдон-валан восприятие (1994, с. 8).

шӧдон-мылкыд эмоция (1994, с. 42).

шӧдскон *см.* **азьмалпан** гипотеза (1994, с. 10).

шӧдскытон: шӧдскытон веран, котыръяса веран намёк (1994, с. 20).

шӧдскытыны намекать (1994, с. 20).

шудбурсётйсь благодатный || благодетель (1994, с. 6).

шудвордйсь, шудваись приносящий счастье (2004, с. 62).

шундыемыш фрукты (2004, с. 6).

шыпыт-небыт комфортный (1994, с. 16).

ысйанэт почта; Интернет; любая система, устройство обмена информации (2004, с. 63).

ыстонни почта (1994, с. 26).

ыстонпус I обратный адрес (2004, с. 63).

ыстонпус II ссылка; *см. тж* **чӧлсконпус** (2004, с. 63).

эксэйкуа *см. тж.* **узыркуа** дворец (1994, с. 10).

электронпочта электронная почта (2004).

эль II община; *см. тж.* **дэменлык, эштос** (1994, с. 22).

эльвалтос правительство; *см. тж.* **кивалтос, кунвалтос, мервалтос** (1994, с. 26).

эльвалтос-ужась государственный, правительственный чиновник (1994, с. 10).

эльвалтйсь правитель (1994, с. 26).

эльвозёс государство; *см. тж.* **кун, эль** (1994, с. 10).

эльчи гражданин; *см. тж.* **улосчи** (1994, с. 10).

эрик свобода, воля; независимость (1994, с. 20).

эркепи баловень, **улонлэн эркепиез** баловень судьбы (1994, с. 5).

эскерись-тодосчи эмпирик (1994, с. 42).

эскеронни лаборатория (1994, с. 17).

эскерчи эмпирик (1994, с. 42).

эсэпет, эсэпвозет 1. моральный кодекс; **2.** законы, правила гармоничной, сбалансированной, здоровой, счастливой жизни (2004, с. 63).

эсэпсӧрись 1. аморальный; **2.** нарушающий гармонию, равновесие (2004, с. 36).

эштос 2. община, духовный орден (1994, с. 3, 22).

юанберыктон *см. тж.* **валэктон.**

югдуратэм обусловленный (2004).

югытдунне 1. мир (в самом широком смысле); Вселенная (пространство); **2.** измерение; *см.* **кырдунне** (2004, с. 64).

яланбудйсь постоянно возрастающий (качество духовного наслаждения) (2004, с. 26).

яланвыльмись вечнообновляющийся (2004, с. 26).

ямкарыны, ямъяны регулировать; приводить в порядок, в стройную систему; *ср* **эмйаны** (2004, с.).

янтырдунне технократическая цивилизация (2004, с. 65).

СОКРАЩЕНИЯ

мифол. – мифологический
рел. – религиозный
рел.-мифол. – религиозно-мифологический
рел.-филос. – религиозно-философский
физ. – физический
филос. – философский

Tatyana Dushenkova

NEW WORDS (NEOLOGISMS) IN P.LEBEDEV'S WORKS

The article describes new vocabulary used in the Sanscrit translation by P. Lebedev. The article has a focus on correspondence between P. Lebedev and K.I. Kulikov, revealing the difficulties in translating of religious and philosophical terminology. Particular attention is paid to the lexical and word-building aspects of the work. The supplement contains a list of words, connected with religious-philosophical subjects.

«Финно-угроведение», 2011, № 2

Ранус Садиков
Уфа

ОБ ОДНОМ ЭПИЗОДЕ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЯЩЕННИКА И ЭТНОГРАФА Н.Н. БЛИНОВА

Блинов Николай Николаевич (1839–1917) – священник, этнограф, краевед, писатель, педагог, общественный деятель. Родился 7 октября 1839 г. в с. Лекомское Слободского уезда Вятской губернии. После окончания в 1860 г. Вятской духовной семинарии служил священником церкви с. Карсовай Глазовского уезда Вятской губернии. С 1875 г. являлся вольнослушателем юридического факультета Санкт-Петербургского университета. За светскую активность и связи с либеральными издателями и писателями в 1878 г. распоряжением Синода был возвращен в Вятскую губернию, где стал заштатным иереем Воскресенского собора г. Сарапул. В 1895 г. переведен из Сарапула в с. Бемыж. В 1906 г. вернулся в Сарапул (1, с. 202).

Священник Н.Н. Блинов являлся одним из активных и плодотворных исследователей Вятской губернии. За серию работ, посвященных этнографии и фольклору удмуртов и коми-пермяков, в 1863 г. он был избран действительным членом Вятского, в 1877 г. – почетным членом Нижегородского губернских статистических комитетов, в 1878 г. – действительным членом Императорского Русского географического общества (2).

С организацией в 1867 г. Вятского губернского земства, Н.Н. Блинов содействовал становлению в крае статистики. Специализировался на медицинской статистике и демографии. Также он являлся попечителем Сарапульской публичной библиотеки, одним из организаторов земского музея и Общества изучения Прикамского края (1, с. 202).

Перу священника и общественного деятеля принадлежит множество научных и литературных произведений, учебных пособий. Одной из его известных работ является книга «Языческий культ вотяков», изданная в Вятке в 1898 г. Книга увидела свет почти сразу после завершения т.н. «Мултанского дела», когда в 90-х гг. XIX столетия была обвинена в человеческом жертвоприношении группа удмуртов с. Старый Мултан Малмыжского уезда Вятской губернии. Благодаря вмешательству писателя и журналиста Владимира Короленко и других представителей прогрессивной общественности обвинение с удмуртов было снято. В своей же книге автор доказывал, что человеческие жертвоприношения среди удмуртов все же существуют (3, с. 16). Более того, священник считал «целесообразным признать виновными

мултанцев и вообще удмуртов в ритуальных убийствах, если они таковыми и не являются, будто бы для их же блага: тогда, дескать, появится возможность требовать, чтобы в удмуртских деревнях строили больше церквей и школ» (3, с. 16).

Исследуя этнографию удмуртов, Николай Блинов, будучи православным священником, добивался цели «ускорить время полного торжества христианства над вотским язычеством» (4, с. 103). Данная позиция не всегда позволяла ему, как исследователю, объективно подходить к изучаемому предмету.

В этой работе мы коснемся лишь одного неизвестного эпизода многогранной деятельности священника Николая Блинова, на который проливают свет документы из фонда «Оренбургского Магометанского духовного собрания» (Ф. и-295) Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Они дают яркое представление о межконфессиональной ситуации в Российской империи 80-х гг. XIX в. и в косвенной форме демонстрируют противоборство государственной религии – православия, и исповедуемого тюркским населением ислама.

Итак, 10 февраля 1881 г. в башкирскую деревню Новый Артаул Осинского уезда Пермской губернии (ныне относится к Янаульскому району Республики Башкортостан) прибыл действительный член Императорского Русского географического общества, священник г. Сарапул Николай Николаевич Блинов. Целью его посещения башкирской деревни был сбор статистических сведений о хозяйстве башкир. Работа выполнялась по просьбе Осинской уездной земской управы. В волостной центр, д. Новый Артаул, были приглашены башкиры из деревень волости, «сведущие … по ведению хозяйства» и владевшие русским языком. Между башкирами волости распространился слух, что русский священник приехал к ним «не с добрым делом», что явилось причиной проявления к нему враждебного отношения. Собравшиеся башкиры высказывались, что «Русский поп верно приехал нас крестить, поэтому и собирает изподтишка разные сведения». Башкиры отказались дать какие-либо сведения, более того они заперли его в земской квартире и потребовали показать все бумаги, собранные священником в Осинском уезде. «Блинов невольным образом должен был показать и прочитать башкирам все бумаги и сведения, которые имелись у него и были собраны во время поездок по 22 волостям Осинского уезда» (5). Таким образом, исследователь Н. Блинов, в лице которого башкиры видели только представителя православной церкви, который представлял угрозу их религии, уехал не получив от них никаких сведений. Ниже приводим тексты документов, освещающих этот инцидент: «Донесение Ново-Артауловского волостного правления Осинского уезда Пермской губернии в Оренбургское Магометанское духовное собрание» от 11 февраля 1881 г и «Рапорт указного муллы деревни Нового Артаула Ново-Артауловской волости Осинского уезда Пермской губернии Хазиахмата Сиразитдинова в Оренбургское Магометанское духовное собрание» от 14 февраля 1881 г.

1. «Донесение Ново-Артауловского волостного правления Осинского уезда Пермской губернии в Оренбургское Магометанское духовное собрание» 11 февраля 1881 г.

« В Оренбургское Магометанское Духовное Собрание.

10-го числа сего февраля месяца в деревню Новый Артаул здешней волости, изволил прибыть Действительный член Императорского Русского Географического общества, священник г. Сарапула Вятской губернии отец Николай Николаевич Блинов для извлечения на месте по поручению Осинской Уездной Земской Управы различных географических и статистических данных, посредством распроса лиц из местных жителей близко состоящих к башкирскому хозяйству; при чем о своей самоличности отец Николай Блинов предъявил Волостному старшине подлинное открытое предписание названной Земской Управы, в котором, между прочим, предписывалось Волостному и Сельскому Начальству оказывать Блинову всевозможное законное содействие в его труде по извлечению означенных сведений и исполнять все законные его требования, предъявлять дела, планы и документы, могущие выяснить какой либо вопрос или затруднение; в предупреждение чего, 27 мая минувшего 1880 года, Земская Управа и дала знать циркулярно Волостным Правлениям. Вследствие чего, по просьбе отца Николая Блинова в тот же день было сделано распоряжение о вызове из селений волости в д. Новый Артаул сведущих и специальных по ведению хозяйства башкир, обладающих при том знанием русского языка, по два и по одному челов[еку] из каждого селения. Собравшиеся башкиры, видя, что к ним приехал православный священник, упорно отказались от дачи каких либо разъяснений, а между тем сего числа распространился в башкирах слух, что приехал к ним Русский священник не с добрым делом и затем проявилось в них довольно явное враждебное настроение к Блинову, который поэтому и не имел никакой возможности выполнить как следует своей задачи, не смотря // на то, что им, весьма толково, внятно и разумно была объяснена собравшимся башкирам добрая и полезная для [них] цель своей поездки. Они, будучи настроенные против Блинова, во враждебном тоне, более влиятельными башкирами не только не помешали начать ему какие либо словесные объяснения, но не хотели ни чему верить и в своем неистовстве намеревались представить Блинова к своему магометанскому духовенству в Уфу и в Оренбург и отобрать от него в земской квартире все собранные им здесь сведения; этого не успели лишь благодаря энергичной защите Волостного Старшины, разъяснившего башкирам о их заблуждении. Затем башкиры при своем враждебном взгляде на полезную цель поездки отца Николая Блинова, выражались приблизительно так: «Русский поп верно приехал нас крестить, поэтому и собирает изподтишка разные сведения». Затем башкиры дошли даже до того, что когда священнику Блинову были поданы [...] заперли двери земской квартиры, намереваясь не выпускать его из комнаты квартиры, впредь до того времени, когда явятся муллы, а потом когда вышел Блинов к повозке, заперли и ворота. Кроме того башкиры позволили себе такой поступок, который выходит из ряда обыкновенных – именно потребовали от Блинова все собранные им сведения и бумаги для пересмотра и Блинов невольным образом должен был показать и прочитать башкирам все бумаги и сведения, которые имелись у него и были собраны во время поездок по 22 волостям Осинского уезда. Как на главного виновника

возмущения башкир и распространения в них ложных слухов, последствием чего и было это грустное событие, можно указать, в числе многих других, и на указного муллу деревни Нового Артаула Хазиахмата Сиразитдинова, явившегося в земскую квартиру уже после отъезда священника Блинова и крайне сожалеющего о том, зачем отпустили священника; при чем ругал за это старшину и башкир.

По поводу этого обстоятельства, Волостным Старшиной Ганиуллиным при посторонних людях составлен акт и представлен по принадлежности Господину Судебному Следователю 4 уч[астка] Осинского уезда, о чем также доведено до сведения Г.г. товарищей прокурора, пристава 2 стана и мирового посредника 3 уч[астка] Осинского уезда.

Имея ввиду, что указной мулла Сиразит // динов по своему званию и положению есть такое лицо, которое по правилам магометанской ре[лигии] должно не только расстраивать своих единове[рцев] но вразумлять им все те дурные стороны, которых они должны воздерживаться, как и в приведенном случае, должен был сам лично [способ]ствовать православному священнику в его труде и внушить башкирам его полезную цель поездки и своими действиями удержать их от изложенных грубых притеснений, учиненных Блинову и других враждебных деяний башкир.

Ново-Артауловское Волостное правление имеет честь сообщить о сем Магометанскому Духовному Собранию, дабы оно внушило мулле Сиразитдинову воздерживаться на будущее время от подобного образа его неблаговидных действий по отношению к православному священнику, а между тем по поводу этого не признает ли Собрание возможным поставить мулле на вид его деяния, помрачившие честь и звание указного муллы.

Волостной старшина *Ганиуллин* приложил печать.

Волостной писарь *Иван Седунов*».

«Печать волостного старшины Новоартауловского волост. Правления. Осин. уезд».

ЦГИА РБ. Ф. и-295. Оп. 11. Д. 253. Без пагинации.

2. «Рапорт указного муллы деревни Нового Артаула Ново-Артауловской волости Осинского уезда Пермской губернии Хазиахмата Сиразитдинова в Оренбургское Магометанское духовное собрание» 14 февраля 1881 г.

«В Оренбургское Магометанское Духовное Собрание указного муллы Пермской губернии Осинского уезда Ново-артауловской волости деревни Нового Артаула Хазиахмата Сиразитдинова рапорт.

Ново-артауловский Волостной Старшина составил акт в 11 числа сего февраля месяца по поводу посещения нашей деревни для неизвестной мне цели священником города Сарапула Вятской губернии Николаем Блиновым и происшедшего вследствие этого недоразумения между башкирами, выразившегося во враждебных будто бы действиях башкир, направленных против Блинова, без явного нанесения впрочем какого либо насилия или оскорбления Блинову словами или действием: в означенном акте, как мне стало известным, между другими лицами значусь и я, как будто подстрекатель башкир в неуважении и противодействии православному свя-

щеннику. Такое сопоставление факта по отношению ко мне не выдерживает решительно никакой критики и безошибочно можно сказать – едва ли даже и сможет считаться заслуживающим какого либо оправдания, потому что не только оказать священнику Блинову какое либо неуважение, но даже я и в лицо // его не видал, по этому было бы неуместным думать о каких либо противодействиях с моей стороны против священника Блинова. Я действительно узнал, что башкиры деревни Ново-Артаула по неизвестности о цели посещения Блинова этой деревни тревожно ожидали объяснения причины его поездки и не получили желаемого; по этому весьма естественно, не будучи предуведомлены заранее властями они может быть в порыве своих религиозных чувств и требовали от священника на лицо всего того. Что им было сделано в деревне и извлечено из книг правления, которые он тогда же брал на выдержку; но все это простое любопытство, без особенного вреда для Блинова сделанное, – не составляет еще никакого признака, не только преступления, но и неуважения к священническому сану, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что Блинов во 1-ых не принадлежит к Осинскому уезду и что в этом последнем есть такие, наверно, люди, которые могли бы его заменить, в особенности в составе земства и во 2-х что если бы башкирцы были предуведомлены властями заранее о цели посещения Блинова то и остались бы совершенно спокойными по отношению к его труду и тогда тревожные их движения и мысли разсеялись бы // сами собою. Когда я узнал на другой день [о цели] приезда Блинова в Артаул, о враждебном движении башкир, то действительно по обязанности муллы пришел на земскую квартиру, что бы вразумить башкирцам их неправильное толкование о цели поездки Блинова по уезду, и удержать, если надобно от каких бы то ни было притязаний на законный и полезный труд Блинова, но его уже не застал; он уехал в село Ошью, и таким образом вмешательство мое не потребовалось и я спокойно возвратился домой, сожалея конечно, что не мог лично переговорить с священником и успокоить башкир-магометан, и что в этом моем приходе на земскую квартиру не было цели враждебной, а лишь было единственное желание успокоить и себя и башкир и обезопасить священника. На другой день после отъезда священника, т.е. 12 февраля, меня позвали в правление, что я ни с того ни с сего должен был еще прослушать неприятную для меня монологию приблизительно заключающуюся в том, что всему изложенному в акте, являюсь будто виновником я, и писарь Седунов, чтобы унизить мое достоинство еще позволил себе сказать, что «Какой плохой мулла, такой плохой и его приход» (т.е. прихожане). Это было при Мухамет-Карим // Сулейманове и Габдулле Хаибуллине.

О вышеизложенном имею честь донести Оренбургскому Магометанскому Духовному Собранию и доложить, что в то время я ни старшину, ни башкир за то, что они отпустили священника вовсе не ругал. Это докажется, что когда в правлении писарь Седунов спросил меня, зачем я ругал старшину, который был тут же, последний против этого ничего не сказал, следовательно не считал себя обиженным. [Подпись на арабской графике]. 14 февраля 1881 г.».

ЦГИА РБ. Ф. и-295. Оп. 11. Д. 253. Без пагинации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Шумилов Е.Ф.* Блинов Николай Николаевич // Удмуртская Республика. Энциклопедия. – Ижевск: Удмуртия, 2000.

2. *Волкова Л.Н.* Н. Блинов – просветитель и краевед [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// www.udmurt.info/library/volkova/blinov.htm.

3. *Ванюшев В.М.* Мултанское дело: история и современный взгляд // Мултанское дело: история и современный взгляд. Материалы научно-практической конференции. – Ижевск, 2000.

4. *Блинов Н.Н.* Языческий культ вотяков. – Вятка, 1898.

5. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. и-295. Оп.11. Д.253. Без пагинации.

Ranus Sadikov

ABOUT ONE EPISODE OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE PRIEST AND ETHNOGRAPHER N.N. BLINOV

Priest N.N. Blinov (1839–1917) was one of the active researchers of Vyatskiy province. For a series of the works devoted to ethnography and folklore of Udmurts and komi-permyaks in 1978, he has become the full member of the Imperial Russian geographical society. In the review one known episode from his many-sided activity to which archival documents of the Central state historical archive of Republic Bashkortostan testify is considered. They give bright representation and interconfessional situation in Russian empire of 80th of XX century.

«Финно-угроведение», 2011, № 2

Анастасия Малева
Сыктывкар

СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ КОМИ: ПЕРЕЖИВАНИЕ ЛЮБВИ

Переживание любви составляет одну из сторон отношений лирической героини с миром: преломляясь в женском художественном мышлении, отношения «героиня – мужчина» позволяют охарактеризовать своеобразие женского мирочувствования на рубеже XX–XXI веков. Отношения «героиня и мужчина» сосредоточены в тематическом цикле коми женской лирики о любви и семейном счастье, любимом и нелюбимом человеке, в размышлениях лирической героини о качествах современного мужчины.

По мнению Э. Фромма, любовь – одна из форм единения с окружающим миром, в основе которого лежит попытка преодоления человеком ощущения «собственного одиночества и отделенности, собственной беспомощности перед силами природы и общества» (1, с. 8, 14). Героиня современной поэзии коми выражает не только острую потребность в общении, поддержке и утешении (Л. Втюрнина «Бур ань» – «Хорошая женщина»), но и необходимость ощущать себя желанной, любимой и необходимой, находиться в единстве с объектом любви: «Одним из главных, а по существу единственным способом преодолеть…чувство экзистенциального одиночества является Любовь к Другому. Она выражается в стремлении как-то идентифицировать себя с Другим и слиться с предметом своей Любви» (2, с. 24). Стихотворения отражают женскую мечту о семейном союзе с любимым человеком, символически выраженным героиней Н. Обрезковой в образе звездного дома на небе («Аддзысьӧны нывбаба да мужичӧй…» – «Встречаются женщина и мужчина…», 2001).

«Нелегко мне быть твоею без тебя» (Н. Павлова «Абу кокни тэтӧг тэнадӧн мен лоны…», 2006) – фраза, достаточно полно характеризующая современную женскую коми поэзию о любви. Нечто подобное мы наблюдаем и в родственной удмуртской литературе: «Мотив разлуки, ухода, одиночества – один из главенствующих в любовной лирике удмуртских поэтесс» (3, с. 41). Трагизм чувства лирической героини заключен в безответности ее любви (Ан. Шомысова «Эска» – «Верю», 2006), но даже в разлуке она боготворит возлюбленного и бережно, трепетно относится к воспоминаниям о нем. «Как правило, поэтессы обращаются к изображению несчастной любви, благодаря чему верно и тонко передают внутренний мир

человека и психологическое состояние смятенной и страждущей души. Неразделенная любовь в женской поэзии существует как древний постулат, который воспринимается как неизбежность, требующая жертв(4, с. 19).

Героиня современной лирики коми непредсказуема, изменчива в ощущениях: гордая и сильная, готовая изменить мир вокруг себя сегодня, завтра она погибает в муках любви и лишена сил бороться с собственной любовью – такова особенность, сила и одновременно слабость женской души. Холодность и неприступность героини, когда ее окружают нелюбимые поклонники, трансформируются в особенное, сакральное отношение к человеку, сумевшему растопить ее холодное сердце и подарить, как правило, кратковременные, но незабвенные мгновения счастья («но ӧткалунысь сьӧлӧм йи кодь кын» – «но от одиночества сердце, словно лед, холодное» Ан. Шомысова «Эска» – «Верю», 2006; «сыліс тэнад сывйын кынмӧм дой» – «растаяла в твоих объятиях застывшая боль» Ан. Шомысова «Зарава кодь муслунӧн тэ юктӧдін…» – «Напоил любовью подобной березовому соку…», 2006).

Чувство лирической героини поэзии коми характеризуется особой жертвенностью, ненавязчивостью («позьӧ кӧ, тэнӧ ме казьтывны кута» – «если можно, тебя я буду вспоминать» Н. Обрезкова «Позьӧ кӧ…» – «Если можно…», 2003) и полным переключением от собственного «я» на объект любви: она оправдывает, прощает недостатки любимого человека (А. Мальцева «Мем эськӧ уна оз и ков…» – «А мне многого не нужно…», 2006; «Ӧшинь сайын арся пуж…» – «За окном осенний иней…», 2006), его непонимание и некоторое равнодушие к ее душевной, вызванной ссорами и недомолвками, боли (Ан. Шомысова «Эн гӧгӧрво…» – «Не понимаешь…», 2006); исключает существование равного ему (А. Мальцева «Тэ менӧ дорйыны он мӧд…» – «Ты защищать меня не станешь…», 2006); просит прощение за душевную слабость в нежелании и невозможности забыть ситуацию (Ан. Шомысова «Шондіыс енэжӧ кырымпас колис…» – «Солнце оставило в небе автограф…», 2006) и обращается к бескорыстной молитве за счастье возлюбленного (Ан. Шомысова «Кевмӧм» – «Молитва», 2005; Н. Обрезкова «Лӧня ме тэ йлысь кевмыся…» – «Тихо я о тебе молюсь…», 2001). Молитва, по мнению литературоведа А. Измайловой-Зуевой, – проявление заклинательного характера женской лирики о любви, которая выражает потребность героини в психологической помощи окружающего мира (4, с. 20–21). Однако, если в удмуртской женской лирике героиня, как правило, отдает предпочтение мистической магии колдовства, то героиня лирики коми – молитве, обращенной к светлым, добрым природным и небесным силам.

В учении В. Соловьева о любви преодоление эгоизма, умение абстрагироваться от себя и признавать ценность и достоинство личности другого является ее смыслом: «Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое…» (5, с. 284). Преодоление лирической героиней современной поэзии коми эгоистических устремлений выражено также и в ее умении признавать за объектом любви право выбирать средства получения счастья:

Медым тэнӧ кодкӧ сывдас,
Ме кӧ сывдыны эг верны.
...Мед кӧ мӧдлы сьӧлӧм вӧзьян,
Менӧ кӧ эн шонты бердад.

(А. Мальцева «Медым тэнӧ кодкӧ сывдас...», 2006)

Пусть оттаешь ты с другою,
Раз тебя растопить я не смогла.
...Пусть другой ты сердце в дар отдашь,
Раз не грел меня ты рядышком с собой.

(А. Мальцева «Пусть оттаешь ты с другою...». – Здесь и далее перевод подстрочный автора)

Женской удмуртской лирике также свойственна «...способность души лирической героини к преодолению собственной любви-боли, любви-несчастья, одиночества ради счастья любимого человека» (3, с. 43).

В современной женской поэзии коми былая счастливая любовь находит символическое выражение в образе покинутого и безжизненного дома (Н. Обрезкова «Радейтчӧмлӧн керка» – «Дом любви», 2003; Ан. Шомысова «Восьса ӧдзӧсъяс...-Некодлы ковтӧмӧсь...» – «Распахнутые двери...Никому не нужные...», 2006), а образ любимого человека лишен детальной портретной характеристики, но сформирован эмоциями героини, ее к нему отношением. Как правило, это длительное чувство бескорыстной, невысказанной и обреченной на длительное одиночество любви (Ан. Шомысова «Тэ сӧмын лок...» – «Ты лишь приди...», 2006). Отношение к возлюбленному в коми лирике, в частности, в поэзии Ан. Шомысовой, всегда полно любования, идеализации и поэтизации, каждая минута присутствия любимого человека ожидаема, ценна и боготворима лирической героиней (Ан. Шомысова «Тэкӧд орччӧн» – «Рядом с тобой», 2006). В глазах героини любимый человек вызывает ассоциации с беззащитным ребенком, а потому ей свойственны не только боязнь нарушить его сон, потревожить личными проблемами (Ан. Шомысова «Эн гӧгӧрво...» – «Не понимаешь...», 2006), но и желание оберегать от жизненных невзгод (Н. Павлова «Абу кокни тэтӧг тэнадӧн мен лоны...» – «Нелегко мне быть твоею без тебя...», 2006), быть покровом, оберегом в готовности каждый раз принять, выслушать и поддержать (Н. Обрезкова «Ме коли талун биӧн ассьым ӧшинь...» – «Сегодня я не погасила свет в своем окне...», 2001; Ан. Шомысова «Лӧнь» – «Тишина», 2006). Подобное наблюдается и в удмуртской женской лирике, в частности, в поэзии Т. Черновой: «Образ же возлюбленного в ее стихах представляется несколько слабым, нуждающимся в опоре и защите» (6, с. 6).

О чувствах лирической героини мы узнаем, как правило, не из непосредственных излияний, а судим о них, исходя из ее поступков. Так, не свыкнувшись с расставанием, героиня Ан. Шомысовой неосознанно накрывает стол на двоих («Эг чайт» – «И не подумала», 2006); героиню Н. Обрезковой чувство любви заставляет и долгие годы спустя просыпаться среди ночи с бьющимся сердцем («Кор миян дорысь мунӧ медводдза любов...» – «Когда от нас уходит первая любовь», 2007), а боль расставания периодически выплескивается в крике отчаяния и мольбы («Кылан...» – «Слышишь...», 2001; «Енмӧй, отсав меным сійӧс вунӧдны!..» – «Господи, помоги мне его забыть!..», 2003; «Менам сьӧлӧмын йитчӧма куим пӧлӧс дой...» – «В моем сердце слились три вида боли», 2003). «Любовь лирической героини – это вечное неутоленное ожидание, мольба, крик души, надрыв, страх потери любимого», –

пишет исследователь удмуртской литературы В.Г. Пантелеева (3, с. 43). Думается, совершенно справедливо «способность лирической героини к глубокому переживанию любовного чувства» литературовед Е.В. Изусина определяет как отличительную черту женской поэзии (7, с. 9).

Лирическая героиня современной коми поэзии испытывает навязчивую потребность в поиске причины расставания, а также в анализе чувств к человеку, с которым давно связывают лишь дружеские отношения. Так, прочные на вид отношения героини Н. Обрезковой с мужчиной были разрушены словом («Крепыдӧн кажитчис шӧртыс…» – «Прочной казалась нить…», 2007). Героине Ан. Шомысовой разлука не причинила сильную, не заживающую годами душевную травму, как героине Н. Обрезковой, но привела к недоумению в силу своей неожиданности. Для нее жизненно важным становится постижение внутреннего мира любимого человека, причины ссор, недомолвок и расставания («Коді мыжа? Вуні, вуні, вуні…» – «Кто виноват? Забыла, забыла, забыла…» Ан. Шомысова «Гӧгӧрвотӧмтор» – «Загадка», 2006), что приводит к частому мысленному воспроизведению ситуации разлуки и формирует ощущение тупика, замкнутого цикла в своей повторяемости и безрезультатности («Лӧнь» – «Тишина», 2006; «Эска» – «Верю», 2006).

Ме тэнӧ радейта…
А, колӧкӧ, и ог?
Но мыйла век жӧ тэтӧг сьӧлӧм висьӧ?..

(Ан. Шомысова «Мӧвпъяс», 2006)

Я люблю тебя...
А, может быть, и нет?
Но отчего же без тебя болит так сердце?..

(Ан. Шомысова «Раздумья», 2006)

Героиню А. Мальцевой терзают предположения о существовании в ее душе, скорее, наваждения, нежели самой любви («Ме, гашкӧ, радейтны ог куж…» – «Быть может, не умею я любить…», 2006). Невозможность уберечь яркую, запоминающуюся любовь («Ю сайын» – «За рекой», 1997; «Коркӧ» – «Когда-то», 1997; «Тэнад синъясыд – бипур, коді ньӧжйӧник ваймӧ…» – «Глаза твои – костер, что тихонько гаснет…», 1997) томит героиню А. Ельцовой ощущением свершенной ошибки, осознанием нежелания или неумения сделать первый шаг и сохранить рассыпавшееся на глазах счастье.

Любовь героини современной лирики коми, как правило, одурманивающая. Героиня словно приворожена («Напоил любовью со вкусом березового сока…Совсем захмелела от ее сладкого вкуса» Ан. Шомысова «Зарава кодь муслунӧн тэ юктӧдін…», 2006), а потому часто чувство носит разрушительный характер в отношении ее самой: стирает краски жизни, сковывает и затмевает жизненные устремления (образ заледенелых в объятиях любимого человека крыльев), приводит к унынию и бездействию (А. Мальцева «Тэа-меа костын…» – «Между мной и тобой…», 2006), лишает смысла жизни и надежды на избавление от чувства (Н. Обрезкова «Гусьӧн-гусьӧн…», 2007) и даже вызывает в будущем недоверие к любви (А. Мальцева «Воис гожӧм. Йӧрын…» – «Наступило лето. В огороде…», 2006; «Эн мойд тэ меным, эн мойд…» – «Не рассказывай мне сказки, не рассказывай…», 2006; «Тӧлыс воис куим лунӧн…» – «В три дня пришла зима…», 2006).

Единственным желанием героини становится обратить утраченное вспять. Так, всепоглощающая любовь героини Ан. Шомысовой («Тэ сӧмын лок…» – «Ты лишь приди…», 2006) занимает каждую минуту жизни, каждую частичку ее души и тела. Как отмечено Н.А. Бердяевым: «Женщина гораздо более отдается одному, тому, что сейчас ею обладает, одному переживанию, вытесняющему всю остальную жизнь, весь мир…Женщина отдается исключительно и безраздельно радости любви или страданию от несчастья…всю себя в это одно вкладывает. Личность женщины вечно подвержена опасности…жертвенного заклания себя во имя этого переживания» (8, с. 439). Неприятие героиней ситуации расставания («Тэнад мунӧмыд вӧт» – «Твой уход – сон» Ан. Шомысова «Сотчӧм туруныс сьӧд…» – «Сожженная трава – черная», 2006) приводит не только к развитию и углублению темы разрыва отношений, вызывающей новые и новые ассоциации (образ сожженной травы и безжизненного покинутого дома), но и к моделированию ситуации единства («Кык юрлӧс пукті…» – «Положила две подушки…», 2006).

Мыйла кисьті унджык тшай –
Эг и мӧвпав ме.
Гашкӧ, сорси да эг чайт,
Мыйла мунін тэ.

(Ан. Шомысова «Эг чайт», 2006)

Почему налила больше чая –
Не задумалась.
Наверное, запуталась и не подумала,
Что ушел ты.

(Ан. Шомысова «И не подумала», 2006)

Отношение к любви героини обусловлено своеобразием женского характера: героиня не только выражает душевную потребность во внимании к себе со стороны любимого человека («тувсов шуда видзӧдласӧн садьмӧдін» – «разбудил счастливым весенним взглядом», «…шуин мелі кыв» – «…произнес ласковое слово», «мелі шыа сьыланкывйӧн ланьтӧдін» – «усыплял нежною песнею», «сыліс тэнад сывйын кынмӧм дой» – «растаяла в твоих объятиях застывшая боль» Ан. Шомысова «Зарава кодь муслунӧн тэ юктӧдін…», 2006), но и сакрализует их отношения: ценность и значимость их не только велики для нее даже много лет спустя, но и несопоставимы с другими отношениями.

Да казьтышт ставсӧ,
Мый мыян волі.
Да тӧд, мый оні
Ме век на тэнад…
…Кӧть он нин сэсся тэ волы бӧрсӧ,
Тэ век на менам…

(А. Мальцева «Кор кутас зэрны…», 2006)

И вспомни все,
Что с нами было.
И знай, что и поныне
Я все еще твоя…
…Хоть не вернешься ты обратно,
Ты все же мой…

(А. Мальцева «Когда начнет дождить…», 2006)

Переживание героиней душевной боли двойственно: ей свойственно не только прокручивать в сознании ситуации прошлого, анализировать их, сожалеть и мысленно переделывать, изменять, договаривать недоговоренное, искать причину разрыва отношений, но и избегать воспоминаний, не тревожить в глубине души застывшую, вызванную расставанием боль (А. Мальцева «Гылалӧны коръяс» – «Опадают листья», 2006). Так, героиню Л. Втюрниной отличает нежелание обна-

жать свое одиночество в любви, о котором мы узнаем в большей степени косвенно: по ее тоске по девичеству и обманутым надеждам в личной семейной жизни («Ӧшинь дорын» – «У окна», 2006); в нежелании раскрывать облик мужа и свое отношение к нему; в нежелании после долгого рабочего дня возвращаться домой («Тарыт» – «В этот вечер», 2006); и даже в ожидании ею «своего» мужчины («Коні тэ, менам мусаник морт…» – «Где же ты, любимый мой человек…», 2006; «Муслун» – «Любовь», 2006).

Испытав ситуацию утраты семейного счастья («Ӧти пиӧс чужтылі. Ӧтикос и быдтылі…» – «Одного сына родила. Одного и вырастила…», 2006; Гашкӧ шогыс кыскис ӧта-мӧдлань…» – «Наверное, тоска сблизила нас…», 2006), переживая неразделенность в любви («Абу кокни тэтӧг тэнадӧн мен лоны…» – «Нелегко мне быть твоею без тебя…», 2006) и наблюдая за счастьем любимого человека со стороны («Тэ – шуда, сійӧ – шуда…» – «Счастлив ты и счастлива она…», 2006), героиня Н. Павловой не драматизирует ощущения: ее поэзия о любви лишена глубокого трагизма и сильного душевного страдания, она вызывает ощущение легкой ненавязчивой печали, мягкого сожаления и любование чистотой помыслов героини:

Нель тӧв вылын шогтӧ тӧлӧда, мед сылӧ,
Ӧберег тэн кыа мелі коми кылӧн.
...Лэбзя тэлань, сьыланъясӧн лолад пыра,
Веськодь, кутшӧм инӧ, веськодь, кутшӧм кадӧ,
Му вылын кӧ – му вылӧ, дерт, рай кӧть адӧ.

(Н. Павлова «Абу кокни тэтӧг тэнадӧн мен лоны…», 2006)

На четырех ветрах печаль твою унесу, пусть исчезнет,
Оберег тебе сплету ласковым коми словом.
…Полечу к тебе, песнями в душу твою войду,
Все равно, где, все равно, когда,
На земле – так на земле, хоть в рай, хоть в ад.

(Н. Павлова «Нелегко мне быть твоею без тебя…», 2006)

Для лирической героини А. Мальцевой также характерна тенденция к преодолению слабости и обретению независимости от чувства любви. Острое ощущение одиночества, тоска по романтике былых отношений, невысказанность рвущей душу любви («Тэ меным век на муса» – «Ты все еще любим мной», 2006; «Вӧлі нин тэ сэки ыджыд…» – «Был тогда уж ты большой…», 2006; «Окыштны да дзигӧдны эн лысьт…» – «Не смей ни поцеловать, ни обнять…», 2006; «Чужан муӧ воис тулыс…» – «На родине весна пришла…», 2006), смирение перед чувством боли («Ми вӧлім отлаынӧсь кор…» – «Когда мы были вместе…», 2006) преодолеваются особой, характерной лишь для героини А. Мальцевой силой воли и ее нежеланием повторять ошибки прошлого («Кӧдзыд кывйыд оз нин ӧні дойд…» – «Холодное твое слово уже не ранит…», 2006; «Ме кӧсйи шуны тэныд кыв…» – «Хотела я сказать тебе…», 2006; «Ме узи быттьӧ кымын во нин…» – «Спала как будто много лет…», 2006; «Кыдз тэд шуны?» – «Как тебе сказать?», 2006). Преодолев себя, героиня А. Мальцевой единственная указала на недостатки любимого человека,

раскрыв некоторые черты его характера (непостоянство, склонность увлекаться, молчаливость). Несмотря на все любовные терния, в отличие от героини Н. Обрезковой, которая теряет веру в существование идеальной любви («Кöні олö радейтчöм…» – «Где живет любовь…», 2007; «Радейтчömыс бöръяысь…» – «Любовь в последний раз…», 2007), героиня А. Мальцевой именно в этом чувстве обнаруживает смысл жизни:

Мед кöть кутшöм. Сьöлöм коро.
Сытöг ставыс быттьö орö.
Сытöг ставыс руын-тшынын,
Сыын оломыслöн выныс.

(А. Мальцева «Муслун», 2006)

Пусть хоть какая. Сердце просит.
Без нее как будто бы все обрывается.
Без нее все – во мгле-тумане,
В ней – сила жизни.

(А. Мальцева «Любовь», 2006)

Героиней А. Ельцовой утраченное счастье близости с любимым воспринимается философски, рационально. Она воспринимает утрату чувства юношеской любви, связанного с идеализированным восприятием окружающего мира, как закономерность («Мый шулiн тэ…» – «Что говорил мне ты…», 1997), а потому, в отличие от других героинь, она далека от желания возвращать былое.

Таким образом, характер переживания любовного чувства лирической героиней современной лирики коми основывается на христианском учении о любви. Жертвенность и самоотдача, терпение и всепрощение, стремление быть ангелом-хранителем возлюбленного, преодоление эгоизма ради счастья любимого человека, выражаемое в молитвах-обращениях к светлым силам природы и неба, отражают глубину и чистоту принципов ее отношения не только к любимому человеку, но и к миру в целом. Кроме того, в основе отношения лирической героини к возлюбленному лежит двойственность. Несмотря на неумение героини побороть в себе чувство безответной любви (Н. Обрезкова, Ан. Шомысова), которая занимает большую часть ее жизненного пространства и приводит к нарушению гармоничных отношений с миром, любовная лирика современной поэзии коми развивает мысли об освобождении героини от всепоглощающих разрушительных отношений и преодолении пассеизма (Н. Павлова, А. Мальцева, А. Ельцова). В современной коми женской лирике о любви мы наблюдаем замену традиционных женских функций на мужские: над взглядом на мужчину как защитника и покровителя доминирует тенденция к поэтизации, идеализации и боготворению любимого человека. Героине в большей степени свойственны черты материнской любви: возлюбленный вызывает у героини ассоциации с ребенком, а потому для нее свойственно стремление к покровительству и защите его от жизненных невзгод, в том числе и от собственных любовных терзаний и переживаний. Своеобразием женского переживания любви становится сакрализация отношений с любимым человеком; бережное отношение к воспоминаниям; углубленность в анализ любовных переживаний, принимающих со временем цикличный и тупиковый характер. Кроме того, чертой женского переживания любви становится потребность героини в вербальном, чувственном и осязательном опыте (слова, эмоции, прикосновения), чем и объясняется ее равнодушие к детальному и портретированному описанию возлюбленного.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Фромм Ф.* Искусство любви. Исследование природы любви / Перевод с англ. Л.А. Чернышевой. – Минск: ТПЦ «Полифакт», 1990.

2. *Лебедев С.А.* Онтология человека // Человек. 2010. №1.

3. *Пантелеева В.Г.* Инвариантные мотивы в удмуртской женской поэзии // Удмуртская литература XX века: направления и тенденции развития: Учеб. пособие. – Ижевск: УдГУ, 1999.

4. *Измайлова-Зуева А.С.* Любовная магия в удмуртской женской лирике // Италмас. 2010. №1.

5. *Соловьев В.С.* Смысл любви // Мир и эрос: Антология философских текстов о любви / Сост. Р.Г. Подольный. – М.: Политиздат, 1991.

6. *Измайлова-Зуева А.С.* Поэзия женского сердца (Предисловие) // Мир женской души: Стихи. / Л. Кутянова, Т. Чернова, А. Кузнецова, Г. Романова; Пер. с удм.; Составление, предисловие А.С. Зуевой. – Ижевск: Удмуртия, 1992.

7. *Изусина Е.В.* Лирическая героиня в русской лирике XIX века: на материале творчества А.П. Буниной, К.К. Павловой, М.А. Лохвицкой: автореф. дисс. … кандидата филол. наук. – Орел, 2005.

8. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // Философия любви: сб. в 2 ч. Ч.2. Антология любви / Сост. А.А. Ивин. – М.: Политиздат, 1990.

Anastasiya Maleva

MODERN FEMALE KOMI POETRY: LOVE EXPERIENCE

The originality of female perception and feeling experience are revealed on materials of modern komi poetry. Love experience makes one of the parties of relations of the lyrical heroine with the world: deflected in female art thinking, relations «the heroine – the man» allow to characterise an originality female world sensation on a boundary of the XX–XXI centuries. The love theme is considered by means of the analysis of relations of the lyrical heroine and the man. Relations «the heroine and the man» are concentrated in a thematic cycle of komi female lyrics about love and the family happiness, loved and the unloved person, in reflexions of the lyrical heroine about qualities of modern man. In article specificity of formation of an image of the loved person, and also some features of expression of feelings of the lyrical heroine is revealed.

ПЕРСОНАЛИИ

Валерий Максимов
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ О.А. СЕРГЕЕВА

Исполнилось 50 лет марийскому ученому-лингвисту Олегу Арсентьевичу Сергееву, кандидату филологических наук, доценту, зарубежному члену финно-угорского общества (Хельсинки), председателю Марийского регионального комитета финно-угроведов, члену Всероссийского комитета финно-угроведов, члену Международного комитета финно-угроведов, члену Международного исполнительного комитета финно-угроведов, члену Международного оргкомитета симпозиума «Языковые контакты Поволжья» (Турку), члену Комиссии по государственным языкам РМЭ при Правительстве РМЭ, члену Комиссии по присуждению Государственной премии РМЭ, автору и ведущему радиопередачи «Ныжыл шочмо йылме» (с 2010 г.), лауреату республиканского журнала «Ончыко» (2007), участнику конкурса «Книга года» (2010).

Родился О.А. Сергеев 9 сентября 1961 г. в деревне Малый Кулеял Моркинского района Марийской АССР. После окончания Азъяльской средней школы в 1978–1983 гг. учился на отделении марийской филологии историко-филологического факультета Марийского государственного университета. В 1983 г. начал трудовую деятельность учителем родного языка и литературы в Азъяльской школе Моркинского района МАССР. В 1986–1989 гг. учился в очной целевой аспирантуре при Тартуском университете Эстонии. Ему повезло с научной школой. Его наставником был всемирно известный финно-угровед, академик Академии наук Эстонской ССР, доктор филологических наук, профессор Пауль Аристэ. Эстонская школа оказала значительное влияние на формирование научного мировоззрения будущего ученого. В декабре 1990 г. на заседании Специализированного совета Тартуского

университета он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Рукописные словари марийского языка XVIII–XIX веков». В 1991 г. О.А. Сергееву присвоена ученая степень кандидата филологических наук. В диссертационном исследовании впервые в марийском языкознании многосторонне проанализированы рукописные словари периода возникновения марийской письменности.

В 1989–2010 гг. О.А. Сергеев работал преподавателем Марийского государственного университета: с 1989 г. по 1992 г. – ассистент кафедры марийского языка и литературы, в 1993 г. переведен на должность доцента этой же кафедры, в 1995 г. получил звание доцента по кафедре марийской и финно-угорской филологии, с 2000 г. по 2007 г. – доцент кафедры марийского языка историко-филологического факультета, с 2007 г. по 2010 г. – заведующий кафедрой общего и финно-угорского языкознания Института финно-угроведения. С 1995 г. по 2007 г. был заместителем декана по учебной, воспитательной и научной работе. С октября 2010 г. работает старшим научным сотрудником отдела языка МарНИИЯЛИ.

Во время работы в Марийском государственном университете продолжал изучать памятники письменности марийского языка. По этой проблеме написал и опубликовал ряд работ, в том числе монографии «Рукописные марийские словари: Язык неопубликованных марийских словарей XVIII–XIX вв.» (Йошкар-Ола, 2000), «Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников XVIII–XIX вв.» (Йошкар-Ола, 2002). Занимался вопросами марийского словообразования, в 1995 году издал учебное пособие «Марий йылме. Мут ышталтмаш» («Словообразование марийского языка»). Активно работал также в области лексикографии. Является одним из авторов обратного словаря марийского языка «Reverse Dictionary of Mari (Cheremis)» (Helsinki, 2002), подготовленного и изданного в Финляндии. Подготовил к печати и издал рукописный словарь XVIII века Дамаскина «Из истории отечественной лексикографии. Словарь Черемисского языка с российским переводом» (Йошкар-Ола, 2003). Опубликовал отдельной книгой терминологический словарь «Марий анатомий мутер» («Анатомический словарь марийского языка». Йошкар-Ола, 2004). Немало работ посвятил проблемам лексикологии и стилистики марийского языка. В 2010 г. выпущен его учебник «Стилистика марийского языка», где системное освещение получили вопросы стилистики знаменательных частей речи.

О.А. Сергеев опубликовал около 170 научных работ, в том числе 10 книг – монографий, учебников, учебных пособий и словарей. Участвовал в более 120 научных конференциях, симпозиумах разного уровня, был участником VIII–XI Международных конгрессов финно-угроведов.

Активно занимается редактированием, рецензированием рукописей. Им написано около 40 отзывов на рукописи монографий, учебно-методических пособий и словарей. Является редактором «Словаря марийских говоров Татарстана и Удмуртии» В.И. Вершинина, дополнительного тома «Словаря марийского языка», сборника «Современные проблемы финно-угорских языков и финно-угроведения» (2011).

Тесно сотрудничает с Министерством образования и науки Республики Марий Эл, Марийским институтом образования. Читал лекции по стилистике, истории письменности, лексикологии и словообразованию марийского языка в Марийском институте образования на курсах повышения квалификации учителей. Участвовал в подготовке вопросов и ответов по марийскому языку для районных, республиканских и межрегиональных олимпиад, в разработке контрольных работ по языку для аттестации школ РМЭ, контрольно-измерительных материалов для ЕГЭ. Был членом жюри республиканских и межрегиональных олимпиад по родному языку и литературе, республиканской олимпиады по марийскому языку и литературе в Республике Татарстан. Участвовал в аттестации марийских школ Удмуртской Республики.

По инициативе и под руководством О.А. Сергеева в 2002 г. при кафедре марийского языка Марийского государственного университета открыт курс марийского языка и культуры для иностранцев, который функционирует и в настоящее время.

О.А. Сергеев является участником ряда международных проектов: «Язык и культурные традиции в процессе национальной идентификации у волжско-финских народов (в особенности у марийцев)» (Гамбург, Германия), «Исследования российских народов учеными нерусского происхождения (1800–1855)» (Хельсинки–Лондон), «Дореволюционные книги и рукописные словари марийского языка XVIII – начала XX вв.» (Турку, Финляндия).

В 1994/1995, 1998/1999 учебных годах проходил научную стажировку на кафедрах финно-угорских языков университетов гг. Турку и Уппсала (Швеция). В 1998/1999 гг. преподавал марийский язык в университетах гг. Турку и Хельсинки. С 2000 г. ежегодно ездит в научную командировку в Туркуский университет, где продолжает работу над совместными проектами.

Коллеги и друзья сердечно поздравляют Олега Арсентьевича Сергеева с 50-летием, желают ему крепкого здоровья, большого счастья, новых творческих успехов в многогранной деятельности.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: Ямурзина Л. Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода (на примере восточных мари). – Диссертация на соискание ученой степени доктора философии по специальности этнология. – Tartu. Ülikooli kirjastus, 2011. – 219 с.

29 августа 2011 года в Институте истории и археологии философского факультета Тартуского университета (г. Тарту, Эстония) состоялась защита диссертационной работы «Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода (на примере восточных мари) на соискание ученой степени доктора философии по специальности этнология докторанта Тартуского университета Людмилы Ямурзиной. Исследование было опубликовано в виде монографии, как это принято для защиты диссертаций в Эстонии. Работа написана на весьма актуальную тему. Публикаций, посвященных комплексному анализу региональных особенностей традиционных обрядов жизненного цикла мари, мало, что же касается восточных мари, то специальных исследований по этой теме, тем более монографических работ, фактически нет. Между тем изучение обрядов жизненного цикла имеет важное значение для реконструкции элементов древней культуры, характеристики особенностей народного мировоззрения, выявления механизмов функционирования традиционных обрядов. Подобные исследования не лишены и практической значимости. Для устойчивого развития современного общества и сохранения гуманистических национальных традиций важно иметь четкое представление о происходящих переменах в современной семье и семейных отношениях, понять роль и значение семейных обрядов в реализации основных функций современной семьи, в формировании этнической идентичности, национального характера. С другой стороны, такие исследования имеют большое познавательное значение для современного поколения – нынешних носителей этнической культуры. Молодежь должна понимать и знать глубинный смысл совершаемых ею обрядовых действий, без этого трудно представить развитие этнического самосознания, возрождение национально-культурного наследия народа.

Восточные марийцы – вторая по численности этнографическая группа мари. Она сформировалась в XVI–XIX веках под влиянием тесных этнокультурных контактов переселившихся на восточные земли марийцев с татарами, башкирами, удмуртами, чувашами и мордвой. На сегодняшний день восточные марийцы проживают в республиках Башкортостан (105,8 тыс.), Татарстан (18,7 тыс.), Удмуртской Республике (8,9 тыс.), а также в Свердловской (27,5 тыс.) и на юге Кировской

(3,6 тыс.) областей и в Пермском крае (5,4 тыс.). Большая часть марийской диаспоры проживает в сельской местности, что позволило народу сохранить многие черты традиционной культуры.

Диссертационная работа Л. Ямурзиной написана в основном на основе изучения культурных традиций марийцев, проживающих в Башкортостане и Свердловской области. С жизнью и бытом башкирских мари автор знакома с детства, поэтому при раскрытии темы она нередко опирается на свои детские воспоминания и наблюдения. Большую помощь при написании книги ей оказали собранные в 2005–2010 годах в Башкортостане и Свердловской области собственные полевые этнографические материалы.

Выполненная исследовательская работа Л. Ямурзиной отличается научной новизной и опирается на стройную методологическую основу. Новизна исследования заключается прежде всего в применении современных, получивших признание в науке, теоретических разработок и методологических подходов. Семейные обряды жизненного цикла Л. Ямурзина вслед за А. ван Геннепом квалифицирует как обряды перехода. Автор придерживается интерпретативной теории культуры К. Гирца, опирается на труды тартуско-московской школы семиотики. В диссертации используется понятийный аппарат, сложившийся в разных областях научного познания: этнологии, социальной антропологии, философии, мифологии, культурологии, религиоведении, фольклористике и др. Наряду с фундаментальными принципами историзма, объективности и системности, автор широко использует такие методы анализа, как структурно-семантический, ретроспективный, а также комплексный сравнительно-исторический и структурно-типологический подходы. В ходе исследования проводились наблюдение, опрос, анкетирование, аудиовизуальная фиксация полученных в ходе опроса информантов материалов. Применяемый разнообразный методологический инструментарий свидетельствуют о высоком профессионализме диссертанта.

Научная новизна диссертации состоит в том, что на обширном фактическом материале раскрывается роль семейной обрядности в формировании этнического самосознания, национального характера восточных мари. Л. Ямурзина убедительно показала взаимосвязь семейных обрядов мари с привычным образом жизни, ментальностью, мифо-поэтическими воззрениями.

Работа написана с использованием широкого круга источников: полевых этнографических исследований и личных наблюдений автора, материалов архива Российской Академии Наук (Санкт-Петербург), научных архивов финно-угорского общества (Хельсинки), Эстонского национального музея (Тарту), данных статистики и фольклорных материалов.

Не вызывает сомнения и практическая значимость исследования. Представленный анализ семейной обрядности может быть использован при преподавании исторических и культуроведческих дисциплин, подготовке учебных пособий по истории Волго-Уральского региона. Результаты исследования станут надежным подспорьем при подготовке и проведении современных обрядов и ритуалов.

В исследовании большое внимание уделено классификации и выявлению семантики ритуально-магических действий, совершаемых при подготовке и проведении традиционной восточно-марийской свадьбы, во время беременности, родов и в первые месяцы жизни ребенка, а также в ходе похорон и поминок. Автор стремилась установить сходные черты в интерпретации участниками обряда обрядовых текстов, определить изменения в обрядовой деятельности мари в XX веке и выявить характерные особенности свадебных, родильных, похоронно-поминальных обрядов у восточных мари.

В структуре исследования выделяются введение, четыре главы и заключение. В первой главе «Теоретические аспекты исследования» определена его проблематика, проведен историографический анализ, обоснованы используемые автором теоретические разработки. В историографическом обзоре выделяются пять этапов этнографического изучения мари. Для выработки теоретической основы исследования Л. Ямурзина изучила труды А. ван Геннепа, К. Гирца, Дж. Фрезера, Е.Г. Кагарова, С.А. Токарева, М. Элиаде, А.К. Байбурина, Ю.М. Лотмана, В.И. Ереминой, Ю.А. Калиева и др. Опираясь на труды основоположников тартуско-московской школы семиотики, автор обрядовую культуру и связанные с ней вещи, действия, события предлагает рассматривать как текст, как передачу информации или же как историческую память народа. «Ритуал – это текст, который несет в себе информацию об основополагающих принципах построения данного общества, данной культуры или ее этноса» – утверждается в книге (с. 34). Л. Ямурзина считает, что в обрядах жизненного цикла можно выделить четыре текста: 1) текст героя ритуала; 2) ритуал, который находится в тексте; 3) семейные обряды, отраженные в тексте и 4) культура самого народа (с. 26). Обрядовые действия, таким образом, рассматриваются, с одной стороны, как организация, передача текста (культурной памяти) адресату (участнику обряда, коллективу) посредством знаков и символов; с другой стороны, как получение текста, расшифровка и интерпретация адресатом. Ритуал помогает сохранять наиболее значимые компоненты коллективной культурной памяти, позволяет участникам обряда непосредственно соучаствовать в процессе творения мира, утверждения норм и правил общественной жизни. В то же время ритуальные действия выражают обряды перехода. Автор, вслед за А.К. Байбуриным, утверждает, что жизнь человека – это череда ритуалов, утверждающих его меняющиеся социальные статусы в круговороте жизненных форм.

Вторая глава посвящена характеристике традиционной и современной свадебной обрядности восточных мари. В ней дается структурно-семантический анализ свадебного ритуала, рассматриваются формы заключения брака, обряды, совершаемые в предсвадебный период, во время самой свадьбы и в послесвадебный период, выявляются основные тенденции трансформации марийской свадьбы в 1940–1960-е годы и современное время. При описании обрядов Л. Ямурзина стремится всесторонне осветить историю их развития и современное состояние. Ей удалось убедительно показать происшедшие в XX – начале XXI вв. изменения в

отношениях марийцев к возрасту вступающих в брак, срокам подготовки и проведения свадьбы, свадебным чинам, обрядовому костюму и украшению, традиционным обрядовым действиям, музыкальному оформлению свадьбы и т.д. Автор справедливо отмечает, что современная марийская свадьба теряет свои национальные, территориальные и другие особенности, приближаясь к обычному светскому празднику по ранее заготовленному сценарию. В свадебных обрядах марийцев проявляются традиции татарского и башкирского народов. Это влияние, по мнению автора, прослеживается в двукратном проведении свадебного гулянья (в доме невесты и жениха), в оформлении праздничного стола, элементах свадебного наряда поезжан и невесты, а также в песнях. Локальной особенностью восточных мари Л. Ямурзина считает проведение девичьих игр в специально отведенном помещении, довольно позднюю (иногда спустя несколько лет) смену головного убора.

У марийцев в процессе сватовства большое значение придавалось определению размеров приданого невесты и выплаты и даров со стороны жениха за невесту. В отечественной историографии обычай выплаты за невесту – калым (по-марийски «олно») не получил однозначной оценки. Автор, на наш взгляд, правильно рассматривает калым как часть системы дарообмена между родственниками жениха и невесты. Можно согласиться с ее утверждением о том, что брачный выкуп у марийцев не обозначал в буквальном смысле плату за невесту. В представлениях народа брак скреплял не только мужчину и женщину для совместной жизни в целях продолжения рода, но и родственные связи между их родителями, родственниками. Он предполагал достижение духовной близости между породнившимися семьями. Не случайно многие обряды, совершаемые в ходе подготовки и проведения свадьбы, символизировали идею скрепления связей между новыми родственниками.

Другой формой выкупа невесты был обычай, известный под названием «йямаш» (пропой). Он проводился в доме невесты и устраивался в честь невестиных родственников и ее сверстников. У восточных мари невесту после пропоя сразу же увозили к так называемым посаженным родителям «киямат ава, киямат ача» (букв. родители загробного мира), поэтому пропой можно считать первым этапом свадьбы. Подобная традиция проведения свадьбы в два этапа, по мнению автора, сформировалась под влиянием этнокультурного влияния татар.

Происхождение института посаженных родителей у мари пока еще остается не выясненным. «Киямат ава, киямат ача» в прошлом были известны не только восточным, но и луговым мари. Этот институт сохранился и у чувашей. Посаженные родители, по всей видимости, символизировали предков, освящающих новую семью.

При описании самой свадьбы (второго ее этапа) автор большое внимание уделила характеристике текстов главных героев ритуала – жениха и невесты, текстов других участников ритуала. Структурно-семантический анализ свадьбы позволил выявить ее особенности у восточных мари. Отличительной особенностью восточномарийской свадьбы являются девичьи игры, устраиваемые в честь неве-

сты в доме посаженных родителей. Автор отмечает, что в процессе эволюции свадебных обрядов значительно дольше сохраняется содержание. в то время, как форма их проведения меняется относительно быстро. Современная марийская свадьбы, по мнению автора, имеет много сходного с русской свадьбой (с. 89).

Третья глава посвящена рассмотрению обширного круга вопросов, связанных с обрядами, совершаемыми до- и во время родов, ритуальными действиями по формированию физических и личностных качеств ребенка, традициями воспитания детей в семье, влияющими на формирование национального характера мари. Приведенные в главе материалы убедительно свидетельствуют о почтительном отношении марийцев к материнству и продолжению рода. Полноценным членом семьи женщина могла стать только после рождения первенца.

Автор, изучив обряды и ритуальные действия, проводимые с новорожденным ребенком, пришла к выводу, что они преследовали цель определить его счастливую судьбу и наделить будущего члена общества жизненно необходимыми человеческими качествами, обеспечить здоровье и благополучие, защитить от злых духов, подготовить новорожденного к приобщению к родственному коллективу. Л. Ямурзина рассматривает родильные обряды как взаимодействие текстов двух героев ритуала: роженицы и младенца (с. 96). Основной идеей, выраженной в данном тексте, по ее мнению, является идея зарождения новых существ: матери и ребенка, получения ими нового социального статуса. Важным шагом в этом направлении является проведение обрядов во время родов, послеродовое обмывание младенца в бане, имянаречение. В книге уделяется внимание и характеристике народных способов лечения детей, «раскрытие органов» и т.д. Автор на примере обряда имянаречения, ритуальных действий, совершаемых с последом, показывает взаимосвязь родильных обрядов с культом предков, преемственную взаимосвязь между новорожденными и предками.

В четвертой главе «Похоронно-поминальная обрядность восточных мари» рассматриваются анимистические представления о душе, духах загробного мира, ангеле смерти, загробном мире, об особенностях культа умерших и предков, семантика и идейная направленность похоронно-поминальных обрядов. Похоронно-поминальный обряд автором рассматривается как обряд перехода, направленный на приобретение умершим нового статуса – предка (с. 182). По мнению Л. Ямурзиной, исполнение похоронных обрядов должно было способствовать отделению и переходу умерших в загробный мир и обеспечить им благополучную жизнь на том свете. Согласно религиозным представлениям мари, человек продолжает жить и после смерти, то есть марийцы не хотели признавать физическую смерть. Поэтому, считает автор, похоронные обряды должны были символически продемонстрировать ритуальную смерть покойника и поэтапный переход его на тот свет. Главное же назначение поминальных обрядов – оказание почестей возродившимся на том свете умершим и достижение благосклонного отношения предков к живым. Живучесть таких представлений, по мнению автора, обусловила сохранение многих архаических обрядовых действий. В то же время, как отмечается в работе, многие

древние элементы оказались забытыми, подвергались трансформации и религиозные представления, связанные с культом умерших и предков. В процессе изучения поминальной обрядности как текста автор установила, что он наиболее многослоен и синкретичен (с. 176).

В обстоятельном заключении подведены итоги исследования и обобщены основные результаты диссертации. Л. Ямурзина утверждает, что свадебный ритуал, родильный, похоронно-поминальные обряды объединены единой смыслообразующей идеей перехода человека в новую социальную категорию и приобретения нового социального статуса. Переход в ритуале, как считает автор, не совершается одноактно, а растянут на продолжительное время, имеет поступательный характер и четкую последовательность (с. 185). Единой идейной основой обрядов семейного цикла, по мнению Л. Ямурзиной, является идея «через ритуальное умирание» героя обряда к «новому рождению». В обрядах жизненного цикла восточных мари, как отмечает автор, наглядно проявляются все этапы подготовки к ритуальной смерти, приведение их к символической смерти, лиминальное их положение, а затем – ритуальное возрождение с последующим вступлением человека в новый статус.

В книге достаточно четко продемонстрированы основные направления эволюции обрядов жизненного цикла у мари. Автор отмечает, что марийцы сумели сохранить свое уникальное культурное наследие. Сохранились и структура, последовательность традиционных обрядов, но сроки их проведения оказались смещенными, произошло сокращение обрядов, изменилась форма выражения традиционных представлений. Автор считает, что изучение обрядов позволяет говорить о единстве марийского этноса (с.189). Интересным представляется вывод Л. Ямурзиной о том, что «текст ритуалов семейного цикла… содержит некую инвариантную сущность, имеющую в значительной мере надэтнический характер (например, представления о природе, космосе, месте человека в мире, религозно-мифологические понятия об отношениях человека со сверхъестественным, высшими силами, представления об идеалах мудрости, силе героизма) (с. 189).

Определенную ценность представляют приложения, которые содержат карту расселения восточных мари, схемы, иллюстрирующие структуру свадебных обрядов, фотоматериалы.

В целом, автором исследования выполнена значительная научно-исследовательская работа, позволившая по новому взглянуть на традиционные обряды марийцев, увидеть внутреннюю их взаимосвязь, закономерности развития. Работа носит новаторский характер, является значительным вкладом в этнографическое изучение народной культуры мари.

Никандр Попов
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2011, № 2

Рец.: «Н.В. Никольский. Собрание сочинений в четырех томах». – Чебоксары: Чувашское книжное издательство. – Т. I, 2004. – 527 с.; Т. II, 2007. – 447 с.; Т. III, 2008. – 735 с.; Т. IV, 2009. – 318 с.

Собрание сочинений Н.В. Никольского представлено в четырех солидных томах, напечатано по постановлению Ученого совета Чувашского государственного института гуманитарных наук. Составителем, автором предисловия, комментариев и примечаний 1, 3 и 4 томов является этнограф, кандидат исторических наук Матвеев Георгий Борисович; составителем, автором предисловия, комментариев и примечаний 2 тома – историк, кандидат исторических наук Николаев Геннадий Алексеевич, которые свои части выполнили самостоятельно.

Никольский Николай Васильевич (1878–1961) – известный исследователь истории и этнографии народов Поволжья, профессор, доктор исторических наук, один из основателей, директор Восточной консерватории (1920–1922), профессор Восточного пединститута (1922–1931, Казань). В 1940–1950 гг. сотрудник МарНИИ, 1948-м одновременно профессор МГПИ (Йошкар-Ола). В 1918 г. участник 2-го Всероссийского съезда мари (Казань). Он внес значительный вклад в изучение истории и этнографии марийского народа, автор «Истории мари (черемис)».

Подготовка к изданию Собрания сочинений Н.В. Никольского осуществлена в целях реализации Указа Президента Чувашской Республики «О 125-летии со дня рождения Н.В. Никольского». Собрание сочинений выдающегося ученого первого чувашского профессора, историка, этнографа, фольклориста, доктора исторических наук Н.В. Никольского является систематизированным сводом его трудов по истории, культуре и статистике чувашей и других народов Поволжья и Приуралья. В издании дан историографический анализ трудов ученого. Тома открываются содержательными вводными статьями Г.Б. Матвеева и Г.А. Николаева, в которых дается характеристика феномена Н.В. Никольского как ученого и рассматривается его весомый вклад в исследование истории и культуры чувашей и других народов Поволжья и Приуралья. В первых двух томах Н.В. Никольский выступает как историк, этнограф и фольклорист чувашского народа, в последующих двух (третьем и четвертом) томах – историк и этнограф народов Поволжья и Приуралья. В томах издания монографии, брошюры, статьи размещены по хронологическому принципу. Четвертый том составлен из этнографических альбомов, некоторые фотографии были изданы, а часть публикуется впервые. В Собрание сочинений вошли 36 трудов исследователя.

В первый том Собрания сочинений Н.В. Никольского вошли труды по этнографии и фольклору чувашского народа: монографии, статьи, программы по сбору материала, опубликованные в 1905–1960 гг. Том состоит из двух частей: первая посвящена исследованиям по этнографии и фольклору, вторая – программам для сбора сведений по народному творчеству и этнографии, также включен «Этнографический очерк Мильковича, писателя конца XVIII века, о чувашах» с введением и примечанием Н.В. Никольского. В вводной статье Г.Б. Матвеева «Н.В. Никольский – крупный исследователь истории и культуры народов Поволжья» содержится характеристика Н.В. Никольского как ученого, отличавшегося обширными научными интересами и многогранной деятельностью. Составители дали оценку теоретическому, методологическому и познавательному значению его научных трудов. Обобщили отзывы о трудах Н.В. Никольского в научном мире и в широких кругах общественности в разные исторические эпохи, определили научную школу, к которой принадлежал ученый. Показали идейные и методологические позиции исследователя, источниковедческую базу, научное и практическое значение его трудов. Уделили внимание собирательской работе исследователя, научной и практической значимости программ для сбора материала, рукописному фонду ученого. Проанализирован вклад ученого в развитие этнографической науки, в частности, в развитие теоретической базы – этнологии, отечественной историографии. Вкратце охарактеризована этнографическая школа Н.В. Никольского, дана его оценка как лидера казанского центра чувашеведения, показаны его ориентиры, касающиеся дальнейшего развития этнографии чуваш. Отмечены творческие связи Н.В. Никольского с учеными, научными организациями и журналами, в т.ч. зарубежными, освещена его работа в научных обществах. Имеется краткий анализ включенных в том научных трудов ученого (3 монографии, 10 статей), неопубликованных сочинений, а также обстоятельств, связанных с его усилиями по подготовке и продвижению их в печать. Вводная статья завершается обобщающей оценкой научного творчества Н.В. Никольского. Том, как и все другие тома, снабжен необходимыми комментариями, примечаниями и указателями.

Во второй том Собрания сочинений вошли труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей, опубликованные в 1904–1915 гг. Данные исследования Н.В. Никольского базируются на огромном количестве разнообразных источников и опубликованной литературе.

Третий том включает труды Н.В. Никольского по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири: две монографии, три брошюры, пять статей. Отдельный блок образован из статистических изданий, в т.ч. такая крупная работа, как «Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири». В вводной статье «О трудах Н.В.Никольского по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири» содержится характеристика цикла его работ по истории и этнографии финно-угорских и тюркских народов, вошедших в данный том. Уделено внимание общественно-политическим событи-

ям, культурно-образовательным программам, тенденциям этнокультурного развития, в связи с которыми они были подготовлены и изданы, целям и задачам создания этих трудов. В данном томе составители показали, как ученый и общественный деятель Н.В. Никольский реализовывал предложения, обсуждавшиеся на съездах и собраниях Союза мелких народностей Поволжья. Дается анализ достигнутых результатов: что удалось или не удалось в той или иной работе, насколько они соответствуют намеченной программе, выясняется научная и практическая значимость работ, содержится оценка предложений и рекомендаций автора, которыми насыщены труды данного цикла. Особое внимание в этом томе привлекают две книги Н.В. Никольского «История мари» и «Конспект по истории народной музыки», которые оцениваются как значительные достижения в историографии. «История мари (черемис)» исследователем рассматривается с древности до 1850 г. В работе использованы разнообразные архивные источники, а также широкий круг опубликованной литературы. Автором сделаны интересные выводы при характеристике исторических этапов и рассмотрении специфики народной культуры марийцев. Для марийских исследователей эта монография и в настоящее время является ценным источником по истории и этнографии народа.

Четвертый том составлен по трем этнографическим фотоальбомам Н.В. Никольского и представляет собой иллюстрированную историю и культуру пяти народов Поволжско-Приуральской историко-культурной области – татар, чувашей, марийцев, удмуртов, башкир. Снимки отражают традиционное хозяйство, жилище, народный костюм, праздники и обряды, к ним даны пояснительные тексты автора. В вводной статье «Этнографические фотоальбомы в фонде Н.В. Никольского как уникальные визуальные источники» обосновывается значение визуальных методов, устанавливаются история происхождения, место выполнения съемок и другие атрибуты, отсутствовавшие в источниках, особенно в альбоме «Народы Волго-Уралья». Однако в этом томе есть ошибки, связанные с определением этнической принадлежности сфотографированных персонажей. Так, в разделе о башкирах все фотографии относятся к восточным марийцам (с. 199–210). На некоторых снимках ошибочно названы марийские женские головные уборы, так, например, на с. 115 название фотографии «тюрик», а на самом деле девушка марийка в головном уборе «такия» и др.

Впервые в этом издании увидели свет и личные фотографии Н.В. Никольского из Научного архива ЧГИГН, к которым также имеются комментарии.

Академическое издание дает подробное представление о вкладе ученого в науку. Его исследования оказали большое влияние на развитие исторической и этнографической науки, они и сегодня сохраняют свое важное теоретическое, научно-познавательное и практическое значение. Составители с научной объективностью показали Н.В. Никольского как ученого с широким кругом исследовательских интересов, его высокий вклад в науку, решение глобальных научных проблем. Наследие Н.В. Никольского представляет значительный научно-познавательный

интерес для многомиллионного населения Поволжско-Приуральской историко-культурной области чувашей, марийцев, удмуртов, татар, башкир, мордвы. Книга является ценным изданием для научных сотрудников, специалистов в области истории, этнографии, для всех кто интересуется культурой народов России. Составителями собрания проделана огромная работа по систематизации и научному анализу наследия выдающегося ученого Н.В. Никольского и заслуживает самой высокой оценки.

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2011, № 2

Рец.: Шибанов А.А. Наречия в удмуртском языке. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ижевск, 2011. – 236 с.

Тема диссертации является крайне актуальной для современного удмуртского и пермского языкознания, т.к. ни в синхронном, ни в диахронном планах еще не предпринимались попытки подробно исследовать наречия как часть речи в удмуртском языке. Диссертация была написана на факультете удмуртской филологии ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» под научным руководством широко известного и авторитетного исследователя пермских и других финно-угорских языков доктора филологических наук, профессора Ивана Васильевича Тараканова. Сразу же необходимо отметить богатство языкового материала, тщательно собранного автором на протяжении ряда лет из различных опубликованных источников и также, что особенно ценно, непосредственно от носителей языка в ходе экспедиций к северным удмуртам. Алексей Александрович — активный носитель удмуртского языка, хорошо чувствующий все нюансы родной речи.

Композиционно диссертационная работа А.А. Шибанова состоит из введения (с. 5–40), трех основных глав, заключения, списка условных сокращений, списка использованных источников и четырех приложений. Список использованной и цитированной научной литературы содержит 139 названий работ (из них 17 наименований на иностранных языках), что говорит о хорошем владении диссертантом специальной литературой. Однако из числа специальных работ о наречиях других финно-угорских языков в библиографическом списке отсутствует кандидатское исследование Тийта Энделевича Кукка «Словообразование наречий в карельском языке», защищенное в 1987 г. Список использованных источников включает 67 названий. Приложения представляют собой указатели слов, отнесенных к наречиям в некоторых грамматиках, словарях и в учебнике А.А. Поздеевой 1940 года издания. Общий объём диссертации вместе с приложением 236 с. Композиция работы отличается стройностью и рациональностью, исходящей из логики изложения материала.

Выбранная тема диссертационного исследования А.А. Шибанова, несомненно, актуальна и по-своему интересна, ибо сами наречия как часть речи в большинстве языков вычленялись постепенно и ещё находятся на пути формирования, к тому же в удмуртском языкознании эта тема не была ещё объектом специального исследования (из более подробных описаний наречий есть лишь небольшое опубликованное учебное пособие А.А. Алашеевой).

Во введении определяются актуальность темы, объект, предмет и цель исследования, отмечаются научная новизна и практическая ценность работы, методы и источники исследования. Ценным для раскрытия темы диссертации является подраздел введения «Признаки выделения наречия как части речи», где диссертант на основе изучения теоретической литературы излагает необходимые принципы выделения наречий и дает самую общую характеристику наречий в удмуртском языке. Тем не менее для оппонента остается неясным следующее: могут ли наречия удмуртского языка определять существительные и в целом предложения, как это имеет место в других языках? Следующий достаточно объемный раздел «История изучения наречий в удмуртском языке» (с. 20–40) содержит очень ценный материал, почерпнутый из изданных ранее грамматик и иных трудов. Диссертант достаточно полно и очень информативно очертил процесс выделения, определения особенностей и исследования рассматриваемой части речи.

Первая глава «Лексико-семантические разряды удмуртских наречий» (с. 41–89) посвящена лексико-семантической классифи-ка-ции наречий. В вводной части к главе А.А. Шибанов рассматривает общие основания для семантической классификации и приводит сопоставительный материал из грамматических описаний русского, японского, церковнославянского, греческого, испанского, шведского, эстонского и финского языков. Однако в ряду приведенных грамматик различных языков отсутствует анализ дескрипции наречий в последней научной грамматике наиболее близкого к удмуртскому коми языка 2000 года издания *«Önія коми кыв. Морфология»* (автором 30-страничного раздела о наречии является доктор филологических наук Г.В. Федюнева). Далее среди обстоятельственных наречий выделяются наречия времени, места, причины и цели, а среди определительных наречий – наречия образа и способа действия, наречия степени и наречия меры и количества. Отдельной группой выделены наречно-изобразительные и звукоподражательные слова. Традиционно достаточно спорным материалом во многих языках являются слова, выражающие состояние и выполняющие функцию именного сказуемого (в терминах некоторых лингвистов это категория состояния). Диссертант приводит доводы и делает вывод о том, что «категорию состояния следует рассматривать отдельно от наречий» (с. 86). Приходится лишь сожалеть, что А.А. Шибанов здесь не приводит соответственные факты из близкородственного коми языка и не ссылается на работы доктора филологических наук В.М. Лудыковой, которая пришла к этим же выводам гораздо раньше. В связи с этим закономерно возникает вопрос: почему в таком случае автор приводит материал категории состояния в главе, посвященной описанию семантических разновидностей собственно наречий? Не логичней ли было эту проблему диссертанту обсудить во введении? В целом все положения этой главы обоснованы добротным материалом, взятым в большинстве своем из произведений классической и современной удмуртской литературы.

Вторая глава «Морфологическая структура наречий» (с. 90–173) состоит из двух разновеликих частей: из описания способов словообразования наречий и

дескрипции морфологических признаков наречий, которые включают степени сравнения и степени качества. Вначале диссертант приводит материал по морфологическому способу образования наречий, где наряду с традиционными суффиксами (**-ак/-як, -быт, -скын, -бытсын, -ой/-ёй, -ойскын/-ёйскын, -эн/-ын**) рассмотрены приставки **оло-**, **коть-**, **но-**, свидетельствующие о некоторых системных изменениях в деривационном строе удмуртского языка. Достаточно подробно описаны происхождение формантов, их употребление и особенности значений образуемых ими наречий. Затем рассмотрен синтаксический способ образования наречий – явление удвоения основ, слияние основ и образование устойчивых наречных выражений. После этого А.А. Шибанов подробно останавливается на морфолого-синтаксическом способе образования наречий – адвербиализации падежных форм и деепричастий. В материале под заголовком «Конверсия» представлены результаты перехода в наречия слов таких частей речи, как существительные, прилагательные, послелоги, местоимения, при этом автор широко оперирует термином «категориальная недифференцированность». Между тем у оппонента есть большие сомнения, во-первых, в правомерности введения этого термина, и во-вторых, в самой реальности переходов в наречия существительных и прилагательных. Этот материал удмуртского языка (как, впрочем, и коми) часто подается в научных трудах как факты неразграничения частей речи. К примеру, венгерский исследователь пермских языков Шандор Чуч в монографии о реконструкции пермского языка-основы отмечает: «Некоторые части речи в современном удмуртском и коми языках нельзя разграничить ни морфологически, ни функционально. Так, например, существительные могут выступать в роли прилагательных-определений (напр., удм. *из* ‘камень’, *из корка* ‘каменный дом’, коми *кӧрт* ‘железо’, *кӧрт пач* ‘железная печь’), прилагательные в роли существительных и наречий (напр., удм. *вазь* ‘ранний’ и ‘рано’, *кужмо* ‘сильный’ и ‘сильно’, коми *водз* ‘ранний’ и ‘рано’)» (*Csúcs, S.* Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. – Budapest: Akadémiai kiadó, 2005). Считаем, что в отношении дискутируемого удмуртского материала мы имеем дело все же с грамматической полисемией, прекрасно сохраняющейся с уральского/финно-угорского языкового периода, которая представляется нами как своеобразная ложная омонимия. Например, существительное *гужем* может нести назывную функцию (***Гужем*** *вуйз* «Лето наступило») и определительную, стоя в препозиции к другому существительному (***гужем*** *корка* «летник», букв. «летний дом») и к глаголу-сказуемому (***Гужем*** *шутэтскыны кулэ* «Летом отдыхать надо»). Указанные словоупотребления лексемы *гужем* семантически сходны и связаны единством корня слова, который одновременно грамматически многозначен и синтаксически полифункционален. Считаю, что если языковеды-пермисты будут везде массово трактовать такие словоупотребления в качестве омонимов, то лингвистические дескрипции просто утонут в них.

В третьей главе «Синтаксис наречий» (с. 174–192) дан достаточно подробный анализ синтаксических функций наречий удмуртского языка. Кроме уже хорошо описанных в удмуртском языкознании функций обстоятельства и сказуемого,

диссертант подробно рассматривает словосочетания глаголов с различными наречиями, с одной стороны, и словосочетания наречий со словами различных частей речи. Все положения диссертанта достаточно проиллюстрированы языковым материалом.

Заключение (с. 193–199) отражает основные положения и выводы диссертационной работы. Все пункты в нем обоснованы и логически вытекают из проведенного в основных главах диссертации лингвистического анализа. Однако в отношении некоторых положений у оппонента есть замечания. Так, на с. 193 отмечено, что «наречие… в предложении является обстоятельством, примыкая к глаголу, реже к прилагательному и наречию», однако затем на с. 199 читаем, что «наречие в предложении может играть роль сказуемого». Следовало бы последний пункт дополнить в основную дефиницию наречий на с. 193. Положения заключения являются квинтэссенцией всех результатов многолетней работы А.А. Шибанова.

Кандидатская диссертация А.А. Шибанова является цельной, законченной, самостоятельной работой, которую желательно целиком опубликовать в виде монографии. Кроме несомненного общенаучного значения, исследование имеет и большую практическую ценность для преподавания удмуртского языка в школах и высших учебных заведениях. Главы отражают богатство и разнообразие состава наречий в удмуртском языке, материал подан последовательно и в достаточном объёме.

Диссертационная работа написана в целом корректно, однако досадные недочеты все-таки встречаются. Так, в авторском тексте замечены ошибки и опечатки на с. 5, 8, 28, 47, 68, 77, 153, 192 и др., пунктуационные ошибки – на с. 10, 28, 47, 68, 77, 153, 192. Имеют место также стилистические погрешности на с. 8, 16, 80, 189 и др. Например, есть выражение на с. 189: *«Наречия, **как правило, всегда** употребляются с причастием **лишь** в причастных конструкциях»*. По значению предложение, являясь явно тривиальным (ибо где еще кроме причастных оборотов наречие употребляется с причастием), содержит лишнее наречие *лишь*, а также неверно употребленные наречия *как правило* и *всегда*, которые никак не являются синонимичными. Наблюдаются также неудачные переводы. Например, предложение на с. 65 *Татчыозь вуид ини* переводится как «До этого места дошел уже». Русский перевод совершенно не отражает лица субъекта действия (2 лицо ед ч. *ты*), т.к. глаголы в прошедшем времени в русском языке не имеют личной суффиксации. Неясно кто – я, ты или он – дошел уже. С другой стороны, и удмуртское высказывание не соответствует русскому переводу в отношении выражения рода производителя действия, т.к. оригинальный удмуртский текст, естественно, никак не сообщает о том, что субъектом действия является лицо именно мужского пола. Русский перевод этого предложения должен быть, таким образом, двояким. Однако перечисленные досадные недочеты имеют частный характер, их легко будет исправить при подготовке текста исследования к публикации.

В целом диссертация А.А. Шибанова является серьезным достижением в удмуртском и пермском языкознании, ее положения создают базу для написания круп-

ных работ в области изучения наречий. Исследование найдет также несомненное практическое применение в преподавании удмуртского языка в вузах, при разработке новых основных и специальных курсов, при написании учебных и учебно-методических пособий, учебников нового поколения для средних школ. Диссертация А.А. Шибанова «Наречия в удмуртском языке» написана на соответствующем научном уровне, она вносит весомый вклад в удмуртское, пермское и в целом в финно-угорское языкознание.

Евгений Цыпанов
Сыктывкар

Рец.: Anna-Leena Siikala & Oleg Ulyashev. Hidden Rituals and Public Performances. Traditions and Belonging among the Post-Soviet Khanty, Komi and Udmurts. – Helsinki: Finnish Literature Society, 2011. – 368 p., il., maps.

Финно-угорскому и всему научному сообществу представлено новое исследование по народным традициям ханты, коми и удмуртов. Недавно Финское литературное общество выпустило книгу на английском языке финского профессора А.-Л. Сиикала и коми ученого О. Уляшева. Данный труд представляет собой результат длительных полевых исследований авторов, проведенных в 1990–2000 годы среди трех финно-угорских народов, проживающих в отдаленных друг от друга регионах, – в бассейне северной Оби северо-западной Сибири, Республики Коми и Удмуртии.

Книга состоит из четырех разделов. В первом, представляя финно-угров России и изучение их зарубежными учеными, рассматриваются вопросы теоретического характера, язык, мифы и фольклор как «наглядные свидетельства истории», неотрадиционализм от мгновения до осмысливания значения, диалоги, монологи, молчания; общества в процессе преобразования, между культурами и многое другое. Вторая часть книги посвящена уникальной культуре ханты и анализирует проблемы сохранения и представления религиозных традиций, показывает жизнь с духами, втекающие друг в друга миры, пути пересечения межэтнических связей, разделение пространств, понятие «совместно и врозь», избегание обычаев. Пролиферирующие песенные традиции коми (основным объектом выбрана группа коми с Верхней Вычегды) анализируются в третьей главе; дискутируются вопросы «имели ли коми песенную культуру», «фольклор как устное творчество крестьян», «жизнь как культурный управляющий» и государственный проект, ведущий к разнообразным формам традиции сегодня. Сравнение и наблюдение культурного явления среди удмуртов представлены в последней главе. Видимое и скрытое, борьба идеологий и религий, от тайных обрядов к национальным фестивалям, возрождение религии, символизирующие культурную исключительность традиции, политические и экономические импликации неотрадиционализма – вот некоторые из проблем, рассматриваемых в разделе.

В книге наглядно демонстрируется, как многообразные традиции поддерживаются и трансформируются в многокультурной России сегодня. Анна-Леена Сиикала и Олег Уляшев рассматривают обряды, песни, фестивали и истолковывают эти феномены на уровне области, страны и культурных установок и норм, придавая особое значение впечатляющему своеобразию взаимоотношений людей и выделяя

вызывающее глубокое чувство причастности всех членов семьи, родства, деревень, этнических групп и наций.

Тщательное изучение хантов, коми и удмуртов в глобализирующемся мире постсоветского периода показывает, что возможности и благоприятствующие обстоятельства для представления этнической культуры значительно отличаются среди российских меньшинств с различным историческим прошлым и административной структурой. В этих различиях совместное решение локальных и административных потребностей и запросов имеет решающее значение.

Анализируя попытки восстановления религиозных традиций, мифов, музыкального творчества у изучаемых народов как в частной жизни, так и в общественной, авторы стремятся ответить на актуальные вопросы «почему хантыйские шаманы деятельны до сих пор», «что представляют собой фольклорные коллективы коми», «почему фестивали культуры у удмуртов сопровождаются традиционными обрядами», «вымирают ли традиции»?

Авторы заключают, что этнические меньшинства в многонациональной России следует рассматривать не как изолированные друг от друга острова, а как взаимосвязанные между собой и основной культурой.

Как пишет А.-Л. Сиикала, «для меня эта книга является не только научным исследованием, но и частью моей жизни, души и сердца. Проделан долгий путь... В Финляндии я скучаю по России, но когда я в России, у меня не бывает тоски по Финляндии. Этим летом мой поезд ушел без меня, но, возможно, в следующем году я продолжу свой путь» (со странички автора на facebook от 8 октября с.г.).

От души благодарим многоуважаемых авторов книги за их неоценимый труд, желаем им продолжать свой путь не только в следующем году, но еще многие-многие годы, оставаясь в крепком здравии, что далеко немаловажно в полевых этнографических исследованиях.

Книгу А.-Л. Сиикала и О. Уляшева можно заказать в Финском литературном обществе: books@finlit.fi

Татьяна Миннияхметова
Инсбрук

ХРОНИКА

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ ПОВОЛЖЬЯ»

18–20 августа 2011 года в институте финно-угроведения Марийского государственного университета проходил VIII Международный симпозиум «Языковые контакты Поволжья. Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития)». В работе научного форума приняли участие ученые из Финляндии, Эстонии, Венгрии, Германии, Австрии, Японии, Турции, Италии, Казахстана, Узбекистана и десяти регионов Российской Федерации (Марий Эл, Мордовии, Коми, Удмуртии, Татарстана, Чувашии, Башкирии, Карелии, Ханты-Мансийского автономного округа, Самарской области).

На симпозиуме были представлены города: Йошкар-Ола – 64 доклада, Сыктывкар – 17, Саранск – 25, Казань – 15, Чебоксары – 13, Ижевск – 12, Тарту – 6, Турку – 2, Хельсинки – 3, Бирск – 4, Вена, Геттинген, Рим, Стамбул, Будапешт, Сегед, Самара, Чита, Стерлитамак, Уфа, Алматы, Глазов, Петрозаводск – по 1.

Из истории: Первый Международный симпозиум был проведен 1–2 сентября 1993 года в г. Турку, его организаторами были специалисты в области марийского и мордовских языков. Данный научный форум первоначально был определен как симпозиум по волжско-финским языкам, но в последующем Международный оргкомитет симпозиума во главе с профессором С.Сааринен решил расширить круг участников симпозиума. Таким образом, начиная с 2002 г., с IV симпозиума, в программу были включены проблемы других языков Поволжья (удмуртского, чувашского, татарского). Он прошел в г. Турку 16–18 августа под названием «Языковые контакты Поволжья». Международным оргкомитетом симпозиума было принято решение V симпозиум провести уже в г. Ижевске. Йошкар-Ола встретила участников данного симпозиума во второй раз. В первый раз научное мероприятие было проведено в столице Республики Марий Эл 7–10 октября 1996 г. Согласно принятым первоначальным целям и задачам оно известно нам как Международная научная конференция «Структура и развитие волжско-финских языков».

18 августа в актовом зале института финно-угроведения пленарное заседание открыл проректор по научной работе и инновационной деятельности МарГУ

С.В. Стариков. Он зачитал приветственное слово ректора Марийского госуниверситета, профессора В.И. Макарова. Участников симпозиума приветствовали заместитель Председателя Правительства, министр культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл М.З. Васютин, руководитель Представительства Министерства иностранных дел РФ в г.Йошкар-Оле Л.В. Полушина, директор МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева А.С. Казимов, председатель Марийского регионального комитета финно-угроведов О.А. Сергеев.

На пленарном заседании с научными докладами выступили профессор Туркуского университета Сиркка Сааринен (Финляндия), профессор Юрий Алексеевич Калиев (БирГСПА), профессор Виталий Григорьевич Родионов (ЧГУ им. И.Н. Ульянова). В своих докладах ученые затронули проблемы языка, литературы, культуры народов Поволжья.

По окончании пленарного заседания и на следующий день работа продолжилась по секциям. На 5 секциях было заслушано около 90 докладов как ведущих, так и начинающих финно-угроведов, тюркологов. Чтобы дать представление о характере и обширности проблематики симпозиума приводим тематическую направленность пяти секций: 1. Актуальные проблемы современного финно-угорского языкознания; 2. Языки народов Урало-Поволжья: историческая картина, проблемы диалектологии и ономатологии; 3. Социолингвистика и языковые контакты народов Урало-Поволжья; 4. Сравнительное изучение фольклора и литератур народов Урало-Поволжья; 5. Традиционная культура народов Урало-Поволжья: актуальные аспекты научных исследований. Докладчики дали оценку современного состояния национальных языков, литератур, культур, фольклора в республиках Поволжья и Приуралья. Ученые выразили озабоченность тем, что в настоящее время в условиях глобализации культур языки народов Урало-Поволжья испытывают серьезные проблемы, связанные с их развитием и функционированием. Это было отмечено в докладах не только российских ученых, но и зарубежных коллег из университета г. Турку профессора С. Сааринен и Й. Луутонена. Следовательно, для дальнейшего плодотворного развития языков, литератур, культур этих народов необходимо объединить усилия государственных, научных учреждений и общественных организаций.

В первый день форума обсудили 17 стендовых докладов, представленных учеными из Италии, Узбекистана, а также Йошкар-Олы, Саранска, Ижевска, Петрозаводска, Читы, Чебоксар и Казани.

В рамках симпозиума был организован круглый стол по проблемам компьютерной технологии в языке. С докладом «Электронный марийско-русский словарь (презентация)» выступил программист «Марий Эл радио» А.В. Чемышев.

По завершении научного форума 19 августа участники симпозиума познакомились с культурой марийского народа, побывав в городе Козьмодемьянске Горномарийского района РМЭ, а также посетив Национальную художественную галерею, Национальный музей имени Т.Е. Евсеева и Музей истории ГУЛАГа в Йошкар-Оле.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны отчеты руководителей секции и принят итоговый документ симпозиума, в котором, исходя из предложений участников симпозиума, было рекомендовано:

1) обратить внимание на необходимость дальнейшего теоретического изучения проблем языка и культуры народов Урало-Поволжья, их контактов, взаимосвязей и взаимовлияний в условиях нарастающей глобализации:

– расширить диапазон сравнительных и сопоставительных исследований в области филологии и культурологии Урало-Поволжья;

– разрабатывать совместные проекты по актуальным научным проблемам, а также по созданию учебных пособий для вузов по языкам, литературам и культурам народов Урало-Поволжья;

– активизировать научно-информационный обмен и обмен молодыми учеными, докторантами, аспирантами и студентами между вузами и научными учреждениями регионов Урало-Поволжья;

2) заострить внимание органов государственной власти на проблемах языков и культур народов Урало-Поволжья, их функционирования, развития и научного осмысления, а именно:

– оказывать более ощутимую финансовую и моральную поддержку инициативам научных, образовательных, культурных учреждений, общественных организаций, направленным на сохранение и дальнейшее развитие языков и культур народов Урало-Поволжья;

– поставить вопрос о восстановлении в базисных планах и учебных программах школ национально-регионального компонента;

3) поддержать предложение участников симпозиума об открытии межвузовского научного центра тюркологических, урало-алтайских, евразийских исследований при Башкирском государственном университете;

4) поддержать решение Международного оргкомитета симпозиума от 18 августа 2011 года:

– вернуться к традиционной лингвистической доминанте в проблематике симпозиума, сохранив возможность презентации на нем исследований пограничного и синтетического характера;

– увеличить регламент секционных докладов до 20 минут;

5) Марийскому государственному университету издать материалы симпозиума, а также рассмотреть возможности восстановления приема студентов в русско-горномарийскую группу факультета филологии и журналистики, выйти с предложением в ЮНЕСКО об объявлении 2013 года годом основоположника марийской литературы С.Г. Чавайна.

По решению Международного оргкомитета симпозиума участников IX Международного симпозиума «Языковые контакты Поволжья» будет принимать Республика Мордовия в августе 2013 года.

Елена Андрианова
Йошкар-Ола

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.: ТРАДИЦИИ, НОВАЦИИ, ИТОГИ, ПЕРСПЕКТИВЫ». СЫКТЫВКАР, 19–21 ОКТЯБРЯ 2011 Г.

Всероссийская научная конференция «Филологические исследования на рубеже XX–XXI вв.: традиции, новации, итоги, перспективы» нацелена на обсуждение актуальных проблем в области гуманитарных, преимущественно филологических исследований. Организаторы планировали рассмотреть проблемы, связанные с изучением духовной культуры народов Европейского Севера России, обсудить основные тенденции, направления и «болевые точки», возникшие в исследованиях, преимущественно финно-угроведении, в последние десятилетия. В поле зрения и такие проблемы, как типологические взаимосвязи и национальная специфика фольклора и литератур финно-угорских народов в контексте духовной культуры и традиций других народов, история и поэтика финно-угорских литератур и фольклора, взаимодействие финно-угорских языков с другими языками (диалекты, межъязыковые контакты, история и современное состояние литературных языков), новые методики в экспедиционных и архивных исследованиях, роль личности в научных исследованиях. Актуализация последней проблемы продиктована тем, что 2011 год довольно «богат» на юбилейные даты в научном финно-угорском мире: 85 лет со дня рождения известного филолога – фольклориста, литературоведа, литературного критика Анатолия Константиновича Микушева, 90 лет со дня рождения этномузыковеда и фольклориста, исследователя музыкального фольклора и музыкальных инструментов коми Прометея Ионовича Чисталева, 145 лет со дня рождения коми писателя и ученого-философа К.Ф. Жакова и др.

В работе конференции приняли участие 86 человек с пленарными и секционными докладами, из них 17 докторов наук, 40 кандидатов наук, 29 участников без ученой степени; 40 человек – молодые ученые до 39 лет. 8 исследователей прислали стендовые доклады, которые были представлены на заседаниях. География участников конференции: Сыктывкар, Ухта, Москва, Киров, Нижний Новгород, Ханты-Мансийск, Мордовия, Марий Эл, Удмуртия, Пермский край, Венгрия, Финляндия, Белоруссия, Эстония.

На пленарном заседании было представлено 4 доклада. Доклад д.филол.н. Е.А. Цыпанова был посвящен влиянию работ М.В. Ломоносова, 300-летний юбилей которого отмечается в 2011 году, на процесс создания первых коми и удмуртской грамматик VIII в., начала и середины XIX в. Доктор филологических наук

Н.Н. Глухова, используя фольклорный материал, записанный от 11 финно-угорских народов, и применяя разработанную инновационную методику, говорила об общности финно-угров, основанной на этнической системе ценностей. Доктор филологических наук Ю.Б. Орлицкий рассмотрел поэзию К.Ф. Жакова в контексте русской поэзии начала XX века. Доклад к.филол.н. Т.Л. Кузнецовой был посвящен анализу коми прозы рубежа XX–XXI вв.

Работа конференции проходила в 6 секциях: Вопросы фонетики и грамматики финно-угорских языков (секция № 1), Вопросы лексикологии финно-угорских языков (секция № 2), Литература финно-угорских народов: аспекты истории и поэтики (секция № 3), Фольклорно-этнографические аспекты изучения духовной культуры народов России (секция № 4), Актуальные проблемы финно-угорских языков в контексте *компаративистики*, контактологии и типологии (секция № 5), История филологических исследований, Личность в исследованиях (секция № 6). Отдельное внимание было уделено творческому наследию известного писателя и ученого-философа Каллистрата Фалаллеевича Жакова, в связи с чем в рамках конференции прошел симпозиум «Каллистрат Жаков: грани творчества».

На секции «Вопросы фонетики и грамматики финно-угорских языков» было заслушано 13 докладов, в которых в основном были рассмотрены проблемы грамматического строя финно-угорских языков: морфология удмуртского и венгерского языков (В.М. Игнатьева, к.филол.н. Н.В. Кондратьева), синтаксис коми языка (Н.И. Гуляева, О.И. Некрасова), разные виды словопорядка в удмуртском языке в зависимости от важности информации в разных ситуациях общения (Эрика Астолош). Ряд докладов различной проблематики был посвящен грамматическим формам финно-угорских языков: инессивным формам коми-пермяцкого языка (к.филол.н. Г.А. Некрасова), специфике наречий в удмуртском языке (к.филол.н. А.А. Шибанов), отнумеральным словам (к.филол.н. О.Б. Стрелкова), генезису служебных частей речи в коми диалектах (Э.Н. Попова), особенностям использования т.н. дескриптивных слов в коми языке (М.А. Лапшина), отглагольным конструкциям в финском языке (Мари Сарахейно). Один доклад был посвящен вопросам фонетики одного из диалектов коми-пермяцкого языка (к.филол.н. С.А. Сажина).

Секция «Вопросы лексикологии финно-угорских языков» работала два дня, во второй день была объединена с секцией «Актуальные проблемы финно-угорских языков в контексте компаративистики, контактологии и типологии». Участники секции заслушали 11 докладов. В пяти докладах рассматривалась лексика финно-угорских языков: глаголы движения коми языка (д.филол.н. Е.А. Цыпанов), этнические стереотипы коми языка (к.филол.н. Е.А. Айбабина и Л.М. Безносикова), синонимы в удмуртском письменном тексте (д.филол.н. В.К. Кельмаков). Два доклада были построены на материале нескольких языков и посвящены коми-угорским языковым контактам (д.филол.н. Е.А. Игушев) и иноязычной лексике в пермских языках (д.филол.н. А.Н. Ракин). Один доклад грамматического плана был посвящен системе марийских местоимений и изменениям в ней под влиянием русского языка (к.филол.н. С.С. Сибатрова). Также затрагивались проблемы истории и современ-

ного состояния исследований в области диалектной лексикологии на материале коми-пермяцкого языка (к.филол.н. Е.Н. Федосеева), разграничения сложных слов и словосочетаний в удмуртском языке (к.филол.н. О.В. Титова), развития общественно-политической лексики в удмуртском языке (О.А. Тронина); проблемы русско-коми языковых контактов (д.филол.н. Г.В. Федюнева), типологического сходства английского и коми языков и способов применения этого сходства в практике преподавания коми языка (О.П. Федорова). Выступление к.филол.н. Г.В. Пунеговой об акустических характеристиках мягких согласных в коми и русском языках было представлено в качестве стендового доклада.

На секции «Литература финно-угорских народов: аспекты истории и поэтики» было прослушано 16 докладов, представленных литературоведами – специалистами по коми, коми-пермяцкой, удмуртской литературам. Обсуждались вопросы истории и поэтики финно-угорских литератур; осмыслены закономерности развития коми-пермяцкой (д.филол.н. В.В. Пахорукова), коми литератур (к.филол.н. Кузнецова Т.Л.) XX–XXI вв., этапы зарождения удмуртской драматургии (д.филол.н. Т.И. Зайцева). Достаточно много докладов было посвящено проблеме художественной специфики творчества того или иного писателя, отдельных произведений (к.филол.н. Н.А. Федосеева, к.филол.н. О.С. Зиявадинова, А.В. Малева, С.М. Нефедова, Н.В. Горинова, Л.Е. Сурнина). Освещено было творчество В.Е. Кичина в контексте словесности Коми края XIX века (к.пед.н. В.А. Лимерова). Обсуждались проблемы перевода художественного произведения на другой язык, влияние творчества других писателей (д.филол.н. В.А. Латышева выявила влияние творчества Оскара Уайльда на прозу коми писателя В.Т. Чисталева, к.филол.н. В.Г. Пантелеева рассмотрела удмуртскую переводную художественную литературу в историческом и социокультурном аспекте). На обсуждение были вынесены и вопросы освещения культуры и литературы коми в деятельности Литературного музея И.А. Куратова (Л.В. Шахова).

Секция «Фольклорно-этнографические аспекты изучения духовной культуры народов России» работала в течение двух дней, было заслушано и обсуждено 14 докладов. В первый день заслушаны доклады преимущественно с этнографической тематикой, посвященные специфике похоронно-погребальной обрядности южных коми (к.и.н. Ю.И. Бойко) и киясовских удмуртов (Н.В. Анисимов), современным религиозным практикам сельских коми (к.и.н. В.В. Власова), изучению скотоводческой традиции коми (Л.С. Лобанова). Во второй день работы обсуждались проблемы развития, специфики и современного состояния фольклорных жанров, применения новых методик при анализе фольклорных текстов. Новому направлению – психофольклористике – был посвящен доклад д.филол.н. В.А. Поздеева, который проанализировал психологические доминанты городского романса с привлечением теории прецедентных ситуаций. Об использовании народной терминологии для выявления специфических показателей фольклорных жанров (на примере говорных жанров свадьбы) говорила в своем докладе к.филол.н. Ю.А. Крашенинникова. Ряд докладов был посвящен жанрам финно-угорского фольклора:

страшилке в детском фольклоре коми (к.филол.н. А.Н. Рассыхаев), бывальщине в коми-пермяцком фольклоре (к.филол.н. Н.А. Мальцева). Проблемы собирания и изучения фольклорных жанров были затронуты на материале загадок коми (С.Г. Низовцева), духовных стихов (Н.Б. Храмова). Один доклад был посвящен эсхатологическим представлениям в современных фольклорных записях, сделанных от коми информантов (к.филол.н. П.Ф. Лимеров). Мифо-культурологический анализ сказок, записанных в 2010 году, был выполнен Е.В. Луговой. Еще один доклад затрагивал проблему взаимодействия фольклора и литературы, использования национального фольклора в литературных произведениях (А.А. Данильчев). На секции также было представлено шесть стендовых докладов, посвященных мифосемантике синего цвета в фольклоре (д.филол.н. И.А. Швед), свадебным обрядам и фольклору мордовского народа (д.филол.н. В.И. Рогачев), концептам «зависть» и «красота» в традиционной удмуртской культуре (к.филол.н. Т.Р. Душенкова, к.филол.н. Е.Н. Ельцова), ритмической организации песен наборного типа (Е.Б. Вершинина), родо-племенным и семейным знакам собственности коми и мордовского народов (Е.А. Деникаева).

На секции «История филологических исследований. Личность в исследованиях» было заслушано 8 докладов. Все участники отметили своевременность и необходимость организации секции с такой тематикой, поскольку это дает возможность сегодняшним исследователям вспомнить известных ученых, работавших ранее, оценить с современных позиций и данных современной науки значение и актуальность их исследований, дополнить и, возможно, пересмотреть некоторые выводы.

Новые сведения о наших предшественниках, обнаруженные в российских и зарубежных архивах, представляют особый интерес. Они позволяют дополнить биографию выдающихся ученых, устранив неточности и разночтения. Значительное количество публикаций, посвященных биографии и творческому наследию ученых, остаются загадочными и малоизученными, и естественно, что споры о них среди исследователей продолжаются до сих пор. Например, доклад Тота Силарда содержал большое количество загадочных и противоречивых фактов биографии Вольфганга Штейница, требующих более детального рассмотрения с учетом исторических реалий.

Выступления Лудыковой В.М., Лисовской Г.К., Кудряшовой В.М. были посвящены известным исследователям Республики Коми – лингвисту В.И. Лыткину, литературоведу В.Н. Дёмину, С.И. Худяеву, фольклористу и литературному критику А.К. Микушеву и другим основоположникам коми лингвистики, коми литературоведения, высшего профессионального образования.

Симпозиум «Каллистрат Жаков: грани творчества» работал в течение двух дней, в его работе приняли участие литературоведы, философы, культурологи, лингвисты, историки, этнографы, сотрудники музеев, библиотек, краеведы. Было заслушано 18 докладов. В докладах участников симпозиума были освещены неизвестные до настоящего времени штрихи биографии, жизненного пути (д.и.н. В.А. Се-

менов) крупнейшего коми писателя, философа, известного в России в начале XX века, личностные качества и интересы К. Жакова (увлечение К. Жакова языком эсперанто – А.Б. Артеев), материалы истории его рода (к.и.н. Д.В. Вишнякова). Получило дальнейшее развитие исследование философского наследия К. Жакова (д.филос.н В.В. Муравьев рассмотрел принцип всеединства в онтологии лимитизма), выявлена социокультурная значимость его творчества (канд. культурологии А.Ю. Котылев). Особое внимание было уделено литературно-художественному творчеству писателя. Впервые вынесены на обсуждение его литературные взгляды, деятельность в качестве критика (к.филол.н. В.П. Ефименко). Литературоведами выявлена связь произведений К. Жакова с русской поэзией нач. XX века (д.филол.н. Ю.Б. Орлицкий), коми прозой рубежа XX–XXI вв. (к.ф.н. Т.Л. Кузнецова), исследованы семантика и поэтика трудов литературно-художественного наследия (к.филол.н. О.С. Зиявадинова), проанализированы отдельные художественные произведения (д.филол.н. В.А. Латышева). Лингвисты обратили внимание на мнение К. Жакова о коми-японских языковых связях в свете современных лингвистических теорий (к.филол.н. В.В. Понарядов), исследовали особенности лексики произведений (доклады д.филол.н. Г.И. Тираспольского, к.филол.н. Н.В. Немировой, к.филол.н. Н.И. Волковой). Археологи представили результаты исследований последних лет территориально-этнических аспектов Биармии, государства народа коми, описанного К. Жаковым в поэме «Биармия» (к.и.н. К.С. Королев). В докладах работников музеев и библиотек обобщен опыт работы по хранению наследия К. Жакова (Д.Г. Холопова, Е.Г. Нефедова). Краеведы осветили результаты поисковой работы по установлению родового дома Жаковых (Н.А. Митюшева), изучению личных документов, хранящихся в архиве г. Риги (А.Б. Артеев).

На заключительном заседании был заслушан отчет руководителей секций, подведены итоги конференции. Принято решение сделать конференцию «Филологические исследования в XXI веке…» периодической, выбрать межрегиональный оргкомитет для обсуждения и принятия темы следующего форума. Все участники отмечали продуктивную работу, высокий уровень многих докладов и дискуссий, участие большого количества молодых исследователей.

Евгений Цыпанов,
Юлия Крашенинникова,
Татьяна Кузнецова
Сыктывкар

ХРОНИКА НАУЧНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ФИННО-УГОРСКОГО МИРА ЗА 2011 ГОД

6 февраля	Всемирный день саамов (саамы проживают в Швеции, Норвегии, Финляндии, России)
12–17 февраля с. Сузгарье Рузаевского района Мордовии	Работа лагеря финно-угорской молодежи «Созидание-2011», цель которого – подготовка волонтеров из числа финно-угорской молодежи к празднованию 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства. Волонтеры (около 100 чел.), представляющие общественные организации Мордовии, Удмуртии, Марий Эл, а также Эстонии и Финляндии, проводили «круглые столы», межкультурные диалоги, дебаты, участвовали в ярмарке финно-угорских культур
17 февраля г. Таллинн	Парламент Эстонии принял закон о государственном празднике – Дне родственных финно-угорских народов
24–27 февраля г. Ижевск	Всероссийский обучающий семинар «Школа молодых финно-угорских лидеров» – проект Общероссийского общественного движения «Молодежная ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации». Принимала участие молодёжь из Коми, Марий Эл, Мордовии, Башкортостана, Татарстана, Удмуртии, Новосибирской, Псковской, Свердловской, Тверской и Тюменской областей, Пермского края, Ханты-Мансийского и Ненецкого автономных округов, Москвы. Работа семинара прошла по направлениям «Журналистика», «Творчество», «Политика», «Предпринимательство». Были представлены различные мастер-классы, презентации, выступления. Организаторами выступили Общероссийское общественное движение «Молодежная ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» и удмуртская молодежная общественная организация «Шунды» при поддержке Министерства регионального развития Российской Федерации, Министерства национальной политики Удмуртской Республики, Министерства по делам молодежи Удмуртской Республики и Межрегиональной общественной организации «Всеудмуртская ассоциация "Удмурт Кенеш"»
27 февраля – 7 марта г. Ижевск	Третья сессия семинара Финляндско-Российского проекта по обучению представителей финно-угорских организаций Российской Федерации. 13 представителей финно-угорских

	культурных центров обсудили вопросы сохранения и развития национальных языков. Проект реализует общество «Финляндия-Россия» совместно с межрегиональными общественными движениями «Коми Войтыр» и «Удмурт Кенеш» при поддержке Фонда культуры Финляндии и Консультативного комитета финно-угорских народов в период 2009–2011 гг.
2–3 марта г. Саранск	Заседание Ассоциации финно-угорских университетов, на котором обсуждены вопросы информационных технологий в формировании единого образовательного пространства в МГУ им. Н.П. Огарева. Участвовали ректоры Удмуртского и Марийского университетов, представители Сыктывкарского, Петрозаводского и Югорского государственных университетов. Членом Ассоциации является Университет Западной Венгрии, а теперь и Университет Восточной Финляндии. Состоялась презентация информационно-ресурсного центра «Наследие финно-угорских народов» как виртуального хранилища архивного, библиотечного, исследовательского, фольклорного фонда всех финно-угорских народов
5–7 марта г. Ижевск	Заседание правления Молодежной ассоциации Финно-угорских народов, на котором рассмотрены вопросы подготовки X конгресса в г. Саранске, внесения изменений в Устав Ассоциации
4–5 апреля г. Петрозаводск	Заседание Консультативного комитета финно-угорских народов. В работе приняли участие представители финно-угорских народов Российской Федерации, Венгрии, Финляндии, Эстонии. В ходе встречи были подведены итоги работы Консультативного комитета за 2010 год и сформированы основные направления работы комитета на 2011 год. Обсужден вопрос о подготовке к VI Всемирному конгрессу финно-угорских народов, который состоится в Венгрии в 2012 году
11–12 апреля г. Сыктывкар	Дни финно-угорской культуры, посвященные традиционной и современной культуре финно-угорских народов. Присутствовал в качестве почетного гостя генеральный консул Финляндии в Санкт-Петербурге Олли Перхэнтупа. С лекциями в Сыктывкарском университете выступили известный в республике ученый-исследователь финно-угорских языков и общественный деятель Паула Кокконен и научный сотрудник Хельсинкского университета Лари Котилайнен. Открылась марийская выставка «Три тотема» Национального музея Марий Эл. Состоялся концерт финской рок-группы «Jytajyrsijät»
12–16 апреля г. Петрозаводск	Семинар финно-угорских культурных деятелей «Музыкальный инкубатор»

16 апреля г. Красноярск	Фестиваль финно-угорских народов Красноярского края. Проведены «круглый стол» по вопросам развития и сохранения языков и культур народов, межэтнического сотрудничества и литературы финно-угорских народов «Кто такие финно-угры?», выставки декоративно-прикладного искусства «Сибирский эстонский гобелен», «Эстонские орнаменты», презентация национальной кухни. Была представлена концертная программа «Калевипоэг»
17–19 апреля г. Нарьян-Мар, Ненецкий автономный округ	Первое заседание Президиума Совета общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» под председательством Заместителя Председателя Правительства, министра культуры Республики Мордовия Петра Тултаева. На заседании рассмотрен план работы ассоциации на 2011 год, обсуждены информационные вопросы по технологии сохранения и поддержания традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера, рассмотрено заявление о включении в состав Ассоциации финно-угорских народов общественной организации финно-угорских народов Омской области
25–27 апреля г. Йошкар-Ола	Конференция «Языки меньшинств в компьютерных технологиях: опыт, задачи и перспективы» проводилась в рамках совместной программы «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества»
26 апреля– 10 мая г. Москва	VI Международная выставка детского художественного творчества по мотивам легенд, преданий, сказок финно-угорских народов «Завещание предков» в выставочном зале «Народная галерея» Государственного Российского Дома народного творчества. Более 140 работ представлены на выставке умельцами из Республики Марий Эл, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Украины: скульптура, живопись, графика, изделия из бересты, дерева, кости, кожи и меха, куклы в национальных костюмах, гобелены, мультфильмы и фильмы о культурах финно-угорских народов. Передвижная выставка детских работ кочует по регионам с 2009 года
27–28 апреля г. Саранск	I Международная научно-практическая конференция «Финно-угорское пространство в туристском измерении». Участники форума обсудили вопросы развития туризма, этнокультурные аспекты туризма и новые информационные технологии в туриндустрии
9–11 мая г. Будапешт	XXVII Международная научная конференция студентов финно-угроведов «IFUSCO–2011». В рамках конференции работали 5 секций: «Финно-угорское языкознание: прошлое, настоящее, будущее», «Традиции, фольклор, этнография», «Археология, история,

	музееведение», «Социология, право, образование» и «Литературоведение». Участвовали более 160 человек из России, Венгрии, Эстонии, Финляндии, Германии, Польши, Австрии
12 мая г. Сыктывкар	Караванная выставка «Финно-угорский триптих» открылась в Национальном музее Республики Коми. Выставка показывает самобытную и уникальную культуру удмуртов, марийцев и мордвы, общность истоков их мировоззренческой картины мира, современное состояние и развитие данных этносов. Выставка «Финно-угорский триптих» путешествует по регионам России в рамках международного проекта «Финно-угорские народы и культурное наследие. Мультиязычность и мультикультурность в музеях». Проект был запущен Фондом культуры Финляндии в 2007 году при содействии Музейного ведомства Финляндии
22–23 мая г. Саранск	Фестиваль финно-угорского костюма «Масторава»
23 мая с. Подлесная Тавла Кочкуровского района Мордовии	Второй Межрегиональный фестиваль финно-угорского юмора «Кулдор-Калдор». Участвовали представители республик Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, городов Ханты-Мансийска, Москвы. В программе фестиваля юмора: выставка резьбы по дереву, конкурсы на лучшее чучело «Мисс и Мистер Кулдор-Калдор», лучшего частушечника, лучшее приготовление блюд национальной кухни
31 мая г. Сыктывкар	IV Межрегиональная конференция «Функционирование финно-угорских языков: авторское право в электронных, печатных и интернет-ресурсах»
19 июня с. Уралы Большеуковского района Омской области	Первая Финно-угорская областная ярмарка, организованная Омским областным финно-угорским культурным центром
24–25 июня г. Саранск	Всероссийская научная конференция «Национально-государственная организация финно-угорских народов: опыт России и зарубежных стран» в Мордовском университете. Проведен «круглый стол» на тему «Научно-исследовательские и образовательные структуры России как центры развития комплексного финно-угроведения». Работали секции: «Национальная государственность и автономные образования финно-угорских народов: этапы развития», «Финно-угорские народы в истории, политике и культуре России», «Венгрия, Финляндия, Эстония в современных международных отношениях», «Полиэтничные регионы как субъекты Российской Федерации»

24–27 июня г. Сыктывкар	Межрегиональный молодежный форум мастеров и умельцев финно-угорского мира «Наша культура – наше будущее». Форум собрал более 120 молодых представителей финно-угорского содружества из Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Организаторами форума выступили Министерство образования Республики Коми, Министерство культуры Республики Коми, Министерство национальной политики Республики Коми, филиал Федерального государственного учреждения культуры «Государственный Российский Дом народного творчества» «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации»
28 июня– 5 июля г. Ханты-Мансийск	IV творческий семинар «Югра глазами финно-угорских журналистов». В семинаре приняли участие 11 фотомастеров из Карелии, Удмуртии, Коми, Мордовии, Марий Эл, Коми-Пермяцкого, Ханты-Мансийского автономных округов, Ямала. В рамках семинара прошли мастер-классы ведущих фотожурналистов: Михаила Олыкайнена из Карелии и Дениса Речкина из Марий Эл. Состоялась презентация фотоальбома по итогам II семинара финно-угорских фотожурналистов «Ижма одна на планете…». Открылась итоговая выставка III семинара фотожурналистов «Волга – река мира». Семинар организован объединенной редакцией национальных газет «Ханты ясанг» и «Луима сэрипос» и Российской ассоциацией финно-угорских журналистов
Июнь г. Хельсинки	Издан онлайн-каталог более 400 марийских, эрзянских, мокшанских, чувашских и мещерских музейных экспонатов. Проект реализован Музейным ведомством Финляндии
Июнь г. Ханты-Мансийск– Хельсинки	Создана электронная выставка на мансийском языке «Финляндияныл Сибирин» в сети Интернет. В 2010 году организована передвижная выставка «Из Финляндии в Сибирь» на хантыйском, финском и английском языках и учебное пособие для учащихся общеобразовательных учреждений на хантыйском языке (казымский диалект). Проект осуществлен при поддержке Фонда поддержки культуры Финляндии
18–26 июля Удмуртия	Межрегиональная лагерная смена «Шундыкар» («Город Солнца») собрала участников – победителей конкурса по разным направлениям: эстрадный и фольклорный вокал, литературное творчество, изобразительное искусство, журналистика, театр, соломенные и глиняные изделия. 125 человек из республик Башкортостан, Марий Эл, Татарстан, Кировской, Свердловской областей, Пермского края знакомились с современными тенденциями финно-угорской и мировой культуры

15–24 июля Коми-Пермяцкий автономный округ	II Международная летняя академия развития творчества финно-угорской молодежи «FUгорт» («Дом будущего»). В работе академии приняли участие историки-этнографы, фольклористы, мастера прикладного творчества, деятели сферы культуры и искусства, общественные деятели, лидеры молодежных организаций финно-угорских регионов России. Участники знакомились с культурами финно-угорских народов, проводили мастер-классы по народно-прикладному творчеству финно-угорских народов, этнокультурные экспедиции в районы Коми-Пермяцкого округа, встречи с фольклорными коллективами, совместные концертные программы. Организаторы академии: Филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края, автономная некоммерческая организация академия развития творчества «Доживем до понедельника»
1–3 августа г. Саранск	X Международный конгресс Молодежной ассоциации финно-угорских народов «Общественная дипломатия и гражданское участие». Работа велась в четырех секциях по обсуждению вопросов прав коренных народов, этноэкономики, этнополитики, образования, языка, культуры и медиапространства. Заслушан отчет правления, избран новый его состав. Президентом стал Василий Немечкин (Республика Мордовия)
4–21 августа г. Сыктывкар	Международный симпозиум по скульптуре «Финно-угорский мир. Память предков»
Август Республика Марий Эл	XX юбилейная смена Международного лагеря детей финно-угорских народов «Финно-угры, ты и я!». В лагере ребята из детских фольклорных ансамблей, объединений юных мастеров народных промыслов, а также юные краеведы и этнографы изучали традиции финно-угорских народов. Участвовали делегации республик Башкортостан, Карелия, Коми, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Кировской и Нижегородской областей, Ханты-Мансийского автономного округа и другие. Организаторы: Министерство образования и науки Республики Марий Эл совместно с Союзом детских и подростковых организаций Республики Марий Эл «Эр вий»
18 августа г. Сыктывкар	Гала-концерт фестиваля искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит: этническая феерия». Участниками фестиваля стали музыкальные коллективы из Югры, Ямала и Ленинградской области, Коми-Пермяцкого округа, Коми, Марий Эл, Удмуртии. Завершился очередной этап фестиваля искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит: этническая феерия». Проект стартовал в 2010 году в Мордовии.

	побывал в республиках Коми, Марий Эл, Удмуртии, Коми-Пермяцком округе Пермского края. В проекте приняло участие около двадцати музыкальных коллективов и солистов. Учредителями и организаторами фестиваля выступают Министерство культуры Российской Федерации, Государственный Российский Дом народного творчества, филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации
12–16 сентября г. Тампере, Финляндия	Состоялся третий семинар Финляндско-Российского проекта по обучению общественных организаций финно-угорских народов. Участвовали представители из Удмуртии, Коми, Мордовии, Карелии, Марий Эл, Мурманской, Свердловской, Ленинградской, Тверской областей и Москвы. Организатором Проекта выступает Общество «Финляндия-Россия» совместно с межрегиональными общественными движениями «Коми Войтыр» и «Удмурт Кенеш» при поддержке Фонда культуры Финляндии и Консультативного Комитета финно-угорских народов
21–25 сентября г. Петрозаводск	Семинар для молодых музыкантов «Музыкальный инкубатор» в рамках межрегионального творческого проекта «Мастерская будущего финно-угорской молодежи». Музыканты из Карелии, Коми, Удмуртии, Тверской области, Пермского края, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга занимались импровизацией, познавали искусство продюсирования музыкального коллектива, тренировались в обработке электронной музыки. Участники «инкубатора» приняли участие в международном музыкальном фестивале «Carelian faces». Гости фестиваля исполняли музыку и песни на коми, удмуртском, карельском, мансийском и ижорском языках. Песня «Вместе едем зажигать» прозвучала на 12 финно-угорских языках. Композиция стала «продуктом» совместного творчества 18 финно-угорских авторов и переводчиков. Организаторами мероприятия выступили молодежная общественная организация «Молодая Карелия», общество «Финляндия – Россия» и Молодежная ассоциация финно-угорских народов
23 сентября г. Ижевск	Международная научная конференция «Творческое наследие Григория Егоровича Верещагина и финно-угроведение в конце XIX – начале XX века» проведена в Удмуртском институте истории, языка и литературы УрО РАН
27–28 сентября г. Саранск	Международная научно-практическая конференция «Пространство художественной культуры финно-угорского мира: от XIX к XXI веку»

29 сентября г. Сыктывкар	Стартовал инновационный проект «Межрегиональная лаборатория информационной инфраструктуры финно-угорских языков» при Коми республиканской академии государственной службы и управления. Основная цель лаборатории – создание программного инструментария для полноценного функционирования финно-угорских языков в электронном информационном пространстве
29 сентября– 1 октября г. Саранск	Международная научная конференция «Формирование идентичности финно-угорского мира и российское образование». Обсуждались вопросы: история и современность; финно-угорский мир в современном российском образовательном пространстве; языковая общность финно-угорского мира; фундаментальное естественно-научное образование – генерация знаний на базе научных исследований; современное гуманитарное образование как основа гуманизации общества; инновации
Сентябрь г. Саранск	Вышел второй выпуск Ежегодника финно-угорских исследований за 2011 год, выпускаемый финно-угорским научно-образовательным центром гуманитарных технологий. Выпущено с 2007 года 5 изданий
Сентябрь г. Ижевск	Создана Ассоциация финно-угорских научно-исследовательских институтов. Президентом стал Алексей Загрибин (Удмуртия)
6–9 октября г. Саранск	XII Российско-Финляндский культурный форум «Этнокультура в условиях глобализации». Проведены круглый стол «Финно-угорское сотрудничество», семинары, двусторонние переговоры партнеров. Форум собрал более трехсот представителей России и Финляндии. В открытии форума приняли участие министр культуры России Александр Авдеев, министр культуры и спорта Финляндии Пааво Архинмяки, заместитель полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе Леонид Гильченко. Впервые Российско-Финляндский культурный форум прошел в 2000 году в г. Хельсинки (Финляндия)
6 октября г. Саранск	II Международный фестиваль финно-угорских книг «Тиринь-Тедань вал» («Родное слово»). Участвовали представители издательств республик Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Карелии, Коми-Пермяцкого автономного округа, Самарской, Нижегородской, Пензенской, Ульяновской областей и Финляндии
11–15 октября г. Петрозаводск	VI Всероссийский турнир по боксу «класса А» среди финно-угорских народов
14 октября	День родственных финно-угорских народов проводится во всех регионах проживания финно-угорских народов в России, Венгрии, Финляндии, Эстонии. Расширяется география мест и регионов

	Российской Федерации, где стали проводиться мероприятия по финно-угорской тематике. Это места компактного проживания финно-угров в Омской области, Красноярском крае и др. Увеличиваются временные сроки проведения мероприятий от недели до месяца
13–14 октября г. Таллинн	Первая международная конференция по брендингу финно-угорского движения. Участвовали около 50 человек из 5 стран – Венгрии, Эстонии, Финляндии, России, Латвии. Организаторами выступили некоммерческая организация «У-Пооре», МАФУН. Участники обсудили вопросы информационного обеспечения деятельности финно-угорских организаций и всего движения в целом, работы со СМИ, особое внимание обратив на Интернет, социальные сети, публикации материалов на английском языке. Поддержали инициативу организации конкурса «Финно-угорская культурная столица»
15 октября г. Хельсинки	Семинар, посвященный дню родственных народов. Музейным ведомством Финляндии подведены итоги конкурса в области этнографической выставки 2011 г. Главная премия присуждена Мордовскому республиканскому объединенному краеведческому музею им. И.Д. Воронина за концепцию выставки «Имя ей – женщина». Особая премия была присуждена Сургутскому краеведческому музею за выставку «Песни священной воды». Поощрительные премии присуждены национальному музею Республики Коми, Этнографическому выставочному залу Белоярска, музею Кондопожского края, музею вепской культуры и быта (г. Ладва)
17–27 октября г. Сыктывкар	Декада финно-угорских литератур, в рамках которой состоялись: презентация книг, фотовыставка «Карелия в лицах», презентация мультимедийного межрегионального литературного альманаха финно-угорских студентов «Выл чужом» («Новое рождение») на коми, коми-пермяцком, удмуртском языках
29–30 октября г. Ижевск	Второй этап Всероссийского обучающего семинара «Школа финно-угорских лидеров» по планированию работы на 2012 год. Участвовали около 40 человек из Татарстана, Мордовии, Башкирии, Удмуртии, Пермской, Псковской областей
27–29 октября Республика Марий Эл	Визит Чрезвычайного и Полномочного Посла в РФ Иштва Ийдярто, Венгерская Республика и Чрезвычайного и Полномочного Посла в РФ Симу Тийк, Эстонская Республика
29 октября г. Москва	III Международный творческий фестиваль финно-угорской молодежи столицы «Нас подружила Москва!»

1 ноября	Финальный этап конкурса «Имя финно-угорского мира», организованный Информационным центром финно-угорских народов – FINUGOR
10 ноября г. Салехард	Открытые встречи финно-угорских народов: творческие лаборатории, этнодискотека «Ритмы Севера», ток-шоу «Мы – финно-угры», круглый стол «Живые мотивы Северной земли», театральный конкурс «Плстенка», демонстрация коллекции современной одежды с этническими элементами и выставка продукции. Участвовали специалисты из Приуральского и Ямальского районов, представители Республики Коми, Марий Эл
13 ноября	День венгерского языка объявлен парламентом Венгерской Республики
16–18 ноября г. Сыктывкар	II Международный фестиваль визуальных искусств финно-угорских народов «Туйвеж» («Перекресток»). Из 70 представленных работ в конкурсной программе участвовали 35 авторских работ из Республики Коми, Удмуртии, Ямало-Ненецкого округа, Санкт-Петербурга, Карелии, Мордовии, Мурманской области, Финляндии
25–26 ноября г. Йошкар-Ола	II открытый межрегиональный конкурс исполнителей национальной эстрадной песни финно-угорских народов «Ший памаш»
25 ноября г. Шиофок Венгрия	Заседание Международного консультативного комитета финно-угорских народов, на котором рассмотрены вопросы подготовки к VI Всемирному конгрессу
26 ноября г. Омск	II межрегиональный фестиваль «Финноугрия Сибирская». Организаторы – Омский областной финно-угорский центр, продюсерский центр «Финно-угория». В программе: выступления вокальных, хореографических, инструментальных коллективов, выставка декоративно-прикладного и художественного творчества, дегустация национальных блюд, знакомство с национальными играми. Организованы «круглый стол», творческие мастерские
26 ноября г. Екатеринбург	Областной фестиваль «Уральская «Финно-угория-2011»
1–7 декабря Пермская область	Международный конкурс красоты «Звезда Севера-2011» среди девушек, представительниц финно-угорских народов

Игорь Садовин
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрианова Елена Михайловна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой общего и финно-угорского языкознания МарГУ

Душенкова Татьяна Рудольфовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН

Ефремова Диана Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии МарНИИЯЛИ

Крашенинникова Юлия Андреевна – кандидат филологических наук, заведующая сектором фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Кузнецова Татьяна Леонидовна – кандидат филологических наук, заведующая сектором литературоведения ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Лаврентьев Гурий Иванович –доктор филологических наук, профессор

Максимов Валерий Николаевич – кандидат филологических наук, доцент, начальник учебно-методического управления МарГУ

Малева Анастасия Валерьевна – аспирант Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Миннияхметова Татьяна Гильниахметовна – доктор философии, профессор Института истории и этнологии г. Инсбрука (Австрия)

Молотова Тамара Лаврентьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Никитина Татьяна Багишевна – доктор исторических наук, заместитель директора МарНИИЯЛИ

Орлова Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, заведующая отделом социологии МарНИИЯЛИ

Попов Никандр Семенович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Садиков Ранус Рафикович – кандидат исторических наук, заведующий отделом этнологии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН

Садовин Игорь Геннадьевич – координатор общества М.А. Кастрена по РМЭ

Цыпанов Евгений Александрович – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Чикина Наталья Валерьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературы и фольклора ИЯЛИ КарНЦ РАН

CONTENT

ARTICLES

Chikina N.V. Problems of formation of the children's literature in the vepsian language. 3

Nikitina T.B., Yefremova D.Yu. Features of burials with moulding tools on Mari burial grounds of IX–XII centuries. 12

Orlova O.V. Employment and unemployment youth in Republic of Mari El. 25

Lavrentyev G. I. V.A. Bogoroditskiy as the prominent representative of the Kazan linguistic school: essay of a life, scientific and pedagogical activity. 36

REPORTS

Dushenkova T.R. New words (neologisms) in P. Lebedev's works. 47

Sadikov R.R. About one episode of the scientific activity of the priest and ethnographer N.N. Blinov. 66

Maleva A.V. Modern female komi poetry: love experience. 72

PERSONS

Maksimov V.N. To the anniversary of O.A. Sergeev. 80

SURVEYS AND REVIEWS

Popov N.S. Rev.: Jamurzina L. Ceremonies of a family cycle of maris in a context of the theory of ceremonies of transition (on an example of east mari). – Thesis submitted for Degree of Doctor of Philosophy on a speciality of Ethnology. – Tartu, 2011. 83

Molotova T.L. Rev.: «N.V. Nikolskiy. Collected works in four volumes». – Cheboksary: Chuv. publishing house. V. 1, 2004; V. II, 2007; V. III, 2008; V. IV, 2009. ... 89

Tsypanov E.A. Rev.: Shibanov A.A. Adverb in the Udmurt language. – Thesis submitted for Degree of Candidate of Philology. – Izhevsk, 2011. – 236 pp. 93

Minniyahmetova T.G. Rev.: Anna-Leena Siikala & Oleg Ulyashev. Hidden Rituals and Public Performances. Traditions and Belonging among the Post-Soviet Khanty, Komi and Udmurts. – Helsinki: Finnish Literature Society, 2011. – 368 p., il., maps. 98

CHRONICLE

Andrianova E.M. International symposium «Language contacts of the Volga region». 100

Tsypanov E.A., Krasheninnikova Yu.A., Kuznetsova T.L. All-Russian Scientific Conference «Philological researches on the boundary of XX–XXI centuries: traditions, novations, results, prospects». – Syktyvkar, October 19–21, 2011. 103

Sadovin I.G. Chronicle of a scientific and cultural life of the Finno-Ugric world for 2011. 108

Information about the authors. 118

«Финно-угроведение», 2011, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360

Редактор *Н.И. Сараева*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Э.И. Пекшеевой*

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
Телефоны: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Подписано в печать 26.11.2011. Формат 70x100/$_{16}$.
Усл.п.л. 9, 7. Тираж 300 экз. Заказ № 4872.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Издательский дом Сельские вести»
425200, РМЭ, п. Медведево, ул. Советская, 5